

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН**

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ САДРИДДИНА АЙНИ**

На правах рукописи

Ташпулатова Дилрабо Олимовна

**СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУБСТАНТИВАТОВ В ТАДЖИКСКОМ,
РУССКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

**10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Научный руководитель:
кандидат филологический
наук, доктор
педагогических наук
доцент Сайфуллаев Х. Г.

Душанбе - 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Глава I. Теоретико-методологические аспекты исследования субстантивации в русском, таджикском и французском языках	
1.1. Субстантивация как один из видов транспозиции.....	
1.2. Отношение субстантивация к конверсии.....	
1.3. Виды субстантивации.....	
Выводы к первой главе.....	
Глава II. Структурно-семантические особенности отглагольных субстантиватов русского, таджикского и французского языках	
2.1. Общая характеристика отглагольных субстантиватов.....	
2.2. Структурно-семантические особенности отглагольных субстантиватов таджикского языка	
2.3. Структурно-семантические особенности отглагольных субстантиватов русского языка.....	
2.4. Структурно-семантические особенности отглагольных субстантиватов французского языка.....	
Выводы ко второй главе.....	
Глава III. Сопоставительно-типологический анализ отглагольных субстантиватов, образованных суффиксальным способом и по конверсии в таджикском, русском и французском языках	
3.1 Сопоставительно-типологический анализ отглагольных субстантиватов в таджикском, русском и французском языках.....	
3.2. Сопоставительно-типологический анализ отглагольных субстантиватов, образованных суффиксальным способом и по конверсии в таджикском, русском и французском языках.....	
Выводы к третьей главе.....	
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	
ПРИЛОЖЕНИЕ	

ВВЕДЕНИЕ

Проблема сопоставительного исследования родного и иностранного языков последнее время привлекает все более пристальное внимание как таджикских, так и зарубежных лингвистов.

Традиции советского языкознания в данной области особенно богаты и важны. Еще А. В. Щерба отмечал, что через сравнительно-сопоставительное исследование повышается сознательность: сранивая разные формы выражения, мы отделяем мысль от знака, ее выражающего и приучаемся лучше распознавать разные оттенки этой мысли.

Исследование отглагольных субстантиватов в таджикском языке в сопоставлении с русским и французским языками затрагивает важные вопросы развития не только общества, но и личности, в связи с этим в настоящее время является весьма актуальной.

На субстантивацию неоднократно обращали внимание в своих трудах многочисленные зарубежные и отечественные лингвисты: Ш. Рустамов, Ш. Мухаммадиев, В. Гак, В. В. Лопатин, Н. С. Валгина, В. В. Виноградов, М. Ф. Лукин, Е. А. Земская, Е. С. Кубрякова, Б. Сияев, Э. Шоев и многие другие.

В последние годы наблюдается интерес лингвистов к сопоставительному исследованию отдельных классов языковых единиц и целых лексических систем. Вопросы, решаемые в ходе исследований во многом могут быть продиктованы потребностями современной лексикографии, которые связаны с попытками создания высококачественных автоматических переводчиков.

Актуальность исследования объясняется тем, что в данном диссертационном исследовании впервые проводится сопоставительное исследование переходных явлений в языковой системе таджикского, русского и французского языков. Современная наука, развивающаяся в рамках межпредметных парадигм, все чаще рассматривает теорию транспозиции в единой системе языковых единиц. Как известно системе

частей речи присуща динамика, которая проявляется в транспозиционных процессах, в том числе в переходе различных языковых единиц в разряд существительных - субстантивации.

Одним из важнейших компонентов грамматической системы языка, в котором отражаются основные черты различных разрядов слов, является имя существительное.

Явление субстантивации в языке издавна привлекал интерес лингвистов. М.В.Ломоносов в «Российской грамматике» одним из первых указал на наличие в языке слов, употребляющихся в роли существительных с нехарактерной для них морфемной структурой. Наряду с другими отглагольными существительными (*клятва, терпение*), рассматривая слово *прохожий*, он отмечает: «Имена, с причастиями и прилагательными сродные, кончающиеся на *-ей* и *-ой*, склоняются как прилагательные: *невчей, невчаго, невчему*» [Ломоносов 1952: 464].

Другие исследователи (В.Г.Белинский, Н.И.Греч, Ф.И.Буслаев, Г.П.Павский, И.И.Давыдов, В. Гак, Л. П. Лопатин, Б. Ниёзмухаммедов, Ш. Мухаммадиев) рассматривали возможность перехода имен прилагательных в разряд существительных.

Явление субстантивации рассматривали в своих работах В.В. Лопатин [1967], В.Я. Кузнецов [1976], Е.Г. Ковалевская [1977], Ш. Рустамов [1986], Т.К. Бардина [2003], Е.М. Хачирова [2003], С.И.Богданов, Ю.Б.Смирнов [2004], И.В.Высоцкая [2006], О. Г. Ильинская [2006] У.Н.Фысина [2007], Е.В.Смирнова [2007], Ш. Мухаммадиев [2009], А. Ф. Гайнутдинов [2011].

Работы, посвященные исследованию переходных явлений, т.е. субстантивации, появившиеся в конце XX и начале XXI вв., рассматривают вопросы их места в языковой системе [Остапенко 1990], [Калечиц 1991], [Бабайцева 1991], соотношение лексико-грамматической полисемии и переходных процессов [Стернина 1991], [Баудер 1991], проблема лексико-грамматической переходности частей речи [Бардина 2003], языковые и

функциональные аспекты данного переходного явления [Редькина 2003], синкретизм в системе частей речи русского языка [Высоцкая 2006], окказиональная субстантивация [Смирнова 2007]; стилистические и семантические аспекты субстантиватов [Фысина 2007]; в некоторых проводится сопоставительный анализ явлений транспозиции [Чижова 1997], [Бологан 1997], [Громова 1990].

В таджикском словообразовании на современном этапе вопросы словообразования таджикского языка впервые системно рассматриваются Ш.Р. Рустамовым. В этом плане большую роль играют исследования Ш.Рустамова, в котором рассматривается вопрос словообразования существительных в таджикском языке, определяются словообразовательные возможности существительных.

Проблема субстантивации разработана в работах таджикских лингвистов: [Сиёев1967], [Шоев1980], [Рустамов 1981], [Мухаммадиев 2009] , в большинстве случаев статейного характера [Халимов 1975], [Эшонджонов 1955], иногда в виде отдельных частей в разделах грамматик и монографий [Ниёзи 1954], [Мирзоев 1987].

При решении общих вопросов субстантивации в таджикском языке значительное место занимают труд Ш. Рустамова «Словообразование существительного в современном таджикском литературном языке» и «Имя существительное» и диссертационная работа Ш. Мухаммадиева «Субстантивация в таджикском литературном языке». В этих работах переход слов из одной части речи в другую рассматриваются как конверсионный способ словообразования.

М. Мухаммадиев [1997], чье исследование носит лексико-семантический характер, дает описание продуктивных словообразовательных моделей имен существительных.

С. Р. Хоркашевым [1996] рассмотрен суффиксальный способ словообразования существительных в юго-восточных говорах таджикского языка.

В изучении сравнительно-типологического языкознания большой вклад внесли ученые как Е. С. Курякова, Ю. В. Рождественский, Х. Г. Сайфуллаев, Ф. К. Зикрияев, П. Джамshedов, Дж. Джоматов, С. Ш. Надыршина, Т. Х. Мухиддинова.

Вопросам сопоставительного изучения субстантивации в таджикском языкознании посвящены работы С. Ш. Надыршиной «Сопоставительное исследование словообразовательных рядов отглагольных наименований лица в русском и таджикском языках» [1999] и Т.Х. Мухиддиновой «Семанτικο-структурный анализ наименований лиц по профессии в таджикском и английском языках» [2011].

Изучению конверсии как способа словообразования в таджикском языке посвящена кандидатская диссертация Ш. Мухаммадиева [2009], где автор рассматривает вопрос образования имен существительных по конверсии в таджикском литературном языке. Субстантивацию в данной работе Ш. Мухаммадиев рассматривает лишь как частный аспект конверсии.

Таким образом, несмотря на отдельные работы по исследованию субстантивации частей речи в таджикской лингвистике и довольно обширную литературу по субстантивации в русском языке, в них не представлены все возможные аспекты исследования: в них не рассмотрены такие типологические группы, как лицо-производитель действия, действие или состояние, орудие или предмет действия, место действия. В них частично дается семантико-тематическая и функционально-стилистическая характеристика субстантиватов.

В таджикском языкознании субстантивация частей речи относится к малоизученной сфере, и данное исследование призвано восполнить этот пробел.

Актуальным и принципиально новым в данной работе является сопоставительное исследование субстантивации частей речи в разноструктурных языках: таджикском, русском и французском. В работе впервые определены основные условия системного анализа субстантивации в разносистемных языках, выявлены универсальные возможности перехода для рассматриваемых языков. В работе проведен сопоставительный анализ семантических моделей субстантиватов, различные возможности перехода глаголов в имена существительные в сопоставительном аспекте, структурные и семантические особенности.

Актуальность данного диссертационного исследования определяется также и тем, что до настоящего времени отсутствуют работы, касающиеся изучения проблем субстантивации в сопоставительном плане в трех типологически различных языках: таджикском, русском и французском языках.

Объект исследования — субстантивация как способ словообразования в таджикском, русском и французском языках, субстантивированные единицы таджикского языка в сопоставлении с русскими и французскими отглагольными субстантиватами.

Предметом исследования является грамматическая, структурная и семантическая характеристики отглагольных субстантиватов таджикского, русского и французского языков.

Целью данной работы является представление лингвистической природы отглагольной субстантивации в таджикском, русском и французском языках, выявление типологических сходств и различий отглагольных субстантиватов таджикского, русского и французского языков на лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях языка. Реализация данной цели связана с решением частных задач:

- раскрыть теоретические и методологические аспекты исследования отглагольных субстантивов в контексте общелингвистического языкознания;

- провести анализ различных точек зрения на транспозицию, субстантивацию и конверсию как частное проявление транспозиции; дать определение терминологическому обозначению субстантивации;

- определить место субстантивации в системе современного таджикского, русского и французского словообразования; установить тождество и различие субстантивации и конверсии, как продуктивных способов словообразования в рассматриваемых языках;

- провести структурный анализ отглагольных субстантивов исследуемых языков, сопоставительный анализ сходства и отличий отглагольных субстантивов в таджикском, русском и французском языках; на основе сравнительного анализа выявить адекватные отглагольные субстантивы в исследуемых языках.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что в диссертации впервые проводится типологическая группировка отглагольных субстантивов. Принципиально новым и актуальным в работе является сопоставительное исследование субстантивации глаголов в разноструктурных языках: таджикском, русском и французском, где субстантивация репрезентируется как один из видов словообразования; в работе прослежены структурно-семантические и грамматические возможности отглагольных субстантивов каждой группы в разноструктурных языках. Научная новизна исследования также заключается в том, что она представляет собой первый опыт в типологическом плане комплексного исследования отглагольных субстантивов таджикского, русского и французского языков.

Теоретической базой исследования послужили основополагающие труды в области транспозиции В. В. Виноградова, Е. А. Земской, А. И. Смирницкого, Е. С. Кубряковой, В.В. Лопатина, В. Гака, В.В. Бабайцевой, Ш. Рустамова, Ш. Балли, М. Докулила и др. В процессе исследования отглагольных субстантиватов наряду с описательным были применены типологический и контрастивный (сопоставительный) методы, а также метод количественного анализа. Был использован метод сплошной выборки и статистической обработки языкового материала.

Материалом исследования послужили данные корпуса словарей русского, таджикского и французского языков: Толковый словарь русского языка И. С. Ожегова; Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой; Толковый словарь таджикского языка: в 2-х томах; Dictionnaire de suffixes du français, Le Grand Robert; данные исследований, освещающих вопросы субстантивации.

Теоретическая значимость данного исследования обусловлена тем, что:

- его результаты вносят вклад в развитие теории переходности как таджикского, так и русского и французского языков, т.к. с позиций семантического и грамматического аспектов на основе сопоставительного исследования отглагольной субстантивации осуществлено изучение основного массива языковых единиц исследуемых языков;

- на лексическом материале трех разноструктурных языков впервые определены основные условия системного осуществления отглагольной субстантивации; выявлены уникальные условия для каждого отдельно взятого языка и универсальные условия для рассматриваемых языков;

- произведен комплексный подход к исследованию отглагольной субстантивации в рассматриваемых языках, который может быть использован при исследовании данного явления в других разноструктурных языках;

- впервые был применен комплексный подход к исследованию субстантивной транспозиции, позволивший выявить универсальное и уникальное в контрастивных исследованиях микрополей отглагольных субстантиватов.

Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные результаты, материалы и выводы диссертации могут быть использованы при написании монографий, статей и вузовских пособий по контрастивной лингвистике, словообразованию и функциональной морфологии, при написании работ по сравнительному исследованию проблем лингвистики. Некоторые теоретические приемы типологического анализа лексического материала могут быть применены при описании отглагольных субстантиватов в других сопоставляемых языках.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Субстантивация - лексико-грамматическое явление, вызываемое целым комплексом факторов лексического, морфологического и синтаксического порядка. При определении принадлежности части речи учитываются семантический, морфологический и синтаксический критерии, т.к. при номинации семантика доминирует над морфологией и синтаксисом, поскольку переосмысление единицы происходит с ее содержания.

2. Сопоставительное исследование отглагольных субстантиватов проводится с учетом семантики производящих глаголов, распределенных по лексико-семантическим группам.

3. Таджикские, русские и французские отглагольные субстантиваты обнаруживают сходство в семантике, проявляющемся в совпадении характерных моделей и семантико-тематических разрядов. Во всех трех языках преобладают субстантиваты абстрактного характера и лицо-производитель действия;

4. Отглагольные субстантиваты русского языка в отличие от таджикского и французского, сохраняют грамматические признаки исходной

части речи; отглагольные субстантиваты в таджикском и французском языках приобретают словоизменительные особенности существительного (т.е. аффиксы категории падежа, числа и принадлежности).

Апробация работы. Основное содержание диссертационного исследования отражено в 6 научных публикациях в журналах, входящих в Перечень рецензируемых научных изданий, утверждённый ВАК Минобрнауки РФ.: «Образование отглагольных существительных способом конверсии в и русском, таджикском и французском языках» (ТГПУ, 2011 г.); «Сравнительный анализ субстантивации, как одного из способов транспозиции (на примере русского, таджикского и французского языков)» (ТГПУ, 2014 г.); «Суффиксы как один из способов словообразования в современном французском языке» (ТГПУ, 2012 г.); «Сравнительный анализ суффиксов отглагольных существительных с абстрактным значением таджикского языка и их соответствия в русском языке» (ТНУ, 2013 г.); «Слово и виды словообразования» (ТГПУ, 2012 г.), «Сопоставительный анализ отглагольных субстантиватов в русском, таджикском и французском языках» (Филологические науки, 2015 г.) и др.

Результаты, полученные в ходе исследования, докладывались и обсуждались также на ежегодных итоговых научных конференциях, на заседаниях и семинарах кафедры английского языка и сравнительной типологии (2011-2014 гг.).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложений, включающих в себя типологические группы отглагольных субстантиватов русского, таджикского и французского языков.

Глава 1. Теоретико-методологические аспекты исследования субстантивации в таджикском, русском и французском языках

1.1 Субстантивация как один из видов транспозиции

Как известно, язык находится в непрерывном движении, и именно словарный состав в первую очередь отражает изменения в языке. В противоположность фонетическим и грамматическим явлениям, лексический состав языка представляет собой открытую систему, так как он постоянно обогащается новыми единицами. Лексика, которая отражает научные открытия, новые социальные отношения, развивается вместе с историей. Способность обогащать свой словарный состав новыми единицами служит наиболее ярким свидетельством динамического характера языка. Несмотря на то, что в языке очень сильны стабилизирующие факторы (образование, литературная традиция), развитие лексики ощутимо при рассмотрении конкретного периода времени.

Замечено, что по сравнению с другими путями пополнения лексики (семантические изменения, заимствования) наиболее продуктивным является словообразование.

Современная наука, которая все чаще развивается в рамках межпредметных парадигм, рассматривает теорию транспозиции в общей системе единиц языка. Системе частей речи присуща динамика, как в транспозиции, так и в субстантивации.

По М.Ф. Лукину, язык развивается в связи с коммуникативными потребностями членов общества, потребностями, которые являются причиной изменений, новообразований, инноваций в языке, куда относится «и так называемый переход слов из одной части речи в другую» [Лукин 1973:50].

Как отмечает В. Н. Ярцева, главная причина перехода одной части речи в другую заключается в потребности членов общества в выражении мысли при помощи языковых средств. В процессе транспозиции одно и то же слово может переходить из одной части речи в другую, «расширяя синтаксические возможности языка, способствуя более точному оформлению мысли и придавая исключительную гибкость выражению» [Ярцева 1990:65].

Одно и то же явление ученые разных стран трактуют по-разному: А. Дарместетер, К. Нироп, М. Гревисс, Ж. Дамурет, Э. Пишон, А. Ломбар писали о несобственной деривации; Ф. Брюно и А. Доза, которые рассматривали данное явление как изменение категорий слов, не дают ему никакого конкретного обозначения. Ш. Балли первым употребляет термин *транспозиция* и понимает под транспозицией не только субстантивацию, но и многие способы образования лексических единиц, А. Сеше также пользуется термином *транспозиция*. Л. Теньер вводит термин *трансляция* и рассматривает это явление с позиций синтаксиса, что дает толчок развитию теорий структуралистов, в частности теории Жана Дюбуа, который использует термин *транспозиция*. Современные французские ученые Л. Гильбер, М.-Ф. Мортрьюе, Д. Корбен и Ф. Мартен-Берте пользуются термином *конверсия*.

Русские ученые А.И. Смирницкий, В.Г. Гак, М.Д. Степанова, Ю.С. Степанов, О.Д. Мешков, Е.А. Земская, Е.С. Кубрякова, Э.А. Халифман, Т.С. Макеева, О.В. Раевская, В.М. Никитевич и Г.С. Чинчлей пользуются термином *конверсия*, О.И. Богомоллова использует понятие *несобственной деривации*, В.Н. Немченко говорит о *флексионном способе словообразования*, Г.Г. Соколова использует термин *транспозиция*.

В таджикском языкознании не видят принципиального различия между конверсией и субстантивацией. Таджикские ученые используют следующие понятия: *субстантивация*, *переход в разряд существительных*, *конверсия*. Опираясь на взгляды А. И. Смирницкого [Смирницкий 1953], таджикские

лингвисты, чья позиция высказана в небольших научных статьях, в отдельных случаях лишь указывают на конверсию.

О важности и актуальности темы свидетельствуют точки зрения, высказанные Ш. Рустамовым [1970, 1972], Б. Сиёевым [1967], Э. Шоевым [1980], которые в определенной степени внесли вклад в изучение данного вопроса.

Так, таджикский ученый Ф. Амонова конверсию называет «безаффиксным словообразованием», под которым понимает «название способа словообразования осуществляемого без участия какого-то бы ни было деривационного аффикса и которое наблюдается тогда, когда оба члена словообразовательной корреляции имеют материально тождественные основы, не содержащие никакого словообразовательного аффикса» [Амонова 1979:85].

Особого внимания заслуживают работы Ш. Рустамова, который отмечает, что «конверсия как способ словообразования в таджикском языкознании специально не изучена» [Рустамов 1981:176].

Рустамов Ш. указывает, что А.И. Смирницкий, уточняя различные аспекты данного вопроса, внес неопределимый вклад в изучение одного из важнейших способов словообразования [Рустамов 1981:176].

Решение данного вопроса важно, как с точки зрения определения частеречной функции и статуса слов в речи, так и приобретения единицами парадигм других частей речи в результате влияния различных факторов.

С появлением в XX веке термина *конверсия* появилась необходимость, во избежание терминологической неточности, четко отделить конверсию от такого явления как транспозиция. Термины конверсия и транспозиция по-разному трактуются учеными, часто эти понятия являются у лингвистов синонимичными. Единственно правильным, по нашему мнению, является понимание *транспозиции* как более широкого явления, включающего в себя, в частности, *субстантивацию*, как это сделано в трудах Е.С. Кубряковой

[1977:230-300], которая внесла существенный вклад в разработку и решение проблемы конверсии и транспозиции. Транспозиция, по ее мнению, - это термин, применимый к самым разным уровням языка, который отождествляется с любым процессом деривации. Соотношение понятий транспозиции и конверсии оказывается более сложным, конверсию Е.С. Кубрякова предлагает рассматривать как морфологическую транспозицию, имеющую словообразовательный характер.

Явление переходности можно рассматривать как механизм, способный предохранять язык от перегрузки лексическим материалом.

Как указывает А.А.Кизюкевич, транспозиция, восполняя недостаточность аффиксального способа, функционально объединяется с ним, преимущество транспозиции заключается в том, что в ходе данного процесса «материально слово не образуется» [Кизюкевич 1990:168]. Некоторые лингвисты отмечают, что возможности транспозиции разных классов лексем не одинаковы [Дьячук 1988; Мигирин 1971; Ким 1978; Шигуров 1988].

О.М.Ким считает, что, богатство системы форм, значений и функций семантического класса расширяют его транспозиционные возможности, а скудость семантики, формы и функций семантического класса сужает его транспозиционные возможности» [Ким 1978:17].

По В.В.Шигурову, процессу переходности подвержены все грамматические классы слов, особенно активен он в именных частях, наречиях, а также служебных частях речи, причастиях и деепричастиях [Шигуров 1988:9].

По мнению В. В. Бабайцевой, наличие явлений переходности обусловлено «потребностью в более экономном, но точном и семантически емком выражении информации о действительности» [Бабайцева 1988:5].

В данной работе актуальным и принципиально новым является сопоставительное исследование субстантивации глаголов в разноструктурных языках: таджикском, русском и французском.

В данном исследовании рассматриваются теоретические взгляды лингвистов, рассматривающих языковые явления с точки зрения синхронии или диахронии. Впервые при изучении транспозиции синхронический подход был использован учеником Ф. де Соссюра Ш. Балли. Некоторые лингвисты более позднего периода, отказывались от синхронического подхода.

Имя существительное - часть речи, занимающая важное место в системе других частей речи, которая называет субстанции и имеет разнообразную и богатую словообразовательную структуру. Поэтому именно здесь помимо способов словообразования, имеющих в области других частей речи, существуют субстантивные словообразовательные способы: субстантивация, аббревиация, усечение основ, универбация и нулевая суффиксация. Наиболее активным является суффиксальный способ словообразования.

С давних пор лингвисты занимались изучением слов, которые могут употребляться в роли существительных, но имеют морфемную структуру, нехарактерную для них. Еще М.В. Ломоносов, рассматривая слово *прохожий* наряду с отглагольными существительными *клятва*, *терпение*, указывал: «Имена, с причастиями и прилагательными сродные, кончающиеся на *-ей* и *-ой*, склоняются как прилагательные: *певчей*, *певчаго*, *певчему*» [Ломоносов 1952: 464]. Другие исследователи также указывают на возможность употребления прилагательных в значении существительных (В.Г.Белинский, Н.И.Греч, Г.П.Павский, Ф.И.Буслаев, И.И.Давыдов).

Процесс субстантивации рассматривали Л.Б.Перльмутгер [1948], И.М.Подгаецкая [1950], С.Д.Липкин [1950, 1956], О.М.Доконова [1953,1964], В.М.Марков [1957, 1961], И.Ф.Протченко [1958, 1971], Н.Н.Чурилова [1959],

Л.И. Ройзензон [1962], А.М.Барзилович [1962], Н.П.Голубевой [1963, 1970], М.Ф.Лукин [1965, 1973,1986], В.В.Лопатин [1967], В.Я.Кузнецов [1976], Е.Г.Ковалевская [1977], Г.П.Снетова [1980, 1984, 1992], С.А.Остапенко [1990], Т.К.Бардина [2003], Е.М.Хачирова [2003], О.В.Редышна [2003], С.И.Богданов, Ю.Б.Смирнов [2004], Ш. Рустамов [1986], И.В.Высоцкая [2006], У.Н.Фысина [2007], Е.В.Смирнова [2007], [Остапенко 1990], [Бабайцев 1991], [Калечиц 1991], [Баудер 1991], [Стернин 1991]. Сопоставительный анализ транспозиционных явлений проводили Бологан (1997), Чижов (1997), Громов (1990); языковые и функциональные аспекты субстантивации - Редькин (2003); Т. К. Бардин (2003); [Высоцкая 2006]; окказиональную субстантивацию рассматривала С. В. Смирнова 2007; стилистические и семантические аспекты субстантиватов – У. М. Фысина 2007, проблемы деривационной ономазиологии – Ф. Амонова (1988).

По М. Ф. Лукину, под субстантивацией понимается переход лексем из других частей речи в разряд существительных, способность непосредственно указывать на предмет, а не только на его признак и т.д. [Лукин 1973:38]. С данным общим определением можно согласиться. Однако, необходимо отметить, что наличие «перехода» слов, которые, еще не являясь существительными, уже выступают как субстантивы, говорит о том, что данные единицы реализуют разную степень значения субстанциональности. С учетом данного замечания можно предложить следующее определение субстантивации - переход лексических единиц в существительные на основе связующих признаков с разной степенью реализации общего значения субстанциональности.

В настоящее время существует мнение, разделяемое многими исследователями переходных явлений, особенно, субстантивации. Субстантивация - сложное лексико-грамматическое явление, вызываемое не каким-то одним условием, а комплексом условий лексического, синтаксического и морфологического порядка.

Некоторые ученые [Жлуктенко 1958], [Загоруйко 1961], [Мазо 1963], [Карашук 1962], [Попова 1984], [Бортничук 1988] считали субстантивацию морфолого-синтаксическим способом словообразования лишь потому, что новая единица приобретает морфологические показатели, свойственные существительному, в результате употребления свойственных существительному синтаксических функций. Парадигму они выделяют единственным словообразовательным средством. Подчеркивая значительность морфологических показателей, исследователи подчиняли им синтаксические функции. Позднее в советской лингвистике акцент был смещен в пользу синтаксико-морфологических способов словообразования, так как синтаксис, по мнению ученых, доминирует над морфологией, и синтаксическая валентность, закрепляемая за производным словом, определяет его морфологические показатели [Загоруйко 1984],[Никитевич 1985] и др. «Производное значение здесь выражается позицией слова, т.е. синтаксически, и значение подкласса существительного выражается парадигматическими показателями только в зависимости и как следствие субстантивной позиции» [Никитевич 1985: 84].

Зарубежные исследователи отмечают, что слово, переходящее в другую часть речи, морфологически и синтаксически может иметь функцию той части речи [Kruisinga1932], [Kennedy1935].

Ф.И. Буслаев трактовал субстантивацию как частный случай «опущения» частей речи. Он указывал, что если общее понятие, выраженное существительным, достаточно явственно из прилагаемого к нему определения, и заключается в нем как родовой признак, то существительное опускается [Буслаев 1959: 284].

Таким образом, для субстантивации характерен семантический сдвиг, сопровождающийся частью грамматических изменений или изменений в полном объеме.

Б.В. Мазо субстантивацией считает только тот словообразовательный момент, когда единица в английском языке употребляется с «*the*» в собирательном значении (неполная парадигма), ограничивая семантические возможности субстантивации.

Некоторые считают, что субстантивация может быть и по конверсионной модели, и при участии эллипса. Под конверсионной моделью здесь понимается синхронный процесс словообразования, а под эллипсом - собственно субстантивация как диахронический акт перехода слова в разряд существительных. По О.Д. Мешкову [1976], субстантивация и конверсия отличаются по времени протекания, определенная часть слов может образовывать существительное по субстантивации, другая - по конверсии.

И.А. Уолш признает участие конверсии и эллипсиса при образовании деадъективных прилагательных, различие между которыми видит в следующих параметрах: 1) источник - слово/словосочетание; 2) характер транспонируемой единицы - основа/слово; 3) результат - мотивированный знак/дефектно мотивированный знак, тем самым рассматривая конверсию и эллипсис и как способы, и как механизмы образования существительных [Уолш 1980: 50].

Понятие субстантивации как совокупности разнохарактерных процессов, в результате которых появляется новая номинативная единица, омонимичная прилагательному, не раскрывает полностью словообразовательной сущности субстантивации.

Субстантивация широко распространена в таджикском, русском и французском языках, явление переходности свойственно практически любой части речи.

Общие вопросы субстантивации в таджикском языке рассматривались Ш. Рустамовым в его работе «Имя существительное», где проведен анализ

случаев перехода в разряд существительных прилагательных, глагола, числительных, наречий и причастий [Рустамов 1981].

Субстантивация как словообразовательный способ рассмотрена в кандидатской диссертации Ш. Мухаммадиева на тему «Субстантивация частей речи в таджикском литературном языке» [2009], посвященной вопросам образования существительных по конверсии в таджикском языке.

Несмотря на большое количество работ по субстантивации, как в русистике, романистике и некоторых изысканий в иранистике, ни в одной из них не проведен сравнительно-типологический анализ перехода глаголов в категорию существительные трех языках.

В таджикском языкознании субстантивацию можно отнести к малоизученной области. Обзор точек зрения лингвистов на проблему субстантивации в языке показывает, что субстантивация - сложное лексико-грамматическое явление, вызываемое целым комплексом факторов лексического, синтаксического и морфологического порядка. Под субстантивацией традиционно понимается переход других частей речи в разряд существительных, способность непосредственно указывать на предмет, а не только на его признаки и т.д.

Ш. Рустамов в своей работе называл субстантивацию «переходом в разряд существительных». Его рассуждения больше носили форму подтверждения данного явления в таджикском языке [Рустамов 1981:177].

По Б. Ниязмухаммедову, «слова *чавон* (молодой), *мўйсафед* (старик), *камтир* (старуха) и т.п. относятся к лексико-грамматической группе как прилагательного, так и существительного» [Ниязмухаммадов 1970:34], т.к. раньше отсутствовало единое мнение в определении лексико-семантических и лексико-грамматических свойств слов в тексте.

Такое же поверхностное отношение наблюдается в анализе лексико-семантических и грамматических свойств производных слов. Например, суффикс-*анда* используется как словообразовательный суффикс и

существительного, и причастия (*нависанда, хонанда, бинанда* и др.); такие же ошибки наблюдаются в употреблении суффиксов *-а, -о, -он*.

Ш. Рустамов видел причины данной проблемы в отсутствии единого мнения исследователей: «Ученые не имеют общего мнения в определении мест слов частях речи, так как каждый из них опирается на различные школы лингвистики, у которых классификация слов различна» [Рустамов 1972:4]. Он считал, что «единственно правильный способ определения слова к той или иной части речи является учет частей речи как лексико-грамматическая группа слов» [Рустамов 1972:6].

Как нам кажется, для правильной классификации слов необходимо учесть основное значение и отнесенность слова к определенной части речи. В таджикском языкознании проблема транспозиции, особенно субстантивация является одной из малоизученных отраслей.

Ш. Балли описывает возможность перевода знаков (в понимании Ф. де Соссюра) из одного класса в другой, то есть их транспозиции. Если до Ш. Балли наряду с другими способами образования слов лингвисты говорили о несобственной деривации или конверсии, то Ш. Балли, который ввел термин «транспозиция», стремился к более широкому пониманию процесса словообразования и старался увидеть общую тенденцию в таких явлениях, как, например, суффиксация и несобственная деривация.

Ш. Балли отмечал, что мысль освобождается благодаря межкатегориальным заменам, и замкнутые в своих категориях знаки могут служить весьма ограниченным источником средств для выражения различных потребностей речи. Способность знака, сохранив одни значения, приобрести в то же время новые, расценивается в зависимости от того, какие именно новые значения приобретает знак при его переводе из одного класса в другой» [Bally 1950:126].

Ш. Балли рассматривал транспозицию как один из важнейших источников словообразования, особенно используемый в современном

французском языке для пополнения классов существительных и прилагательных. Он определял это явление как процесс словообразования и подчеркивал неизменность формы языковой единицы. Ценность его теории, по мнению ряда ученых, состоит в том, что она связывает проблему словообразования с синтаксисом и указывает на основные черты, присущие этому явлению во французском языке. Ш. Балли отмечает, что транспозиция пронизывает всю систему языка, и считает, что «языковой знак, полностью сохраняя свое лексическое значение, может изменить грамматическое значение, приняв на себя функцию какой-либо лексической категории (существительного, прилагательного), к которой он не принадлежит» [Bally 1950:127]. В качестве примера транспозиции Ш. Балли приводит случаи перехода существительного *planète* в прилагательное *planétaire* и существительного *campagne* в *de campagne*, где имя существительное выступает в роли определения. Предельной формой транспозиции является, по Ш. Балли, восприятие отдельного предложения как части речи. Например, в предложении *Je sais que tu mens* придаточное предложение может рассматриваться как функциональный эквивалент имени существительного. Такое толкование транспозиции весьма расширительно, однако логично вытекает из теории ученого.

Как указывал Л. Теньер, «именно благодаря ей [транспозиции] говорящий всегда может выразить свою мысль и закончить фразу (*ne reste jamais bouche bée sans pouvoir achever sa phrase*). Это свидетельствует о том, что она не только полезна, но и необходима, и даже неизбежна [Tesnière 1976 :365].

Функциональная транспозиция, как считает это явление Гак В.Г., играет огромную роль, расширяя номинативные возможности языка, способы выражения делает разнообразными и более гибкими. Он делит ее на два типа: 1) морфологический, когда слово (основа), переходя в другую часть речи, трансформируется в новую единицу; 2) синтаксический, когда

слово, не переходя морфологически в другую часть речи, выполняет ее функцию. В случаях морфолого-синтаксической транспозиции слово приобретает морфологические показатели, которые позволяют ему выполнять функции другой части речи. Конверсию он определяет как способ, при котором слово можно перевести из одной части речи в другую [Гак 2000:111].

Очень часто во французском языке трудно отличить морфологическую конверсию от синтаксической транспозиции, когда слово, не переходя морфологически в состав другой части речи, выполняет ее функцию. Когда обе части речи обладают четко различающимися парадигмами, прежде всего, это переход глагола в существительное, легко выяснить принадлежность к части речи. (*dîner* — *un dîner) или существительного в глагол (*un clou* — **je cloue, nous clouons*).

Переход слова в иную часть речи путем конверсии - процесс, включающий ряд промежуточных ступеней. В некоторых конструкциях слово может утрачивать специфические черты части речи. Отсюда - многие неясные случаи и колебания грамматистов и лексикографов в идентификации части речи. Например, слово *monstre* в *un travail monstre* квалифицируется словарями как прилагательное (морфологическая транспозиция существительного), а *miracle* в *un produit miracle* как адъективированное употребление существительного (синтаксическая транспозиция).

Переход части речи начинается с синтаксической функции и завершается в морфологии. Приобретение словом всех морфологических признаков новой части речи - завершение этого процесса.

В течение последних нескольких десятилетий проблема конверсии интересовала таких исследователей, как Д. Корбен [Corbin 1987] и Ф. Мартен-Берте [Martin-Berthet, Lehmann 2000]. Оба лингвиста, бесспорно, относят конверсию к словообразовательным способам, хотя и признают, что

во многих случаях семантика производного слова и конверсива значительно различается.

Н.М. Шанский [1959: 65] выделяет морфолого-синтаксический способ словообразования [то есть конверсию] который, по его мнению, является, по сути, разновидностью лексико-семантического способа. По мнению Н.М. Шанского, лексико-семантический способ словообразования состоит в том, что в результате изменений в значении слова, путем расщепления слова на омонимы образуются новые слова. Он отмечает, что в случае образования новой единицы лексико-семантическим способом производящая лексема может выступать, как в совокупности различных словоформ, так и в какой-либо части своей парадигмы, и даже в какой-либо одной форме [*леса- лес: леса, часы - час: часы, схватки - схватка: схватки*].

При морфолого-синтаксическом способе словообразования считает Н.М. Шанский, в результате перехода лексем одного грамматического класса в другой образуются новые лексические единицы. По его мнению, различаются два подтипа перехода слов одного класса в другой: а) превращение отдельной грамматической формы в новую лексему, т.е. лексикализацию; б) семантико-грамматический переход всей парадигмы. При лексикализации какой-либо грамматической формы новая лексема получает признаки, свойственные той части речи, в которую оно переходит. При семантико-грамматическом переходе целой парадигмы формы словоизменения новой лексики остаются прежними, например, субстантивированное прилагательное продолжает склоняться как прилагательное).

Как пример лексикализации грамматической формы, Н.М. Шанский рассматривает существительное «*суть*», возникшее из 3-го лица множественного числа устаревшей формы настоящего времени глагола «*быть*», модальное слово «*правда*», этимологически схожее с формой именительного падежа единственного числа существительного *правда*).

Также много междометий возникли в результате лексикализации грамматической формы: *будет! хватит!*

В результате эллипсиса в русском языке возникли слова *гостиная, передняя, портной, приданое*, которые Н.М. Шанский приводит как примеры семантико-грамматического оформления парадигмы, которая представляет собой также и переход причастий в разряд прилагательных: *знающий (специалист), открытое (лицо)*. по Н.М. Шанскому, основная причина перехода причастий в разряд прилагательных заключается в изменении их семантики (прямое значение заменяется переносным значением).

М.Д. Степанова, рассматривавшая словообразование немецкого языка [Степанова 1953:62], отмечала, что образование новой лексической единицы осуществляется без участия словообразовательных средств, без изменения словообразующей основы. Явления взаимоперехода частей речи М.Д. Степанова называет конверсией и поясняет, что данный процесс включает в себе два момента: лексический и грамматический. Во-первых, возникает новая единица с иным значением: признак предмета превращается в его наименование. Во-вторых, слово приобретает грамматические категории другой части речи, изменяется характер его сочетаемости с другими словами и его синтаксическая функция. Так, инфинитив, субстантивируясь, склоняется (*des Lebens*). Грамматические формы слова могут в отдельных случаях сохраняться в прежнем виде. Знаменательная часть речи может перейти в служебное слово в том случае, если она теряет свою лексическую и синтаксическую самостоятельность. Вслед за В.В. Виноградовым М.Д. Степанова предлагает называть этот способ «морфолого-синтаксическим», так как изменение грамматических категорий и форм (морфологические процессы) сочетаются с изменением синтаксической функции слова. С застыванием слова в определенной грамматической форме соприкасается переход в тот или иной класс слов предложной группы или словосочетания.

Согласно Ш. Мухаммадиеву, при конверсии слово считается новой лексической единицей, которая образовалась заново вследствие принятия парадигмы другой части речи. В таджикском языке переход слова из одной части речи наблюдался в далеком прошлом и имеет место в настоящее время.

Слова, подвергшиеся конверсии, не только приспосабливаются к морфологическим правилам формы и вида слов, также изменяется их синтаксическое положение и синтаксическая функция.

Итак, мы придерживаемся взгляда тех лингвистов которые считают, что субстантивация - сложное лексико-грамматическое явление, вызываемое целым комплексом факторов лексического, синтаксического и морфологического порядка. Это мнение разделяется сейчас всеми исследователями субстантивации и переходных явлений.

1.2. Отношение субстантивации к конверсии

Как отмечено в Новом словаре русского языка Т.Ф. Ефремовой, «конверсия – это способ образования слова посредством изменения его грамматических характеристик» [Ефремова 2010:135].

«Субстантивация – переход других частей речи в категорию существительных» [Хоркашев 2010:25].

Явление конверсии так или иначе можно наблюдать во многих языках мира. В некоторых конверсия - продуктивный способ словообразования, в других не представляет собой регулярного процесса. Субстантивация - сложное языковое явление лексико-грамматического характера, вызванное не каким-то одним условием, а целым комплексом условий лексического, морфологического и синтаксического порядка. Данное мнение сейчас разделяется многими исследователями переходных явлений, в том числе и субстантивации. Но исследователи не едины во взглядах относительно понятий «*субстантивация*» и «*конверсия*».

В.Г. Гак подчеркивает, что «в лингвистических трудах с теоретическим плюрализмом мы встречаемся на каждом шагу. Постоянно обнаруживаются расхождения в классификациях, в терминологическом обозначении понятий, в теоретическом объяснении одних и тех же языковых явлений» [Гак 1998: 15].

В работах ученых процесс конверсии получил различные наименования. Сам факт, что одному явлению даются разные обозначения, свидетельствует о его сложности. Это вполне соответствует современному состоянию языкознания, «во всех разделах которого проявляется большое разнообразие мнений и теорий при истолковании одних и тех же объектов науки. Современная методология науки склонна видеть в этом плюрализме мнений не слабость науки и недостаток научных исследований, а их достоинство... Современная наука придает особое значение полилогу взглядов на одну и ту же реальность» [Гак 1998: 13-14].

Одни лингвисты утверждают, что конверсия и субстантивация - разные словообразовательные явления, другие считают, что конверсия - это переход разных частей речи в другую часть речи, т.е. сюда входят и субстантивация, и адвербиализация, и адъективация и т.д. и, следовательно, субстантивация - частный случай конверсии.

Э.Г.Сошальская [1952], С.М.Костенко [1955], Н.Н.Амосова [1955], Ц.Г. Матурели [1967], П.М. Карашук [1977] *конверсией* называют лишь переход глагола в разряд существительных и наоборот.

Данный вопрос вызывает полемику лингвистов и языковедов-исследователей в основном аналитически ориентированных языков, имеющих большие возможности для субстантивации и смежных с нею способов словообразования.

Расходятся мнения исследователей в вопросе разграничения субстантивации и конверсии, т.к. этим явлениям характерно образование новых языковых единиц. Появление нового слова некоторые исследователи

считают тождественными и объединяют их под общим термином «конверсия». Вслед за российскими и таджикскими лингвистами (Е.И. Чапник [1952], А. Л. Загоруйко [1960], Г. П. Проицкая [1964], Рустамов Ш. [1981], Ш. Мухаммадиев [2009]) мы также считаем, что явления субстантивации и конверсии тождественны, т.к. в результате данных способов образования новых лексических единиц появляется новое слово, омонимичное по форме исходному слову и субстантивация – это та же самая конверсия других частей речи только в имя существительное.

В работах, посвященных конверсии, между производной и исходной основой выделяются следующие изменения:

- изменение семантики производного слова в отличие от исходной основы (прилагательное утрачивает значение признака предмета и приобретает значение предметности);

- изменение сочетаемости производных слов (становясь синтаксически независимой единицей, прилагательное утрачивает зависимость от существительного);

- изменение парадигмы слова (слово, переходящее в категорию существительных, перенимает все его грамматические)

Как уже было отмечено, термин «конверсия» используется далеко не всеми лингвистами. Французские ученые предпочитают говорить о несобственной деривации [*dérivation impropre*], некоторые используют термины безаффиксной деривации или деривации посредством нулевой морфемы, желая отразить в названии данного процесса словообразовательное средство. В трудах большинства русских романистов это явление именуется конверсией.

Конверсией как словообразовательным средством интересовались многие французские лингвисты. А. Дармстетер, один из представителей диахронического подхода, главную цель видит в сравнении французского языка с латынью. Он продолжает традиции немецкого романиста Ф. Дица в

«Курсе исторической грамматики». А. Дармстетер считает, что при помощи несобственной деривации можно образовать новые слова из уже существующих, использовать в качестве другой части речи «без внешних изменений» (*bleu* - существительное, *bleu* – прилагательное) или при помощи их корня. Таким способом образуется *appel* из глагола *appeler*» [Darmester 1897:25].

По А. Дармстетеру, который описывает несходные по своему содержанию способы словообразования, к несобственной деривации относятся:

- образование нарицательных имен от имен собственных;
- образование нарицательных имен от нарицательных через изменение рода (*un- une trompette*);
- образование существительных от основы глагола путем усечения личных глагольных окончаний (*j'accorde – un accord*);
- образование новых единиц в результате изменения их функций (*unsage*).

Говоря об образовании имен существительных от основы глагола настоящего времени изъявительного наклонения (*une marche*), А. Дармстетер отмечает, что французский язык, также как и другие романские языки, перенял эту способность от латынского языка, здесь обычно используются глаголы первой группы. Если производное существительное оканчивается на *-e*, то оно - женского рода: *aider - j'aide – une aide*, *adresser - j'adresse – une adresse*. Автор считает, что глагольная основа в других существительных соответствует настоящему времени индикатива. По А. Дармстетеру, такой способ весьма продуктивен в разговорной речи. Особое внимание он уделяет образованию прилагательных от существительных и существительных от причастий прошедшего времени (*une dégelée*). Для нас особенно ценными являются два последних процесса (усечение глагольных окончаний и

изменение функции имен), т.к. эти два способа могут характеризовать конверсию как способ словообразования.

Э. Пишон и Ж. Дамурет [Pichon E., Damourette J. 1911-1927: 147-153], также рассматривавшие переход одной части речи в другую, несобственную деривацию обозначают термином «L'enrichissement essentiel» или «afflux». Они считают, что причиной перехода лексем из одной части речи в другую является постоянное употребление слов в несвойственной им функции. Ж. Дамурет и Э. Пишон разграничивают образование нового слова (L'afflux) и его функциональное употребление (L'équivalence), т.е. в образовании слов путем конверсии различают две ступени:

- употребление слов в новой для них синтаксической функции, то есть употребление слов вне основной и обычной функционии;

- окончательный переход слов в другую грамматическую категорию вследствие постоянного употребления в новой для него функции.

Они подчеркивают необходимость различать *afflux* от *équivalence*, т.к. это разные этапы одного и того же процесса, второе явление - это результат первого: когда *équivalence*, т.е. частое употребление слов в необычной для них функции способствует потере их новизны, начинается второй этап - *afflux*. Связь между производящим и производным словом может оказаться порванной. Тогда, по замечанию Ж. Дамурета и Э. Пишона, намечаются два возможных выхода:

- производящее и производное существуют в языке независимо друг от друга: *le rire* (смех) - существительное, *rire* (смеяться) - глагол, *un homme riant de plaisir* (смеющийся мужчина) - отглагольное прилагательное, *une figure riante* (радостное лицо) - прилагательное. Общей особенностью здесь, по мнению авторов, будет сужение смысла: *une figure riante* не обозначает лицо смеющегося человека, но просто веселое, радостное лицо; только производное слово сохраняется в языке, а производящее выходит из употребления: *le plaisir* как «удовольствие» существует в современном

языке, а образовавший его инфинитив заменен глаголом *plaire* и в настоящее время не употребляется. Авторы отмечают, что, когда «мостик» между производным и производящим перестает существовать, *afflux* остается релевантным, а явление *équivalence* больше не возможно, и речь идет скорее об историческом факте, об этимологии, благодаря которой можно узнать происхождение слова, как случилось с *plaisir*. Итак, делают вывод Ж. Дамурет и Э. Пишон, в отличие от *équivalence*, *afflux* не привносит в язык никаких материальных изменений, но отвечает новым отношениям, образующимся между словами.

А. Ломбар [Lombard 1930 :130] говорит о несобственной деривации как о переходе слова из одной части речи в другую, при этом считая, что эта область в основном интересует грамматистов. Он полагает, что несобственная деривация затрагивает чаще всего класс существительных, и подчеркивает, что субстантивация отличается большой доступностью: нет ни одного слова или выражения, которое не смогло бы, в случае необходимости, принять функции существительного, если они будут сопровождаться артиклем или другим детерминативом. Однако, по его мнению, такие образования носят окказиональный характер. Они существуют лишь в определенной среде и не способны обогащать язык. Поэтому А. Ломбар делает вывод, что они относятся скорее к области синтаксиса, нежели к области лексикологии.

Перечисляя другие способы образования слов с помощью несобственной деривации (адъективация, адвербиализация, превращение наречий в предлоги), А. Ломбар отмечает, что существительные и прилагательные образуются чаще, чем другие части речи. К. Нироп [Nyrop 1936:4], рассматривая явление взаимоперехода частей речи как безаффиксальный способ словообразования, противопоставляет его аффиксальному - собственной деривации. Автор считает, что этот способ как никакой другой показывает, с какой легкостью слово переходит из одной

категории в другую и насколько искусственными являются во многих случаях границы слов, установленные грамматистами. Поскольку сущность данного способа состоит в изменении функции или в новом употреблении, а не в изменении формы, его следовало бы, по мнению К. Ниропа, изучать в разделе семантики. К. Нироп замечает, что любое слово может быть подвергнуто субстантивации с помощью артикля (*undemi-quelqu'un*). Он отмечает большую продуктивность данного способа словообразования не только в литературном языке, но и в просторечье, а также в арго. Некоторые виды несобственной деривации, по его наблюдениям, тоже широко употребительны также и в техническом языке. Альбер Доза [Dauzat, 1947: 48-52] отмечает, что слова не разделяются жесткими границами и между ними происходит постоянный обмен. Существительное становится прилагательным, иногда с помощью эллипсиса, а иногда с помощью собственного преобразования, и тогда оно получает возможность выражать качество само по себе, независимо от существительного: «*levraiseulestaimable*». Доза рассматривает изменение категорий прилагательных, глаголов.

Как известно, в языке все находится во взаимосвязи и взаимодействии, в котором находятся и лексико-грамматические категории. Как отмечает Борта, «идентичность синтаксических функций в предложении приводит к сближению различных частей речи на уровне значений грамматических форм» [Борта, 1977:46].

Производная единица всегда создается на основе уже существующих в языке лексем. Образование новой единицы можно считать качественным скачком, ведущим к изменению качества исходной лексемы, в результате чего появляется новая лексическая единица с иным статусом. В результате словообразовательного процесса появляется новая лексическая единица, которая обозначает предметы и явления объективной действительности, основной категориальный семантический признак существительного,

обладает соответствующими существительному морфологическими и синтаксическими свойствами.

Термин «конверсия» несет широкое значение: и в научных грамматиках, и других трудах конверсия понимается как переход одной части речи в другую. Как словообразовательный способ, при котором в иной части речи могут возникать новые слова без изменения основных форм исходного слова, и, следовательно, получают новое лексико-грамматическое значение и новую синтаксическую функцию и сочетаемость [Каращук 1977:47]. Данный термин не включает в себе сути, которая приписывается ей большинством ученых - перехода глагола в разряд существительных и наоборот (ср. определение конверсии П.М. Каращука: «Конверсия - использование определенного слова в качестве слова другой части речи, или транспозиция слова в другой лексико-грамматический класс»).

Так, таджикский ученый Ф.Амонова конверсию называет «безаффиксное словообразование», под которым понимает «название способа словообразования осуществляемого без участия какого-то ни было деривационного аффикса и которое наблюдается тогда, когда оба члена словообразовательной корреляции имеют материально тождественные основы, не содержат никакого словообразовательного аффикса» [Амонова 1988:45].

Таджикский лингвист Ш. Рустамов в своей работе, трактуя данный способ, пишет: «Один из известных видов словообразования - переход одной части речи в другую без каких-либо словообразовательных аффиксов» [Рустамов 1981:25].

Е.С. Кубрякова [1977], говоря о сущности конверсии и транспозиции, отмечает, что использующие термин «нулевая аффиксация» указывают на то, что термин «безаффиксный способ» дает лишь негативную характеристику данного способа словообразования и не отвечает на вопрос, какова же его специфика. Термин «нулевая аффиксация», по ее мнению,

информативен не многим больше. Он свидетельствует о том, что в структуре производного содержится нулевой деривационный показатель, равносильный по своей значимости материально выраженному показателю в основах другого типа (*обжигать* - *обжигание* и *обжиг*). Термин, по мнению Е.С. Кубряковой, нецелесообразен, т.к. нуль не есть средство словообразования, хотя такая нулевая морфема – это и есть результат уже произошедшего словообразовательного процесса. По ее мнению, его суть заключается не в сужении или расширении основы, а в ее переосмыслении, которое часто именуется превращением. По Е.С. Кубряковой, описание процесса с помощью нулевой аффиксации не только не всегда удобно, оно еще и не всегда возможно. Конверсия, как она считает, - это переход слова из одной категории в другую, представление признака как предмета, процесса как состояния, предмета как действия и т.д. И транспозиция, и конверсия, пишет лингвист, могут быть поняты в чисто процессуальном смысле, для обозначения перевода из одной части речи или перехода из одной категории в другую.

«Производное значение здесь выражается позицией слова, т.е. синтаксически, и значение подкласса существительного выражается парадигматическими показателями только в зависимости и как следствие субстантивной позиции» [Никитевич 1985: 84].

Таким образом, для обоих способов словообразования характерен семантический сдвиг, сопровождающийся частью грамматических изменений или изменений в полном объеме, - таково мнение ученых по поводу субстантивации и конверсии.

Субстантивацию как частный случай конверсии рассматривают Н.Ф. Иртеньева [1956], Ю.А. Жлуктенко [1958], Г.Н. Воронцова [1960], А.Я. Загоруйко [1961], Н.П. Попова [1980], Е.В. Раевская [1982], В.С. Сабельникова [1979], З.Н. Левит [1979], Е.Н. Степанова [1980], В.Г. Гак [2000], Г.А. Вейхман [1990], Ш. Рустамов [1981], Ш. Мухаммадиев [2009].

Лингвисты не видят принципиального различия между конверсией и субстантивацией, конверсию они признают во всех частях речи, где существует производящая основа слова, различная сочетаемость слов, характерная для разных частей речи.

Большинство авторов, считающих конверсию и субстантивацию одним словообразовательным способом, опираются на работу А.Я. Загоруйко, который считает конверсию как «переход одной части в другую, при котором слово одной части речи образуется от основы или словоформы другой» [Загоруйко 1961: 23], а также на работы зарубежных лингвистов.

Е.В. Раевская подчеркивает, что «конверсия не ограничивается лишь образованием отыменных глаголов, в настоящее время в устной речи наблюдается все более широкое использование способа конверсии для образования по существу любой части речи от основы любой части речи» [Раевская 1982: 20].

Субстантивацию и конверсию разными словообразовательными способами считают Н.Н. Амосова [1956], Ж.П. Винокурова [1959], Б.В. Мазо [1963], И.П. Иванова [1963], П.М. Карашук [1977], А.К. Поспелова [1981], И. А. Уолш [1984], В.О. Никишина [1984], Ф. Амонова [1988].

Так, Н.Н.Амосова пишет: «о действии конверсии можно говорить только применительно к образованию существительных из глагола и наоборот», считая, что субстантивация есть результат действия иных словообразовательных процессов, как, например, эллипсиса устойчивого назывного сочетания и употребления слова в необычной синтаксической функции [Амосова 1956: 83].

И.С. Ивянская-Гессен расширяет возможности конверсии, полагая, что она возможна и внутри частей речи [Ивянская-Гессен 1961]. Однако, это положение не было поддержано лингвистами, многие из которых отрицают конверсию внутри одной части речи [Карашук 1977], [Попова 1980].

Различие между субстантивацией и конверсией лингвисты видят по-разному. Так, Б.В. Мазо считает субстантивацию процессом словообразования, а конверсию процессом формообразования. При конверсии, по мнению этого исследователя, производное существительное и производящая единица обладают омонимичными основами, но различаются парадигмами и сочетаемостью; конверсия носит спонтанный характер, и существительное, образованное по конверсионной модели, сразу же приобретает полную субстантивную парадигму. Таким образом, деадъективные существительные, способные принимать форму множественного числа - это результат конверсии, а субстантивированные прилагательные (сочетаемые только с «*the*» -со значением собирательности) - это результат субстантивации [Мазо 1963:144,220].

Мы согласны с тем, что при конверсии производная и производящая единицы обладают омонимичными основами. Как нам кажется, конверсия - синхронный словообразовательный акт, но мы не склонны считать, что конверсия идет по модели, а субстантивация - нет, так как субстантивирующиеся единицы также, можно сказать, образуются по моделям, по семантическим моделям. В зависимости от того, какое значение появляется - с конкретной или абстрактной семантикой, соответственно этой модели единица принимает необходимый ей набор признаков, в том числе и морфологических показателей (полную или неполную парадигму).

Б.В. Мазо субстантивацией считает только тот словообразовательный момент, когда единица употребляется с «*the*» в собирательном значении (неполная парадигма), ограничивая семантические возможности субстантивации.

Как показывает материал исследования Н.К. Карпухиной, разница между конверсией и субстантивацией проявляется не только в диахронном плане (в способе создания новых слов), но и в синхронном - в разном характере семантических связей между омонимами, возникшими в

результате конверсии и субстантивации. В случае конверсии семантические отношения между существительными лица и омонимичными им глаголами (действие - субъект действия, реже действие - объект действия) носят регулярный характер, т.е. омонимия, возникшая по конверсии, моделированная. В случае субстантивации нет такой четкой регулярности семантических отношений, т.е. семантически моделированные отношения отражаются лишь частично (признак, названный в основе омонимичного прилагательного, может относиться к характеристике любого лица, но может характеризовать и лишь определенное лицо, обладающее еще каким-то дополнительным семантическим признаком) [Карпухина 1974].

Таким образом, анализируя конверсионный и субстантивный способы образования слов, необходимо отметить, что в разных языках соотношение данных явлений может быть совершенно разным. Исследование материала показало, что явление субстантивации в разноструктурных языках отличается своей спецификой в плане участия и соотношения различных средств ее идентификации.

1.3. Виды субстантиваций

В лингвистике наблюдается два подхода к определению сущности субстантивации. Мы считаем закономерной двучленную классификацию данного явления, а именно выделение полной и неполной субстантивации.

Большинство лингвистов, занимающихся проблемами субстантивации лексических единиц подтверждение, что субстантивация - процесс длительный, видят в возможности выделить полную и частичную субстантивацию [Мазо 1963], [Уолш 1980], [Нестеренко 1981] и др.

Однако, существует и противоположная точка зрения. По мнению З.С. Сабельниковой, существование в языке форм с максимальной при-

ближенностью к существительному (полная субстантивация) и промежуточных форм (частичная субстантивация) на пути к полной субстантивации не может являться достаточно убедительным доказательством постепенности процесса субстантивации, так как, скажем, в английском языке есть существительные, не имеющие субстантивных признаков в полном объеме, но от этого они не перестают быть существительными. Нет никаких оснований, считает она, полагать, что эти существительные так же, как и деадъективные существительные, когда-либо приобретут полностью все субстантивные признаки и утверждать на основании этого, что субстантивация - это длительный процесс, а субстантивированные слова - результат долгого употребления данной части речи в синтаксической функции, свойственной другой части речи [Сабельникова 1979: 23].

Проблема частичной субстантивации возникла в результате того, что при определении принадлежности лексем к той или иной части речи учитывался лишь морфологический критерий. Некоторые лингвисты [Савченко 1959], [Тихонов 1968], [Степанова, Дельбиг, 1978] считают, что при характеристике слова как части речи необходимо руководствоваться совокупностью морфологических, синтаксических, семантических признаков слова. С учетом различий в семантике, сочетаемости и парадигме, которые образуются в языке по конверсии единиц, можно с полным основанием считать, что так называемые частично субстантивированные прилагательные являются субстантиватами с собирательным значением. Анализ субстантивации прилагательных можно рассматривать как одного из активных морфолого-синтаксических способов словообразования, который может помочь при решении ряда спорных вопросов словообразования.

Так, например, таджикский лингвист Б. Ниёзмухаммадиев не признает, что слово может относиться как к существительному, так и к прилагательному. «Некоторые считают, что прилагательные *ҷавон*, *мӯйсафед* и др. относятся как к прилагательному, так и существительному. В этом они

опять-таки совершают традиционные ошибки, учитывая только то, что в предложении они выполняют роль существительного, то соответственно являются существительными. Слова *ҷавон* и *муӣсафед* исторически являются прилагательными и относятся только имени прилагательному» [Ниёзмухаммадиев 1976:55].

Безусловно, трудно не согласиться с мнением этого автора: деление на полностью и частично субстантивированные единицы - это не безоговорочный критерий для доказательства постепенности процесса субстантивации, но то, что субстантив длительное время употребляется в несвойственной ему синтаксической позиции, переосмыслив свой семантический потенциал, что закрепляется в словаре, пожалуй, можно считать доказательством процессуальности субстантивации.

Мы считаем, что, если образовано новое слово - существительное по своим семантическим особенностям и грамматическим признакам, это значит, что прошла полная субстантивация, независимо от того, полный или неполный набор признаков существительного реализуется, так как не все истинные существительные обладают всеми возможными признаками этой части речи.

Ряд таджикских ученых (Х.Каримов, А. Маниёзов, А. Мирзоев, Ш. Рустамов, Д. Тоциев, Р. Гаффоров) также признают существование полной и частичной субстантивации. В «Грамматике таджикского языка» они пишут, что «прилагательные обозначают качества того или иного предмета. Иногда то или иное качество настолько отождествляется предметом, что не упоминая сам предмет, можно представить о чем идет речь. Такие прилагательные полностью заменяют собой существительное и сами выступают в роли существительного. Например, слово «*гадо*» - «нищий» является прилагательным, обозначающим качество человека, и это его свойство стало причиной его полного перехода в существительное. В настоящее время практически не говорят *одами гадо* – «нищий человек», т.к. само прилагательное *гадо* отождествляется с нищим

человеком. Так и другое прилагательное *камбагал* и без существительного *одам* обозначает нищего, но его самостоятельность еще не достигла уровня прилагательного *гадо*. Например, фраза *одами гадо* кажется каким-то неестественным, малоупотребительным, тогда как *одами камбагал* еще употребляется. Таким образом, длительное употребление прилагательного в паре с одним и тем же существительным приводит к тому, что само прилагательное начинает выполнять роль существительного».

По Мухаммадиеву Ш., можно выделить два вида конверсии: неустойчивая конверсия с функцией слова в парадигме двух частей речи, и постоянная конверсия, при котором единица теряет первоначальное значение либо отдаляется от него, хотя и сохраняя внешнее сходство [Мухаммадиев 2009:7].

При полной субстантивации слово приобретает полный набор признаков имени существительного, а при частичной субстантивации признаки существительного проявляются частично. В отличие от частичной субстантивации при полной субстантивации происходит «опредмечивание», здесь наблюдается глубина процесса.

Как нам кажется, данный критерий (приобретение полного или частичного набора признаков имени существительного) не позволяет считать лексическую единицу полностью субстантивированной. Важно, какая сема приобретается субстантивирующейся единицей в общей иерархии сем имени существительного, частичная же субстантивация является начальной, промежуточной ступенью данного процесса.

Исследователями выделяются следующие основные критерии определения степени переходности единиц (субстантивации):

- а) частотность употребления лексемы в функции субстантивированной единицы;
- б) способность грамматического класса, к которому относится данная лексическая единица, трансформировать ее в существительные;
- в) изменение семантики субстантивированной единицы;

г) изменение функции субстантивированной единицы с точки зрения синтаксиса.

Следует принять во внимание то, что окказиональной субстантивации подвергаются не только узуальные слова, но и лексические окказионализмы, что повышает степень экспрессии. Окказиональное слово «есть соединение чувственного языку смысла с неизвестными языку языковыми комплексами» [Ханпира 1972:134].

Исследователи субстантивации в русском языке также пишут о процессах «постепенного отмирания старого качества и накопления нового» в переходящей единице при субстантивации [Лукин 1973:3],[Баудер 1982:61],[Каримов 1985:86].

Также подчеркивается тот факт, что различаются степени субстантивации [Лукин 1973:49],[Немченко 1975:14],[Яцкевич 1977, 1984:82],[Баудер 1982:85 и др.], что отмечается и в словаре лингвистических терминов [Розенталь 1976:474].

А.Я. Баудер на основе шкалы переходности В.В. Бабайцевой выделяет ядерные субстантивы (полный переход), периферийные (семантически закреплены и структурно оформлены), синкретичные (семантически закреплены, но структурно не оформлены) и окказиональные (семантически не закреплены и структурно не оформлены) субстантивы [Баудер 1982:85].

М.Ф. Лукин выделяет субстантивацию в зависимости от «степени опредмеченности» [Лукин 1965, 1969, 1973], но считает субстантивацию завершенной, если производящая единица выпадает из лексического фонда исходной части речи [Лукин 1982:78]. Языковая единица после полной субстантивации может сохраниться, так как в развитых языках широко распространено явление омонимии.

Различные языковые единицы, подвергавшиеся процессу субстантивации по-разному реализуют предметное содержание субстанциальности. Основой «полной» субстантивации выступают

признаковые связи источника субстантивирования с собственно существительным, их генетическая близость, тождество морфологических и синтаксических признаков-характеристик, а также другие лингвистические и нелингвистические факторы. Учитывая вышесказанное, субстантивация рассматривается как процесс преобразования лексических единиц в разряд существительных с различной степенью реализации предметного содержания.

С.И. Иванова отмечает помимо полной субстантивации существование явлений окказиональной или синтаксической субстантивации, когда субстантивация остается как бы не доведенной до конца, и такое имя может функционировать в одних условиях как существительное, а в других - как прилагательное [Иванова 1983:16].

Субстантивация как языковое явление может рассматриваться как употребление в качестве существительных не только единиц других частей речи, но и синтаксических конструкций. В таком случае переход языковой единицы связан с ее синтаксической функцией, она носит не закрепленный языковой нормой окказиональный характер. В узком смысле субстантивация - утрата (полная или частичная) единицами других частей речи признаков исходной части речи и приобретение лексико-грамматических характеристик существительных, которое предполагает регулярность языкового процесса, а также наличие определенных моделей, по которым он совершается. В узком понимании субстантивация носит узуральный характер, ее результаты закреплены на языковом уровне.

Так, Л.Г. Яцкевич описывает окказиональную субстантивацию, как транспозицию на словообразовательном уровне, как явление случайное, нерегулярное, выполняющую номинативно-характеризующую функцию и дающую новое лексическое значение, а также исследует синтаксическую субстантивацию как транспозицию на синтаксическом уровне, как явление

регулярное, выполняющую указательно-характеризующую функцию и не дающую нового лексического значения [Яцкевич 1977].

По мнению Мигирина В.Н., узуальная субстантивация чаще встречается среди прилагательных и причастий, а окказиональная - среди других частей речи.

Разграничивая случаи узуальной и окказиональной субстантивации, В. В. Лопатин отмечает, что «...в обоих случаях в равной степени» наблюдается образование новой единицы – субстантивата, который омонимичен прилагательному [Лопатин 1967:185].

Узуальной субстантивацией называют полный переход причастий или прилагательных в разряд существительных, например, *слепой, старый, немой*, которые не требуют определяемых слов, поскольку из контекста становится ясным, что речь идет о людях. Окказиональная субстантивация - неполный переход причастия или прилагательного в существительное: *родной, больной*, т.е., когда они еще употребляются в своем значении, и здесь не легко угадать, о чем или ком идет речь, что становится понятным лишь в контексте. Узуальную субстантивацию А. Н. Лукин называет устойчивой, а окказиональную — неустойчивой субстантивацией. [Лукин 1973:85].

В окказиональных словах, как индивидуально-авторских образованиях, всегда присутствует контекстуальная мотивация. В процессе их функционирования наблюдается сложное взаимодействие их семантики и словообразовательной структуры, обусловленной контекстом.

Индивидуально-авторские слова в художественной речи, как правило, являются лексическими окказионализмами [Зуева 1992:64]. Разграничение на потенциальные и окказиональные слова [Ханпира 1972:142], которое принято в дериватологии, отсутствует в условиях художественного целого, здесь мерилем семантики лексической единицы является не ее словообразовательная структура, а контекстуальная семантика.

Неполное субстантивируемое слово, в отличие от полного субстантивата, как правило, встречается в контексте сначала в своей прямой номинации. Кроме того, неполные субстантиваты имеют некоторые ограничения в приобретении сущностных характеристик имени существительного. При неполной субстантивации несубстантивная единица приобретает грамматические категории, свойственные именам существительным – рода, числа, падежа. Но, в отличие от полных субстантиватов, неполно субстантивируемое слово обладает этими категориями только в пределах определённого контекста.

Поскольку окказиональный субстантиват не перенимает целиком, а иногда и вообще, систему флексий мотивирующего слова, но характеризуется синтаксическими функциями, свойственными классу существительных, то формантом окказиональной субстантивации следует признать различие синтаксических позиций и грамматических значений мотивирующего и мотивированного.

При разделении субстантиватов на полные и неполные необходимо учитывать как грамматическую природу субстантивированных слов, так и их семантическую структуру. В узуальных субстантиватах на первом месте выступает значение предметности, а в окказионально субстантивированных единицах преобладает значение исходной части речи. Одно слово совмещает два категориальных значения, как составные элементы значения новой единицы-субстантивата. При таком гибридном характере значений возможно не только обозначение словом предмета мысли, одновременно можно выделить его определенные отличительные признаки, усиливающие семантическую наполненность текста. Другими словами, при субстантивации наблюдается своеобразное сжатие информации, которую при необходимости можно развернуть в словосочетание или предложение. С узуальными субстантиватами в нашем языковом сознании связывается доминирующее значение «носитель признака». Определение преобладающего компонента в

семантике окказиональных субстантиватов затрудняется тем, что субстантивированная форма, получив значение предметности и выступая в синтаксической роли существительного, имеет выраженное значение исходной части речи. Отсутствует единая точка зрения на механизм появления субстантивированных слов у лингвистов, которые выделяют два способа образования субстантивированных единиц в устной речи: эллиптический и неэллиптический.

По мнению сторонников эллиптического способа появления субстантивированных слов, субстантивированные прилагательные и причастия появляются в результате опущения определяемого существительного в словосочетаниях «прилагательное + существительное» и «причастие + существительное», например: *обвиняемый* (человек), *портной* (мастер), *дежурный* (солдат) [Греч 1824:319], [Буслаев 1875:39], [Потебня 1958:45-46], [Виноградов 1947:48], [Лукин 1969:111 и др.].

Сущность субстантивации прилагательных и причастий как морфолого-синтаксического способа словообразования «состоит не только в том, что опускаются определяемые существительные, но и в том, что эти существительные можно восстановить» [Лукин 1969:84]. При этом «опущенное конкретное определяемое существительное каждый раз подсказывается предыдущими предложениями, контекстом» [Лукин 1969:111].

Сторонники неэллиптического способа появления субстантивированных слов [Барзилович 1952], [Низинская 1978], [Перльмуттер 1948], [Протченко 1958], [Шахматов 1941] полагают, что субстантивированные прилагательные и причастия возникают по аналогии с уже имеющимися в языке субстантивированными прилагательными и причастиями. При неэллиптической субстантивации определяемое слово в предложении сохраняется.

Нужно также отметить, что приверженцы обоих взглядов считают, что субстантивация прилагательных и причастий возможна и без эллипсиса определяемого компонента, т. е. вне сочетания «прилагательное/причастие + существительное» [Овсяннико-Куликовский 1912:188],[Пешковский А. М. 1956:141], [Потебня 1958:46], [Протченко 1958:8].

А. А. Потебня указывает на множество случаев, в которых отсутствует опущение определяемого слова и «нет нужды предполагать опущение таких слов, как «человек», «женщина» и т.п. в случаях... *родной, -ая;больной, -ая*» [Потебня 1958:46].

Как видим, понятия полная и частичная субстантивация по-разному понимаются лингвистами. В целом, все приведенные характеристики процесса, основываясь на разных критериях, описывают две стадии процесса — конечную и промежуточную. Эти же критерии процесса положены в основу деления всех слов-субстантиватов на две группы: первую группу составляют субстантивированные слова, в которых процесс субстантивации завершился [в данном случае субстантивация полная, узуальная, устойчивая, абсолютная], во вторую группу относятся субстантивированные слова, в которых процесс субстантивации не завершился (в данном случае субстантивация неполная, окказиональная, неустойчивая, относительная).

Выводы к первой главе

Несмотря на многочисленные определения субстантивации, зарубежные и отечественные лингвисты схожи в выявлении сущности данного явления.

Вплоть до 70-80-х годов XX века некоторые лингвисты таджикского языка отрицали существование такого явления как способность частей речи переходить в разряд других частей речи. Лишь отдельные исследователи отмечали в таджикском языке регулярный переход слов из одной части речи в другую. Только в последние 35 лет в таджикском языкознании появились

статьи, посвященные проблеме регулярного перехода из одной части речи в другую [Ш. Рустамов, С. Сиёев, Ш. Мухаммадиев].

В нашей работе используется рабочее определение субстантивация, как переход одной части речи в другую, при котором в иной части речи без изменения основных форм исходных лексем возникают новые единицы, получающие новые лексико-грамматические значения, выполняющие новые синтаксические функции.

Анализ работ лингвистов показал, что у исследователей отсутствует единое мнение в вопросе разграничения субстантивации, конверсии, адвербиализации, особенно в разграничении субстантивации и конверсии. Эти языковые явления, как наиболее характерный способ образования новых лексических единиц, омонимичных по форме исходной лексеме, объединили под общим названием «конверсия».

Мы придерживаемся мнения, что субстантивация и конверсия являются тождественными способами словообразования, так как относятся к морфолого-синтаксическому способу словообразования.

Глава II. Структурно-семантические особенности отглагольных субстантиватов таджикском, русском и французском языков

2.1. Общая характеристика отглагольных субстантиватов

Имена действия - особая семантическая категория, объединяющая слова, при помощи которых передается понятие действия, заключенное в глаголе. Их особенность заключается в противоречии между предметным и процессуальным значением. Процессы, свойства, отношения могут быть выражены именем существительным и, следовательно, употреблены как имя существительное [Рекемчук 1985: 58].

Отглагольные субстантиваты могут быть образованы как при помощи субстантивации, так и путем присоединения суффиксов к глагольным основам.

Свойственная широта смысловой структуры глагола выливается в многообразие семантических и формальных моделей. Производные абстрактные существительные подобно глаголам наряду с именами лица и предмета могут обозначать также процессы, состояния и действия. Названия разнородных объектов: лица, живые существа, организмы, вещества, события, явления включаются в лексико-грамматический класс существительных на основе понимания существительных как лексем, называющих предмет и «опредмечивающих» все непредметное.

Как известно, слова, объединенные в лексико-грамматический класс, не являются однородными. Разнородность существительных заключается в том, что категориальное значение и понятийная основа у одних совпадают, а у других - нет. В результате опредмечивания признаков происходит модификация основного категориального значения предметности. При переходе в грамматический класс существительных отглагольные субстантиваты приобретают значение «грамматической предметности», т.е.

существительное обозначает не только предмет, но и действие, мыслимое как предмет [Рекемчук 1985: 67].

В структуре отглагольных субстантивов объединены два общекатегориальных значения, получающие индивидуальную конкретизацию. Значение предмета конкретизируется через ономаσιологический базис производного слова, а значение действия - через его ономаσιологический признак. Ономаσιологическая сущность имен, образованных от глаголов безаффиксным способом, сводится к их общекатегориальному переосмыслению [откуда?].

Семантическую сложность отглагольных субстантивов объясняет сложностью глагола как мотивирующей единицы. В лингвистике глагол неоднократно был отмечен как центр предикативно-функционального использования и средоточие номинативно-категориальных потенций. Его семантика не только отражает особенность обозначаемого им действия, состояния, предмета, но и выражает категориальную семантику - способ, вид действия, соотношенность со временем речевого акта и т.п. Отглагольные субстантивы являются не только формально, но и семантически сложными образованиями, которые одновременно могут отражать семантические признаки как исходного, так и результативного классов лексем.

Показателями действия могут быть внешние по отношению к качеству действия признаки: время, способ протекания действия, ориентированность действия по отношению к объекту, агенту, пространственная ориентация, интенсивность действия, связь между целью, действием и результатом, отношение действия к говорящему и реальности и т.п. Но, так как помимо глагола действие может быть выражено и именем существительным, признаки, характеризующие действие, могут быть релевантными и для отглагольных субстантивов, которые могут сохранять данные признаки в своей смысловой структуре, если они не противоречат опредмечиванию

действия. Без учета того, что наследуют существительные из мотивирующих их глаголов, невозможно правильно описать их значение. Переход глагола в имя существительное позволяет сохранить его некоторые грамматические значения (работы К. С. Кубряковой, И.Ю. Ивлевой, Л.М. Медведевой).

В связи с семантической близостью глаголов и имен действия некоторые исследователи склонны признать отглагольные субстантиваты так называемыми «глагольными словами». Было высказано мнение о том, что глаголы и непредметные имена – это грамматические формы одного и того же слова. Хотя в отличие от глаголов существительное представляет не только конкретный предмет, но и действие в виде конкретного предмета мысли. Отглагольные субстантиваты и глаголы – разные наименования, ориентированные на разное обозначение и разное понимание явлений действительности.

Отглагольные субстантиваты с абстрактным значением способны передавать значения целого предложения, из предложения они выводятся через синтаксическую деривацию с опорой на предикат. Предложение и его трансформы, как абстрактное имя действия, обладают препозитивным типом значения.

Деривация позволяет в семантической структуре отглагольных субстантиватов сохранять значения, предсказываемые окружением мотивирующего глагола. Отглагольные субстантиваты появляются в результате переносного значения действия и понятий, ассоциативно связанных с данным действием.

Исследователи отглагольных субстантиватов в различных языках неоднократно замечали, что отглагольные субстантиваты, образованные по разным моделям, имеют разные свойства. Так, А. М. Пешковский в книге 1927 г. [цит. по переизданию [Пешковский 1956:127]], сравнивая пары прыжок и прыгание, лет и летание, опоздание и опаздывание, отмечает, что

«в одних из этих существительных мы находим оттенок процесса, собранного в «точку», в других — процесса, разбитого на части и вследствие этого более или менее длительного».

Ф. Мартин [Martin 2008] отмечает, что французские отглагольные субстантиваты на *-age* всегда обозначают агентивное действие, в отличие от имен на *-ment* и *-tion*, не маркированных по этому признаку.

Д. Г. Бринтон [Brinton 1995] указывает, что английские отглагольные субстантиваты на *-ing* (*walking* букв. «гуляние», *smoking* «курение») обозначают процессы, в то время как имена, представляющие собой глагольную основу без каких-либо выраженных деривационных показателей (*walk* букв. «прогулка», *smoke* «курение») обозначают одиночные события.

В зависимости от значений производных слов различаются нескольких семантических категорий словообразовательных средств. Некоторые словообразовательные категории отражают общие отношения между процессами, предметами и качествами (названия деятеля, действия, абстрактного понятия и т. д.). В разных языках они могут быть представлены по-разному. Например, в русском языке в отличие от таджикского или французского языков широко представлено образование лексем с эмоциональной окраской (*столик, тихонечко, большущий*).

В словообразовании языки различаются:

- семантическими словообразовательными категориями;
- способами словообразования (словосложение, аффиксация и т.п.).

Для выражения категориального значения могут быть использованы различные словообразовательные модели и средства. Например, во всех трех исследуемых языках отглагольные субстантиваты могут быть образованы путем суффиксации (*гузаргоҳ, омӯзгор, гелиш (тадж.), хождение, разогревание, обжигальщик (рус.), un egalement, un locateur, un dictateur, (фр.)*), конверсии (*ход* от *ходить*, *обжиг* – *обжигать*, *завал* – *завалить*, *баст* от *бастан*, *каш* – *кашидан*, *бурд* – *бурдан*, *assistant* от *assister*, *une glisse*

- *glisser, etudiant - etudier*), а также путем словосложения (*корбурд (тадж.) – сенокос (рус.) – vinaigre (фр.)*).

В данной работе нами рассмотрены суффиксальный и конверсионный способы образования отглагольных субстантивов. В разных языках у слов с одинаковым значением могут появляться различные производные. Например, от французских глаголов *boire* и *parler* можно образовать имя агента действия *buveur, parleur*, от таджикского *гуфтан - гуянда*, тогда как от глагола *пить* в русском языке такие производные неупотребительны.

2.2. Структурно-семантические особенности отглагольных субстантивов таджикского языка

Как известно, историческое развитие таджикского языка способствовало изменениям фонетических и грамматических форм и значений слов, появлению новых способов выражения лексико-грамматического смысла, и соответственно, расширению словарного состава языка.

Отношение междучастеречных категорий в таджикском языке посредством перехода одной части речи в другую, продолжающееся и в настоящее время, имеет глубокие корни. Такую связь очень часто можно наблюдать в существительных и глаголах, например: *баромад (сущ.), дид (сущ.), бўса (сущ.) – баромадан (глагол), дидан (глагол), бўсидан (глагол), нишаст (сущ.) – нишастан (глагол), гуянда (сущ.) – гуфтан (глагол)* и другие.

Необходимо отметить, что слова, перешедшие в разряд существительных, получая дополнительное значение, меняют и свою синтаксическую парадигму.

В таджикском языке в независимости от грамматического строя слова могут переходить в разряд существительных. Например, могут

субстантивироваться спрягаемые и неспрягаемые формы глагола: *даромад*, *парранда*, *нависанда*, *бинанда*, *шунаванда*, *ҷӯянда* и другие.

Во всех языках глагол имеет две формы: спрягаемую и неспрягаемую. Формы глагола, спрягаемые при помощи формообразующих суффиксов и окончаний, имеют категорию лица, числа, времени, наклонения, залога и вида. В предложении они выступают в роли сказуемых. Неспрягаемые формы также включаются в систему глагольных форм: причастие, деепричастие и неопределенная форма (инфинитив). Помимо грамматических категорий глагола они также имеют свойства именных частей речи и в предложении выступают в разной грамматической роли [Маъсуми 1980:177].

Причастие и инфинитив иногда называют и номинальной формой глагола, куда может входить и глагольная основа. Неспрягаемые формы глагола не изменяют своей формы, в связи с этим у них появляется и другая лексико-грамматическая роль для выражения модального и номинального значения.

Глагольные формы при переходе в другие части речи теряют не только свое основное значение, но свои первичные грамматические свойства.

Переход глаголов в категорию имен в таджикском языке имеет давнюю историю и продолжается по сей день. В таджикском языке очень часто субстантивируются: основа глагола, неопределенная форма глагола (инфинитив), причастие и деепричастие. Глаголов, полностью перешедших в категорию имен, т.е. полностью субстантивированных, в таджикском языке немного, но большинство глаголов приобрело полисемию, расширились их основные значения, помимо основного глагольного значения они стали и субстантивами.

Как отмечает Ш. Рустамов, «переход в разряд существительных наблюдается в обеих формах глагола, но их соотношение не одинаково. Количество существительных образованных от основы прошедшего времени

глагола больше чем от основы настоящего времени» [Рустамов 1981:186], в подтверждение он приводит ряд существительных, образованных от основы причастия прошедшего времени глагола: *баст, дид, дод, зист, ёфт, дошт, кўфт, рафт, тохт, харид, бурд, гуфт, омад, хўрд* и производные от них *дарёфт, бозхост, бозгашт, бардошт*, также от основы причастия настоящего времени *печ, сўз, тоб, тавон, хез, ист, фурўш, бахи* [Рустамов 1981:186].

«Большое употребление в таджикском языке имеют существительные, образованные от глаголов» [Арзуманов 1988:137]: *рафтор, намудор, намоянда, шунидор, гуфтор, харидор*.

Существуют различные способы образования отглагольных субстантивов, основными из которых являются:

- Инфинитив, т.к. «в таджикском языке инфинитив, являясь одной из неспрягаемых форм глагола, как и причастие, обладает особенностями глагола и существительного» [Касимова 2003:96]. Эта форма широко использовалась и в средние века. «Инфинитив называет имя действия и состояние, поэтому принимает все грамматические категории существительного и может встречаться и с аффиксами, изафетной связкой, личными местоименными суффиксами, количественным числительным, и указательным местоимением» [Рустамов 1981:189]. Отсюда получаем следующий вывод, как будто инфинитив может субстантивироваться, что, по-нашему, не совсем правильно. Мы придерживаемся мнения Ш. Мухаммадиева, который считает, что инфинитив первым делом относится к группе неспрягаемых глаголов, и в речи, приобретая грамматические признаки существительного, субстантивируется [Мухаммадиев 2009:112].

«Как глагольная единица, инфинитив, употреблялся еще в древних иранских языках. Он образовывался путем присоединения к корню слова суффикса *-ana*, который в среднеперсидском языке превратился в морфему *-tan*» [Рустамов 1981:200].

Инфинитив, имея грамматические категории залога и формы, в предложении в роли сказуемого управляет дополнением и обстоятельством. С другой стороны инфинитив также называется именной формой глагола. Среди всех неспрягаемых форм глагола инфинитив с рядом своих грамматических признаков ближе к существительному и прилагательному.

Инфинитив в неопределенной форме, не имея времени, лица, числа, наклонения, залога, употребляется в роли отглагольного субстантивата. О номинальной функции инфинитива в своей работе пишут В.С. Расторгуева и Каримова А. А. [1964:292]: «Инфинитив с точки зрения семантики также может быть именем действия, поэтому он может связаться с аффиксами».

Во множественном числе с суффиксом *-ҳо* инфинитив образует имя действия.

Инфинитив также может полностью субстантивироваться и употребляться в роли существительного, но необходимо отметить, что их можно определить в контексте: *давиданҳо, париданҳо, шукуфтанҳо* и другие.

Ряд таджикских лингвистов считают, что «инфинитив в таджикском языке имеет усеченную (укороченную) форму, которая совпадает с глагольной основой прошедшего времени. Усеченная форма инфинитива употребляется как имя действия: *даромади колхоз, баромади офтоб, рафти кор, гашти рӯз*» [Грамматикаи забони тоҷикӣ 1985:362]. По нашему мнению инфинитив имеет только одну форму, а приведенные примеры лингвистами в «Грамматике таджикского языка» можно отнести только к глагольной основе прошедшего времени.

В то же время неодинакова у основ глагола способность переходить в категорию существительных, у основы настоящего времени глагола имеется больше производных.

«Субстантивация основы прошедшего времени глагола исторически связана с причастием с суффиксом *-ta* и отглагольным существительным с суффиксом *-ti*. Причастие с суффиксом *-ta*, от которого произошла основа

прошедшего времени, также обозначало предмет и некоторые из них в среднеперсидском языке во время самостоятельного употребления могли приблизиться к существительному [Рустамов 1981: 188]. Переходя в категорию имен, обе основы глагола приобретают все признаки существительного: категория числа, аффиксальное присоединение, ударение, категория лица, показатели неопределенности: *фуруш*, *печ* и др. У основ настоящего времени глагола *фуруш* и *печ*, получивших признаки существительного, изменяется и функция. В таджикском языке существует огромное количество основ глагола, которые помимо своей основной функции приобрели и новую: *гузар* основа настоящего времени глагола «*гузаитан*» (проезд, проход, жилой квартал); *банд* - основа настоящего времени глагола «*бастан*» (узел, верёвка); *бардоит* - основа прошедшего времени глагола «*бардоштан*» (выдержка); *гузаит* - основа прошедшего времени от глагола «*гузаитан*» (прохождение, течение) и другие.

Субстантивация причастий. Кроме своей основной функции причастия также могут выступать и в роли существительных. Если причастие служит для обозначения особенностей предмета и круг его использования широк, то причастие-субстантив обозначает предмет, имеющий эти признаки. Субстантивированные причастия принимают все основные особенности существительного, как категория неопределенной формы, принимают префиксы и суффиксы и выполняет синтаксическую роль существительного [Ниёзмухаммадиев 1973:342].

«Но так как в причастии преобладает его глагольная особенность, то его относят к глаголу» [Касимова 2003:196].

В отличие от других форм глагола причастия обладают большей способностью переходить в разряд существительных, т.к. имеют 3 времени и разные морфологические формы. Как отмечает Д. Т. Таджиев, «если причастие теряет свое глагольное значение, то оно обязательно переходит в категорию прилагательных» [Таджиев 1954:128].

Эта способность причастия, т.е. использование в их роли прилагательного, дала возможность для их субстантивации.

Номинальное свойство субстантивов в отличие от прилагательных выражено ярче, так как причастие имеет глагольные категории, то субстантивируясь, также подчиняет большинство слов. Некоторые причастия, обозначая существительное, также длительное время сохраняют свои глагольные свойства [Рустамов 1981: 183].

Основной частью спрягаемых и неспрягаемых форм глаголов настоящего и будущего времен является основа настоящего времени, от которой образуются имена действия, состояния, движения, а также абстрактные понятия, и которая служит для нового номинального обозначения. Значение и функция данной формы глагола определяется в контексте, вернее, в какой роли, глагола или существительного, она была использована в тексте.

Основа настоящего времени глагола использовалась в среднеперсидском языке, а затем в новоперсидском, теперь - и в современном таджикском литературном языке.

Основы причастия прошедшего времени служат для образования спрягаемых форм глаголов.

В таджикском языке эта форма глагола, как и основа глагола настоящего времени, инфинитив или причастие, служит в номинальной роли. В значении существительного она обозначает название предмета, действие, состояние и абстрактные понятия. Например, отглагольные субстантиваты *дид*, *нишаст*, *бурд* :

дид – глагольная основа прошедшего времени *дидан*, субстантивируясь, означает «точка зрения».

нишаст – глагольная основа прошедшего времени *нишастан*, при субстантивации означает «посадка», «сидение», «мероприятие».

бурд - глагольная основа прошедшего времени *бурдан*, при субстантивации означает «выигрыш», «прибыль».

Основа глагола прошедшего времени, связываясь с другим глагольными основами, образует парное существительное: *киштуварз*, *додугирифт*, *рафтуомад*, *хезушин*.

В разряд существительных переходят причастия, образованные от формы прошедшего времени с суффиксом *-а*, *-гӣ*; настоящего времени с суффиксом *-о*, *-анда*; настоящего – простого будущего времени с суффиксом *-гӣ*, *-ӣ*.

В таджикском языке существует огромное количество полностью или частично субстантивированных причастий, например, *нависанда*, *баста*, *хонанда*, *паранда*, *дида* [Рустамов 1981: 184].

Иногда роль этих слов можно определить лишь в контексте, т.к. различные формы причастий, как и другие формы неспрягаемых форм глаголов, имеют особенности, как существительного, так и глагола, свойства которого определяются посредством грамматических категорий: залога, времени и вида [Рустамов 1981:185].

Некоторые формы множественного числа причастий обозначают группы людей, предметов, действие или состояние и образуются путем присоединения суффиксов множественного числа существительных *-гон* и *-он*: *шиносон*, *гузаштагон*, *рафтагон*; как номинальная часть глагола обозначают название предмета, действия или абстрактные понятия, переходя в разряд существительных при помощи аффиксов существительных основа глагола служит для обозначения новых номинальных значений: *банда*, *тавонгар*, *хӯрок*, *пӯшок*.

Субстантивация причастий прошедшего времени с суффиксами *-а*, *-гӣ*. Причастия прошедшего времени, образованные при помощи суффиксов *-а*, *-гӣ*, являются одной из древнейших форм неспрягаемых форм глагола иранских языков. В среднеперсидском языке при помощи суффикса

-ак: *kaġtak* – [карда] - сделанный, *diġak* - [дида] - увиденный. Эти же формы были приняты и в формах настоящего времени. Как отмечает Таджиев Д.Т., «номинальные особенности форм прилагательных отрицательной частицы -он выражается в том, что с их помощью образовано множественное число: *омадагон, рафтагон, ояндагон*» [Таджиев 1954:128].

Такие причастия, обозначая признак и свойство предмета, вначале переходят в разряд прилагательных, а затем субстантивируются: обозначают лицо, предмет, результат действия и принимают все грамматические признаки существительного: *сӯхтагон, фиристодагон, шунидахо, гуфтаҳо*.

Как номинальная часть в составе отыменных глаголов с вспомогательными глаголами субстантивированное причастие служит для внесения ясности в действие и состояние и становится синонимом другого глагола: *суфтан - суфта кардан, осудан – осуда кардан, андешидан – андеша кардан*.

Причастия, образованные при помощи суффикса -а, могут переходить в разряд существительных различными способами. Очень часто субстантивированные причастия с суффиксом –а образуют неодушевленные предметы и абстрактные понятия: *дида, ранда, гуфта, мурда, шумора, андоза, баста*. [Рустамов 1981:184].

Причастия с суффиксом -гӣ (-ӣ), образованные от форм прошедшего времени при помощи суффикса -а, также образуют деепричастия прошедшего времени: *рафта, дида*.

Как пишет Абдуллоев Р., словообразовательный суффикс существительное -ӣ (после гласных -гӣ) образован от древних суффиксов -ih (абстрактные явления) и -ik (сравнительная степень прилагательных). [Абдуллоев 1974: 137-139]. В современном таджикском языке при помощи данного суффикса образуются как относительное прилагательное (*деворӣ, даштӣ, обӣ*), так и абстрактные существительные (*ресандагӣ, бофандагӣ, дӯзандагӣ*).

Таким причастиям, как и другим глагольным формам свойственны время, залог, вид, но, полностью субстантивируясь, они изменяют свои глагольные качества на морфологические признаки.

Такие существительные в большинстве случаев образуют существительные с названием результата действия и состояния. Ш. Рустамов считает данное явление непродуктивным [Рустамов 1981:185], таких видов немало: *шикастагӣ, даридагӣ, хастагӣ, ошуфтагӣ*. Может субстантивироваться и другая форма причастия прошедшего времени с суффиксом *-гӣ*, которая часто определяется лишь в контексте.

Субстантивация причастий настоящего времени с суффиксами *-анда, -о, -он*. Ниёзмухаммадов анализируя работы того времени, заметил, что последние несколько лет переход причастий в категорию существительных являлся активным процессом. Некоторые причастия настоящего времени используются в роли существительных: *нависанда, паранда, даранда, иштироккунанда, тамомкунанда, зараркунанда, муайянкунанда, пуркунанда*» [Ниёзмухаммадов 1973:333-334].

Причастия настоящего времени являются одной из древних форм глагола, образованного от основы настоящего времени с суффиксом *-andakan*, затем *-andaj*, которые можно встретить в среднеперсидском языке: *kavandakan(раванда)* и *kavandaj(раванда)* [Рустамов 1981:186].

Эта форма причастий появилась в новом периоде развития персидского языка и продолжается по сей день. Она служит для выражения двух семантических значений: существительного и прилагательного.

В роли существительных они обозначают действующее лицо или же предмет: *чӯянда, нависанда, бошанда, паранда, даранда, хонанда, ронада, дӯзанда*.

Ш. Рустамов [1981] и М. Косимова [2003] справедливо отмечают, что в таджикском языке наблюдается большое количество субстантивированных причастий настоящего времени с суффиксом *-анда*, обозначающие действие

в настоящем времени. Это явление имеет древние корни и в настоящее время процветает и образует множество терминов: *бофанда, намоянда, пуркунанда, муайянкунанда* и др. Способность образования терминов показывает, что этот суффикс перешел в разряд словообразующих омоморфем.

Образование существительных с помощью основы **настоящего времени и суффикса -о** относится еще к среднему периоду развития персидского языка. У причастий данной группы сначала появились признаки прилагательного, затем перешли в существительные. Они образуются от основы настоящего времени с суффиксом -о и прошли 3 семантические ступени: причастие – прилагательное – существительное: *тавоно*.

Количество субстантивированных причастий настоящего времени с суффиксом -о небольшое.

Число субстантивированных причастий с суффиксом -он также немного. Данная форма причастий также, субстантивируясь, принимает все грамматические категории существительного: *тарсончак, хандончак*.

Эти существительные сначала переходят в категорию прилагательных, а затем как качество личности становятся существительными.

Причастия настоящего-простого будущего времени образуются от формы причастия прошедшего времени [с суффиксом -*гӣ*] с присоединением формообразующего префикса *ме-*. Эта форма глагола в таджикском языке появилась сравнительно недавно. В литературном языке до начала XX века использование причастия с суффиксом -*ги* имело случайный характер, даже в произведениях Ахмади Дониша встречаются в небольшом количестве.

Глагольные единицы данной формы, как и другие формы глаголов, в таджикском языке могут использоваться в значении существительного. В контексте они в основном обозначают лицо, выполняющее какую-либо деятельность в настоящем или будущем времени или же предмет или действие и состояние, принимает признаки существительного: *мешикастаги, мефахмидагӣ, медонистагӣ*.

Субстантивация причастий настоящего и будущего времени с суффиксом -ї. В современном таджикском литературном языке причастия будущего времени образуются от инфинитива путем присоединения суффикса *-ї* служит для образования относительных прилагательных от существительного. Это одна из двух его функций. Данный суффикс присоединяется к инфинитиву и образует особый вид причастия.

Разница этой формы причастия от причастия с суффиксом *-зи* в том, что она не активна, не продуктивна, не имеет категории глагола и служит для обозначения действия в будущем времени. Соответственно, причастие будущего времени также служит для обозначения предмета или названия действия, состояния. Чаще можно определить в контексте: *пӯшиданї, хӯрданї, нӯшиданї, бахшиданї, растанї, гуфтанї, кандани*[ҳои фоиданок].

Субстантивация вспомогательных глаголов *ҳаст* и *нест*. Слово *ҳаст* состоит из *ҳа+аст* [частица согласия и глагол-связка *аст*[3 л. ед.ч]]. Отрицательная его форма *нест* состоит из *не+аст*. В современном таджикском литературном глагольные единицы языка служат в двух смыслах и функциях. Глагол *ҳаст* в какой-то мере самостоятелен и обозначает существование или владение чем-либо. У него не существует инфинитивной формы и формы настоящего времени. Данные глагольные формы, субстантивируясь, обозначают абстрактные явления.

В современном таджикском языке только слово *нест* имеет множественное число: *нею нестон кардан* [Толковый словарь таджикского языка 2008:909].

Путем присоединения суффикса *-ї* образуются существительные с абстрактным значением: *ҳастї* (бытие), *нестї* (небытие).

Согласно Д. Саймиддинову «еще в среднеперсидском языке образование новых слов было очень продуктивным способом словообразования» [Саймиддинов 1998:148], таким образом суффиксы в образовании отглагольных субстантиватов играют важную роль. Многие

суффиксы таджикского языка являются оморфемами и некоторые суффиксы образуют новые слова только от одной части речи:

Наиболее распространённые суффиксы, образующие отглагольные субстантивы:

Суффикс **-иш** широко употребителен, но является мало продуктивным. Данный суффикс в среднеперсидском языке существовал в форме [-iʃn] и от глагольной основы настоящего времени образует абстрактное существительное и имя действия [Саймиддинов 1998:168]: *варзиш*, *хониш*, *навозиш*, *осоиш* и др. Существительные, образованные с помощью этого суффикса, также указывают на продолжительность действия: *тозиш*, *чунбиш*, *молиш*, *хониш*, *навозиш*.

Суффикс **-ор** малопродуктивен, от глагольной основы прошедшего времени образует имя действия и деятеля: *шунидор*, *гуфтор*, *гирифтор*, *намудор*, *харидор*, *парастор* и др. «Данный суффикс существовал еще в древнеперсидском языке и от глагольной основы прошедшего времени образовывал имя деятеля, но в новоперсидском языке некоторые существительные, обозначающие имя деятеля стали обозначать абстрактные явления: *рафтор* – поведение, *кирдор* – деятель; поступок, деяние» [Саймиддинов 1998:159-160].

Суффикс **-гор** малопродуктивен, от глагольных основ образует имя деятеля: *омӯзгор*, *фурушгор*, *хостгор*, *талабгор*.

Суффикс **-а(-я)** очень продуктивен, от глагольной основы настоящего времени образует предмет, орудие действия: *мола*, *куба*, *овеза*; результат действия: *шукуфа*, *реза*; имя действия и состояния: *бӯса*, *нола*, *ханда*.

Суффикс **-ок** малопродуктивен, от глагольной основы настоящего времени образует название предмета, болезней и действия: *хӯрок*, *пӯшок*, *сӯзок*.

Суффикс *-гоҳ* очень продуктивен и от глагольных основ настоящего и прошедшего времени образует место действия: *истгоҳ, гурезгоҳ, гузаргоҳ, даромадгоҳ, зодгоҳ*.

Суффикс-*анда* очень продуктивен и от глагольной основы настоящего времени образует причастия настоящего времени, которые обозначают как имя деятеля так и названия животных: *нависанда, дӯзанда, хонанда, парранда, хазанда*.

Суффикс-*а* от глагольной основы прошедшего времени образует неодушевленные предметы и абстрактные существительные: *дида, ранда, мурда, сӯхта*.

Таким образом, анализ словообразовательных средств таджикского языка позволяет сделать вывод, что различные формы причастия и глагольных основ в трех временных отношениях могут принимать грамматические категории существительного и обозначать существительные, которые чаще можно определить в контексте, но и роль суффиксов немаловажен, так как большое количество отглагольных субстантиватов образованы суффиксальным способом.

2.4. Структурно-семантические особенности отглагольных субстантиватов русского языка

В данном параграфе рассматриваются различные способы субстантивации в русском языке, образованных при помощи суффиксов и по способу конверсии.

В русском языке существительные образуются от глаголов при помощи большого количества суффиксов. В «Русской грамматике» [Шведова и др. 1982: 157–166] приведены следующие продуктивные суффиксы:

-ниј с различными вариантами: *-аниј, -ениј, -тиј* (*учение, отправление*); *-к[а][гравировка]*; *-циј [утилизация]*; *-ств[о][издательство]*; *-ø [беседа]*; *-от[а][дремота]*; *-б[а][борьба]*; *-ня [стряпня]*; *-аж [массаж]*; -

еж [грабеж]; *-ок* [толчок]; *-ость* [жалость]; *-изм* [уклонизм]; *-ур[а]* [режиссура]; *-ищ[е]* [училище]; *-ч[а]* [передача]; *-ль* [погибель]; *-ыш* [выигрыш]; *-от* [топот]; *-ух* [голодуха]; *-он* [выпивон]; *-ин[ы]* [крестины].

Подробнее остановимся на наиболее распространённых суффиксах, образующих отглагольные субстантиваты:

Суффикс **-тель/-итель** образует существительные со значением лица или предмета, производящего действие, названное мотивирующим словом: учитель, указатель, преподаватель, *предатель*, *преследователь*, *хранитель*.

Существительные данного типа употребляются в следующих словообразовательных значениях:

1) «лицо-производитель действия» (названия по временному занятию или по профессии): *наниматель*, преподаватель, слушатель, писатель, читатель, проситель;

2) «предмет-производитель действия» (орудие, машина, приспособление): *предохранитель*, *рыхлитель* *распылитель*;

3) «предмет, предназначенный для осуществления действия (вещество, приспособление, учреждение и т. д.)»: *проявитель*, *обтекатель*, *распределитель*, *накопитель*,. Некоторые слова могут иметь несколько значений: *спасатель* (человек) и (корабль).

Суффиксы *-ник/-еник/-ик* имеют такое же значение: *толковник* (устар.), *заступник*, *запашник*, *истопник*.

Лексемы данного типа обозначают лицо [*шутник*, *заточник*, *клеветник*,], животных (*ощупник* [жук], растения [*порезник*], механизмы, орудия, приспособления [*окучник*, *пищик*, *подойник*,], помещения [*зимовник*], сочинения, книги [*толковник*, *сборник*]. В одном слове могут совмещаться значения и предмета, и лица: *проводник*. Слова данного типа чаще встречаются в сфере названий механизмов и орудий, в технической терминологии, иногда – в названиях лиц по характеру

занятий: *забурник* [орудие], *разменник* [автомат], *обточник* [алмазов] [специальность].

Суффикс **-щик/-чик** образует существительное со значением «предмет» или «лицо», производящее действие: *прицепщик*, *метчик*, *танцовщик*, *лётчик*. Данный тип чаще встречается в профессиональной терминологии: *запарщик* [кормов], *доводчик*, *окрасчик*, *погрузчик* [названия машин, механизмов], *завальщик* [шахты] [названия специальностей], *подборщик*, .

Суффикс **-льщик** образует существительные со значением «лицо, производящее действие»: *обжигальщик*, *рисовальщик*, *вязальщик*, *носильщик*;

Суффикс **-льник** участвует при образовании существительных со значением «предмет (приспособление, орудие), предназначенный для выполнения действия»: *паяльник*, *будильник*; *светильник*, *умывальник*.

Суффикс **-ец/-нец** образует существительные со значением «предмет или лицо, характеризующиеся действием, названным мотивирующим словом: *выходец*, *сорванец*, *продавец*, *резец*. Тип непродуктивен.

Суффикс **-лец** образует существительные со значением «лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом: *страдалец*, *владелец*, *скиталец*. Тип продуктивен в публицистической и разговорной речи.

Суффикс **-ак/-як** образует существительные со значением «явление или предмет, характеризующиеся действием, названным мотивирующим словом: *резак*, *стояк*, *тесак*, *черпак*, . Тип непродуктивен.

Суффикс **-ун/-юн** образует существительные со значением «лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом: *прыгун*, *бегун*, *опекун*, *плясун*, *шалун*, *лгун*; разг.: *молчун*, *ворчун*, *шаркун*. Иногда встречаются слова, обозначающие животных: *грызун*, *пестун*, *полоскун*, *ревун*, *скакун*, *бодун*, *пискун*], орудие и часть

механизма [колун, бегун, шатун, ползун]. Тип продуктивен в разговорной речи;

Суффикс **-ок** образует слова со значением «лицо или предмет, характеризующиеся действием, названным мотивирующим словом», а также действие, названное мотивирующим словом: *кивок, зевок*. Слова данного типа можно разделить на два подтипа:

1. со значением «лицо, производящее действие, или предмет, предназначенный для выполнения действия». В данном подтипе также выделяются единицы со значением:

а) «лицо - производитель действия»: *есть [едим] - едок, сидеть - седок, ходок, игрок, ездок, знаток, стрелок;*

б) «средство или орудие осуществления действия»: *скрести [скребу] - скребок, манить - манок, каток, мастерок, боёк, сосок, присосок, помазок, прищепок, напилок, подпилок, подтопок;*

в) «предмет - субъект действия»: *поплавок, росток, движок;* г) «место действия»: *кататься - каток [площадка для катания], сажать - садок [например, для рыбы], леток [спец.].*

2. со значением «то, что появилось (появляется) в результате действия»: *подарок, обрубок, обрезок, набросок, недovesок, отпечаток, слепок, спорок, сгусток*. Слова данного подтипа часто называют конкретные неодушевленные предметы; могут обозначать человека [*переросток, подросток, недоросток, выродок, недоносок,*], животных [*слеток, откормок, подранок, выкормок*], состояние [*устаток*, прост.], место [*поселок, выселок*].

Суффикс **-арь** образует существительные со значением «лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом»: *сечь [сёк, секу] секарь [спец.], печь [пёк, пеку] -пекарь, лекарь, звонарь, пахарь, токарь, писарь*. Тип непродуктивен.

Суффикс **-атор/-ятор/-итор** образует существительные со значением «предмет, предназначенный для осуществления действия, названного мотивирующим словом, или лицо, производящее действие: *компилятор, рационализатор, классификатор; экзаменатор.*

Большинство существительных данного типа мотивируются отглагольными субстантивами с суффиксальными морфами *-ици|j|-, -аци|j|-* со значением действия: *стабилизатор [стабилизировать и стабилизация], организатор [организовать и организация].*

Суффикс **-ор**. Отглагольными субстантиваты с суффиксом *-ор/-ёр,-ер* называют орудие или лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом: *гравёр, дирижёр, контролёр, режиссёр, инструктор, планёр.*

Данный тип наиболее продуктивен в специальной терминологии: *климатизёр [прибор].*

Суффикс **-лк [а]**. Имена существительные общего и женского рода с суффиксом *-лк[а]* обозначают предмет [чаще неодушевленный], предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим словом, либо сам предмет, производящий действие: *мигалка, сновалка, трепалка, держалка, горелка.*

Существительные данного типа обладают следующими частными словообразовательными значениями:

1. «Предмет, предназначенный для выполнения действия»: а) «машина, механизм, приспособление»: *сеялка, молотилка, таялка, точилка, зажигалка;* б) «сосуд»: *поилка, цедилка, копилка;* в) «игровые стихи»: *дразнилка, считалка.*

2. «Лицо-субъект действия»: а) существительные женского рода: *гадалка, сиделка, заряжалка [работница на ткацком*

производстве], *резалка* [работница на разделке рыбы], устар. *кормилка* [кормилица];

Суффикс **-ни|j|**. Некоторые существительные среднего рода с суффиксом *-ни|j|*/*-ени|j|*/*-ани|j|*/*-и|j|*/*-стви|j|*/*-ние* [-н^ьe], *ание* [-ан^ьe], *-ение* [-ен^ьe], *-ствие*, *-ие* [-е^ьe], имеют значение «предмет, характеризующийся действием, названным мотивирующим словом» (объект, субъект, результат действия) и значение процессуального признака (состояния, действия) со значением имени существительного: *послание, кушанье, видение, привидение*.

Суффикс **-льн[я]**. Существительные с суффиксом *-льн[я]* называют место, предназначенное для производства действия, названного мотивирующим словом: *читальня, спальня, купальня, валяльня, коптильня, красильня, курильня*. Семантически изолированным является *светильня* (*светить*) со значением «предмет, предназначенный для выполнения действия».

Суффикс **-ищ[e]**. Имена существительные с суффиксом *-ищ[e]*/*-лищ[e]*/*-бищ[e]* обозначают предмет либо место, характеризующиеся действием, названным мотивирующим словом: *жилище, хранилище, вместилище, чистилище, святилище, училище*.

Кроме слов со значением места действия, к данному типу относятся существительные, называющие объект, субъект, орудие действия: *страшилище, игралище, удилище*, а также *прозвище*. Большинство из них относится к книжной, чаще к архаичной лексике.

Суффикс **-ин[а]**. Существительные с суффиксом *-ин[а]* называют предмет, являющийся объектом или результатом действия, названного мотивирующим словом: *царапина, крапина, метина, трещина*.

Суффикс **-и м о с т ь**. Существительные с суффиксом *-и м о с т ь*/*-е м о с т ь* имеют значение «свойство, проявляющееся как способность к действию, названному мотивирующим

словом»: *успеваемость, нуждаемость, обращаемость, сопротивляемость, рождаемость.*

Отглагольные субстантиваты данного типа необходимо отличать от существительных с суффиксом *-ость*, мотивированных прилагательными и страдательными причастиями с суффиксом *-ом/-им-*.

Суффикс *-к [a]*. Отглагольные субстантиваты с суффиксом *-к[a]/-овк[a]/-ёжк[a]/-ачк[a]/-анк[a]* имеют значение процессуального признака (действия, состояния) со значением имени существительного: *задержка, подкормка, увёртка, чистка, объездка.*

Суффикс *-а ци и [j]*. Существительные женского рода с суффиксом *-аци [j]/-ици [j]/-еници [j]/-ци [j]/-и [j]/-ация, -иция, -яция, -ениция, -ция, -ия* имеют такое же значение, что и существительные с суффиксом *-ни [j]*: *абстракция, реакция, адсорбция, апперцепция, транскрипция.*

Суффикс *-ств [o]*. Существительные с суффиксом *-ств[o]/-еств[o]/-тельств[o]/-овств[o]* обозначают действие и состояние человека: *рождество, празднество, притворство.*

Суффикс *-б [a]*. Существительные с суффиксом *-б[a]/-об[a] /-еб[a]* [фонемат. |б|/|об|] : *дружба, просьба, служба, тяжба, учёба.*

Суффикс *-аж*. Существительные с суффиксом *-аж/-яж* [фонемат. |аж|] имеют то же значение, что и слова предыдущих типов: *массаж, инструктаж, тренаж, зондаж.*

Суффикс *-ость*. Существительные с суффиксом *-ость/-ть/-ность* называют абстрактное состояние: *жалость, трусость, дурость, леность, ревность.* Тип непродуктивный.

В русском языке наименее распространен безаффиксный способ словообразования, называемый также **конверсийным**. Конверсийный способ применяется при образовании существительных (от некоторых глаголов) и прилагательных, основа которых подвергается изменению (изменяется место

ударения, конечный согласный звук), основа глагола же часто не меняется [ср.: *глубокий* - *глубь*, *тихий* - *тишь*, *бегать* - *бег*, *заливать* - *залив* и т.п.].

Существительные *припев*, *прилив*, *пробег*, *простой* [транспорта], *вылет* являются производными основами, хотя образование данных слов при помощи приставок исключается. Данные лексемы по значению соотносительны с основами глаголов *припевать*, *приливать*, *пробегать*, *простоять*, *вылетать*, они образованы безаффиксным или конверсионным способом словообразования, который обычно используется для образования существительных от глаголов.

Конверсионный (безаффиксный) способ словообразования обычно используется в профессиональной речи (*промыв*, *обжиг*, *подклад*, *завал*, *нагрев*), иногда и в просторечии (*наскок*, *окрик*, *отпад*). Такие единицы применяются в профессиональной терминологии (*конструктив*, *негабарит*, *криминал*, *ординар*, *термояд*). Наиболее характерными являются названия лиц (*нелегал*, *экстремал*, *театрал*, *фанат*, *акселерат*, *инфантил*). Некоторые из них закрепляются в литературном языке (*интим*, *примитив*, *позитив*).

Все эти суффиксы отглагольных субстантиватов могут присоединяться как к предельным, так и к неопредельным глагольным основам. Так, суффикс *-а* присоединяется как к предельной основе глагола *отменить* и дает предельное же существительное *отмена*, так и к неопредельной глагольной основе *ездить*, и результирующее существительное *езда* также неопредельно. Способность присоединяться к предельным и неопредельным основам отличает данные суффиксы отглагольных субстантиватов от многих других, менее продуктивных, русских отглагольных суффиксов. Так, суффикс отглагольного субстантиватов *-б[а]* присоединяется только к беспрефиксным неопредельным основам и дает неопредельные же существительные (*косьба*, *служба*, *учеба*, *стрельба*); суффикс *-ыш* присоединяется только к предельным основам и образует предельные же существительные со

значением единичного наступления ситуации (*выигрыш, проигрыш, выкидыш*); суффикс *-изм*, также присоединяющийся только к предельным глагольным основам, образует, наоборот, неопредельные существительные со значением совокупности разнородных действий, которые могут быть охарактеризованы при помощи глагольной основы (*отзовизм, уклонизм, приземлизм*).

При образовании имен существительных активно применяется субстантивация, переход прилагательных и причастий в существительные (слова, осознаваемые носителями языка как существительные): *чаевые, мороженое, заведующий*.

Некоторые слова исторически образованы путем перехода из одной части речи в другую.

Если имя существительное, образованное субстантивацией прилагательного, по морфемной структуре не отличается от прилагательного, то морфемный состав существительного, образованного субстантивацией причастия, отличается от причастия: в существительных суффиксы *-ущ/-ющ, -ащ/-ящ* входят в основу и не являются формообразующими. В лингвистике образование таких слов рассматривается как суффиксация: *заведу-ющ-ий* [*заведовать, заведующий – «тот, кто заведует»*], *управляющ-ий* (*управлять, управляющий – «тот, кто управляет»*).

Существительные со значением отвлеченного действия в принципе могут быть образованы от любого глагола. Не могут образовать существительных, например, со значением субъекта действия те глаголы, значения которых не предполагают наличия объективного субъекта, а рассматривают действие либо как происходящее «само по себе», либо как состояние (*грустить, бледнеть, зеленеть, течь*). Такого же типа ограничения накладываются на образование отвлеченных существительных со значением орудия действия. Такие существительные образуются лишь от тех глаголов, которые предполагают существование орудий, совершающих

обозначенное действие. Например: от глагола *носить* можно образовать существительные, называющие как абстрактные действия – *носка, ношение*, так и субъект действия (*носитель–носильщик, носчик*) и орудие действия (*носилки*), объект действия (*ноша*).

От глагола *строить* можно образовать существительные, называющие отвлеченные действия (*строительство, стройка, строение*) и субъект действия (*строитель*). Но нельзя образовать, например: существительные, называющие орудие, объект или результат действия.

Отвлеченные существительные, образованные от глаголов, независимо от их лексического значения, выражают процесс [процессуальный признак]: *кипеть* – *кипение*; действия: *бежать* – *бег*; состояния: *страдать* – *страдание* и отношение: *преобладать* – *преобладание*.

В русском языке процесс образования существительных от глагольных основ весьма продуктивен. Он начался с зарождения русского языка и продолжался по мере его развития и совершенствования. Этот процесс продолжается по сей день, обогащая лексическую систему русского языка. В первую группу глаголов, образующих абстрактные существительные, были включены глаголы, образующие существительные с помощью суффикса *-ени* [*e*]. Продуктивность этого суффикса восходит к древнейшему периоду русского языка. Еще в XVIII в. образование на *-ение* носило регулярный характер и почти не в современном языке эти существительные образованные от переходных глаголов несовершенного вида, имели ограничения.

Лишь этот суффикс присоединяется к основам глаголов совершенного вида, например: *увеличить* – *увеличение*; характерной особенностью образования на *-ение* является то, что глагольная основа полностью включается в эти образования, сохраняя даже оттенок длительности и повторяемости действия, *сцепить* – *сцепление*, *применить* – *применение*, кроме основного назначения – обозначать действие, суффикса *-ение* во

многих образованиях в качестве вторичного значения обозначает предметность. Например: «укрепление границ» [действие], «возведение укреплений» [предметное значение].

Замечена следующая закономерность. Существительные на *-ение* обычно образуются от тех глаголов несовершенного вида II ого спряжения, которые соотносятся с глаголами несовершенного вида на *-ать*, например: *решать – решение*.

Итак, при помощи суффикса *-ение* главным образом от переходных глаголов преимущественно несовершенного вида образуются отглагольные субстантиваты, обозначающие процесс действия.

Недаром Г.О Винокур рекомендовал суффикс *-ение* использовать при образовании терминов, обозначающих процесс действия [Винокур 1999: 45]. Некоторые глаголы, производящие абстрактные существительные с помощью суффикс *-ение*, являются более продуктивными, не ограничиваясь этой формой словообразования.

Ряд этих глаголов, помимо образования абстрактных существительных при помощи суффикса *-ение*, таких, как *повторять – повторение, входит – вхождение* и другие, образует новые существительные и с помощью бессуффиксального способа: *повторять – повтор, входит – вход*. Другие глаголы, помимо суффикса *-ение*, образуют абстрактные существительные с помощью суффикса *-ка*: *варить – варение, варка, гравировать – гравирование, гравировка* и т.д. Таким же образом другие глаголы, кроме суффикса *-ение*, используют преобразования страдательных существительных суффикса *-ёж*: *терпеть – терпение, «терпёж»*.

Аналогичным образом комбинируются суффиксы *-ени* и *-ба* при образовании новых абстрактных существительных, например: *служить – служение, служба*.

Некоторые другие глаголы обладают более широкими возможностями словообразования, включая в свой арсенал до трёх суффиксов. Так,

например, от глагола *строить* можно получить три производных существительных с помощью суффиксов *-ение*, *-ство*, [й] *-ка*: *строение*, *строительство* и *стройка*. Другой большой группой глаголов, образующих абстрактные существительные являются глаголы, от которых можно образовать существительные с помощью суффикса *-ание* [с помощью этого суффикса образуются имена существительные, обозначающие действия]. Обычно они образуются от глаголов I-ого спряжения с конечным гласным основы на *-а* [*воскликать* – *воскликание*, *заседать* – *заседание*]. Эти слова могут обозначать также состояние, результат действия и названия механизмов, приборов [*зажигать* – *зажигание*]. Эта группа глаголов весьма продуктивна и в настоящее время. Много неологизмов появилось благодаря использованию этой распространенной формы словообразования. Так же, как и глаголы, образующие абстрактные существительные на *-ение*, глаголы этой группы не ограничиваются при словообразовании только суффиксом *-ание*. Диапазон их словообразовательных возможностей охватывает и бессуффиксный способ [*печатать* – *печатать*, *печатание*] и суффикс *-ка* [*ломать* – *ломание*, *ломка*] и др.

Существует большая группа глаголов, образующих абстрактные существительные с помощью *-ба*. [С помощью этого суффикса образуются имена существительные, обозначающие, процесс действия].

Они образуются от бесприставочных глаголов [*служить* – *служба*, *дружить* – *дружба* и др].

История формирования способов словообразования в русском языке восходит вглубь веков. Однако лингвисты относительно недавно вплотную приступили к исследованию закономерностей и тенденций русского языка словообразования, особенно того раздела, который касается возможности образования существительных от групп глаголов.

Ученые утверждают, что в древнерусском языке существительных, образованных с помощью суффикса *-ба*, было значительно больше, и они

образовывались главным образом от существительных. Теперь некоторые из них даже утратили свою членимость, например, *судьба, свадьба*. Отглагольные субстантиваты на *-ка* [в отличие от имён на *-ние*] могут быть образованы почти от любого глагола совершенного и несовершенного вида, т.е. они не ограничены характером производящей основы. Отглагольные существительные на *-ка* активно участвуют в образовании сложных слов, обозначающих механизм, приспособления, а так же соответствующий процесс: *деревообработка, нефтепереработка* и др.

Как мы уже указывали выше, в языке можно обнаружить немало случаев параллельного синонимического образования: *налаживание – наладка, вальцевание – вальцовка, формирование – формовки* и др. Как видно из примеров, семантически эти пары часто не дифференцируются: они обозначают конкретный производственный процесс и равноправно употребляются в терминологии. Также замечена некоторая стилистическая дифференциация этих параллельных образований: слова с суффиксом *-ка* стилистически нейтральны, в то время как образования на *-ние* [*-ение*] нередко выступают как книжные слова. Замечена интересная закономерность: суффикс *-ка* у отглагольных субстантиватов может следовать только за согласным. Если же основа глагола оканчивается на гласный звук, то либо этот гласный отсекается, например: *чистить – чистка*, либо появляется вставочный с интерфиксальный звук *-в* [*разлить – разливка, спеть – спевка*].

Следующая большая группа глаголов, которая является источником образования абстрактных существительных производит их с помощью суффикса *-ство*. В современном русском литературном языке суффикса *-ость* и *ство* [наряду с суффиксами *-ка, -ние, -ение*] весьма продуктивны среди существительных, обозначающих отвлеченные понятия.

Важно заметить, что именно существительные с суффиксами *-ство*, образующим названия отвлеченных понятий, значительно чаще встречаются

в произведениях научного стиля. Например: *устроить–устройство, сотрудничать–сотрудничество* и т.д.

Существительные на *-ация* соотносительны с глаголами на *-ировать* [*агитировать– агитация, ликвидировать – ликвидация*], а существительные на *-изация* соотносительны с глаголами на *-изировать* [*коллективизировать – коллективизация*].

Для образования существительных, обозначающих энергично проявляющееся действие, к основе некоторых глаголов присоединяют суффикс– *ёж*. Например: *галдеть– галдёж, чертить– чертёж* и др.

И наконец, большая группа глаголов не требует для образования абстрактного существительного никакого суффикса. В этом случае применяется бессуффиксный способ. Словообразовательная функция нулевых суффиксов весьма продуктивна. Особенно наглядно она выступает там, где одни и те же словообразовательные значения в одних однокоренных словах передаются материально выраженным суффиксом, и в других нулевым. Например: *разогреть – разогревание, разогрев*. От некоторых глаголов в русском языке, оказывается, невозможно образовать имена существительные. Большинство этих глаголов обозначают возвратные, направленные на субъект действия. Например: *нравиться, заботиться*. В результате различных видов, форм и способов образования существительных от глаголов получаются слова, имеющие подчас различные значения или оттенки значений. Эти различные значения отражают исторический процесс русского словообразования и формирования новых смысловых значений слов. Производные существительные могут принимать то или иное значение из синонимического ряда основных или второстепенных значений производящих глаголов. Степень отражения того или иного исконного или приобретенного значения глагола в производном существительном зависит также от той или иной формы словообразования.

Кроме того, отглагольные субстантиваты, отражая одно и то же оригинальное значение глагола, могут указывать на его отдельный характер или черту, обозначая, например, процесс действия, самого деятеля, место действия, результат действия и т.д.

В приведенном выше списке глаголов также можно найти целый ряд примеров, имитирующих это положение. Например: *лететь – полёт, летчик, лётун; советовать – совет, совещание, советчик* и т.п.

Таким образом, мы приходим к выводу, что словообразовательные возможности русских глаголов весьма разнообразны, широки и глубоки по своей этимологии.

Субстантивация причастия. Иногда в имена существительные переходят действительные причастия со значением предметности: *трудящиеся (причастие) – трудящиеся (существительное)*, могут быть употреблены и некоторые страдательные причастия, например: *раненный, убитый, недоступный, невысказанный* и др.

В русском языке при субстантивации причастий и прилагательных формантом является система флексий мотивированного слова [существительного], представляющая собой часть системы флексий мотивирующего [прилагательного или причастия] - систему флексий одного грамматического рода или только множественное число: существительные *больной, заведующий, операционная, новое, суточные, пайковые* [Русская грамматика 1982:139].

В современном русском языке активно употребляются причастия со значением прилагательных. Часто в прилагательные переходят действительные причастия настоящего времени со значением постоянного признака: «цветущий вид», «блестящие успехи» и страдательные причастия прошедшего времени: «взволнованный голос», «уверенный ответ». В значении прилагательных могут быть употреблены и некоторые действительные причастия с постфиксом *-ся*: «учащаяся молодежь»,

«выдающийся поэт», «трудящиеся массы»,. Употребление причастий в составе терминологических сочетаний и в переносном значении также способствует их переходу в прилагательные: «отравляющее вещество», «рассеянный человек», «потерянный взгляд»; «пишущая машинка»; «подающий механизм». Прилагательные типа *квашеный, жареный, крашеный, вяленый, сушеный, печеный* и т. п. являются причастными по происхождению. Иногда причастия отличаются от прилагательных ударением: причастия: *проклятый, точенный, соленый, пиленный, топленный, моченный*; прилагательные: *проклятый, точёный, соленый, пилёный, топлёный, мочёный*.

Причастия могут быть субстантивированы лишь после адъективации: *окружающее, обвиняемый, млекопитающие* и др. При субстантивации причастия, получившие предметное значение, сохраняют систему склонения прилагательных, но приобретают грамматический род существительных.

Наличие согласованного определения подчеркивает предметное значение субстантивированных причастий: «*все сидящие казались потерянными*». Некоторые бывшие причастия типа *управляющий, заведующий* могут употребляться и в значении существительных, и в значении прилагательных и причастий, а слова *млекопитающее, насекомое* окончательно перешли в существительные.

Таким образом, в процессе употребления слов некоторые причастия и прилагательные подвергаются качественным семантическим изменениям, переходят в разряд существительных и приобретают предметное значение. Помимо этого, при переходе в разряд существительных причастия и прилагательные имеют способность согласования с существительным и приобретают определенный род: *млекопитающее* (средний род). В предложении данные слова выступают в роли подлежащего или дополнения и согласовываются с прилагательным или причастием. В

отличие от существительных прилагательные, перешедшие в разряд существительных, сохраняют способность склонения по типу тех прилагательных, к которому они принадлежат, они не могут иметь образований с суффиксами оценки.

2.4. Структурно-семантические особенности отглагольных субстантиватов французского языка

Во французском языке значительное количество существительных образуется путем аффиксации, в частности, суффиксации, а также конверсией.

Важной чертой словообразования французского языка является наличие четырех форм основ, образованных в результате фонетической эволюции самого французского языка и заимствований из латинского языка.

Исконно французские основы, как следствие фонетических изменений, имеют формы, наиболее характерными из которых являются полные и краткие, с произносимой согласной (*il reçoit — ils reçoivent; grand — grandeur*) и ударные и безударные (*ils — nous recevons*). Поскольку особенностью французских суффиксов является перетягивание ударения с основы на себя и начинаются почти все с гласного звука, наиболее распространенной является полная и безударная основа. В заимствованиях из латинского, основа с точки зрения фонетики может не совпадать ни с одной основой. Для гнезд лексем с изменяемыми основами выделяются следующие типы основ:

а) непродуктивная свободная основа (обычно ударная и краткая), при образовании слова и его грамматических форм, не может служить базой для аффиксального способа, новые лексические единицы образуются от нее словосложением или путем конверсии. Например, формы основы *reçoi-*, *reçoiv-*, *reçu-* со значением «получать» самостоятельно образуют форму слова: *je reçois, ils reçoivent, reçu* (свободные формы основы);

б) продуктивная свободная основа (обычно безударная или полная) может образовать форму слова и присоединять аффиксы, например: *apercevoir*-, ср.: *nous apercev(ons), il apercev(ra) и apercevoir-eur, ir-apercevoir-able*;

в) продуктивная связанная основа, свойственная латинским заимствованиям образует новые лексемы, но не является самостоятельным словом. Например, форма *recevoir*- образует производные формы *réception, réceptacle*, но самостоятельно не употребляется;

г) непродуктивная связанная основа употребляется лишь в некоторых производных единицах: основа *recevoir*- свойственна только слову *réceptacle*.

Французский язык отличается большим количеством непродуктивных основ, представленных в наиболее употребительных формах лексем, например: *gris* [*gri*], *haut* [*o*], [*pa*], продуктивными формами которых, являются *gris-* [*grisonner*], *ot-* [*hautesse*], *pass-* [*passer*].

Непродуктивные свободные основы в отличие от продуктивных связанных основ, восходящих к заимствованиям из латыни, являются исконно французскими. Это объясняет характерную особенность словообразовательных гнезд французского языка, где французское слово находится на обособленном положении, в то время как основная часть лексем данного гнезда образуется от заимствованной основы, например: *lieu* и *loc-* (*location, disloquer*), *mois* и *mens-* (*mensuel*), *air* и *aér-* (*aérer, aération*).

Возможности соединения аффиксов и основ лексем при образовании единиц в языке регулируются соответствующими правилами. При соединении основы и аффиксов происходят фонетические изменения, затрагивающие место присоединения аффикса и основы.

Существуют различные морфонологические правила для двух словообразовательных подсистем французского языка.

Во французской подсистеме основные чередования происходят на стыке морфем или в самой основе в связи с заменой краткой или ударной

основы безударной. Иногда замене подвергаются согласные [*sac* — *sachet*], либо происходят другие изменения:

а) чередование нулевого звука с согласным (*mont* - *montagne*), обусловившее появление интерфикса *-t-* между основой и суффиксом, содержащих гласные: *clou* — *cloutier*;

б) чередование [*ɛ*], [*e*] с [*ə*] или нулевым звуком, где ударение переходит на суффикс: *panier* - *panerée*, *charrette* — *charretée*, *vaisselle* — *vaisselier*. Очень часто употребляются бывшие или настоящие суффиксы *-et[te]*, *-ier*, *-elle*.

Во французском словообразовании наблюдается небольшое количество интерфиксов, например: *lionceau*, *licencier* (ср.: *pigeonneau*, *distancer*) и употребительное *-t-*(*pianoter*).

Не так часто встречается и чередование звуков в аффиксах. Наблюдаются следующие случаи:

а) суффиксы с начальной согласной *-[e]té* и *-[e]ment* после некоторых основ, оканчивающихся на согласный, получают звук [*ə*]: *ecoute*, *aboitement* и *hurlement*, *clarté* и *fermeté*;

б) суффикс *-ier* после *ch*, *g* утрачивает *i*: *vacher* но *chevalier*;

в) перед основами с начальной гласной префиксы *dé-*, *re-*, *sou-* имеют особые формы: *гесouter*, *réagir*, *rafraîchir*;

г) у префиксов *il-* [*im-*, *in-*, *ir-*], *co-* [*col-*, *com-*, *con-*, *cor-*] и некоторых других сохраняются варианты, заимствованные из латыни: *co-* [*col-*, *com-*, *con-*, *cor-*].

Во французском языке наблюдается вариативность суффиксов и основ, связанная с этимологией слов, в том числе и наличием различных форм аффиксов, например, суффиксы *-ation*, *-aïson*, *-aire* и *-ier*; *-ature* и *-ure*; *-al* и *-el*; *-ateur* и *-eur*; *-at* и *-é*; *-atoire* и *-oir[e]*; *-ité* и *[e]té*; префиксы: *ex-* и *é-*; *sub-* и *sou-*. Закономерности их сочетания различны: как правило, «народный» аффикс соединяется с «народной» формой основы, «ученый» —

с латинизированной формой основы, например: *évêché* и *épiscopat*; *premier* и *primaire*; *fermeté* и *infirmité*. Иногда народный и латинский варианты основ могут совпадать с точки зрения фонетики, в этом случае к одной основе могут присоединяться оба варианта суффиксов: *armure* — *armature*, *fileur* — *filateur*.

Во французском языке с точки зрения принадлежности слова к определенной части речи и его семантики различаются следующие типы словообразовательных отношений:

а) происходит синтаксическая деривация, т.е. изменение части речи с сохранением семантики слова: *métal* — *métallique*;

б) происходит лексическая деривация, т.е. изменение и части речи, и семантики слова: *travailler* — *travayeur*, *travaille*;

в) происходит внутрикласная деривация, т.е. изменение семантики слова без изменения части речи: *venir*- *revenir*; *livre* — *livret*.

И синтаксическая, и лексическая деривация носят характер транспозиции, т.е. перевод семантемы из одной части речи в другую. В данном случае с аффиксацией начинают конкурировать иные языковые средства:

- формы словоизменения: ср.: *ecoutant* - слушатель и слушающий; *président* - *председатель* и *председательствующий*;
- конверсия: ср.: *il marche* — *la marche*; *rire* — *le rire*,
- словосочетания: *bois* — *boiser* и *засаживать лесом*, *облесить*.

Суффиксация. В зависимости от части речи исходного и производного слова выделяются 16 групп моделей суффиксации: N→N, N→V; N →Adj. и т. п. Рассмотрим лишь глагол-существительное:

1) Определенными моделями во французском языке рядом представлена транспозиционная деривация (образование имени действия): **-ation** (*amélioration*); **-ment** (*lancement*); **-age** (*arrosage*); **-at** (*attentat*) ; **-ure**

(*brûlure*); *ature* (*signature*); *-ade* (*fusillade*); *-aïson* (*conjugaison*); *-ée* (*arrivée*); *-is* (*cliquetis*); *-ie* (*sortie, saisie*); *-erie* (*rêverie, tuerie*);

2) во французском языке с суффиксом *-eur* свободно образуются имена деятеля со значением исполнителя действия, в русском языке такое существительное очень часто отсутствует (*promeneur* (гуляющий), *dormeur* (спящий), *dîneur* (обедающий) и т. д.);

3) Во французском языке наблюдается небольшая группа существительных, образованных суффиксом *-ataire*, со значением адресата действия: *destinataire, donataire*.

Остановимся на наиболее распространенных суффиксах, образующих отглагольные субстантиваты:

Суффикс *-tion* от причастия прошедшего образует действие и результат действия: *comparution, parution*;

Суффикс *-ation* от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует действие и результат действия: *amélioration, location, negation, verification, radiation*;

Суффикс *-ment* от глагольной основы первого лица настоящего времени, единственного или множественного числа образует состояние, действие или результат действия: *agrandissement, amoncellement, blanchissement, consentement, craquement, développement, engourdissement, lancement*;

Суффикс *-age* от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует действие или результат действия: *blanchissage, caviardage, dressage, noyautage, pilotage, remplissage, vernissage, arrosage*;

Суффикс *-at* от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует результат действия: *agglomérat, résultat, attentat*;

Суффикс **-ure(-ature)** от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует предмет или результат действия: *dorure, gageure, gravure, brûlure, signature*;

Суффикс **-ade** от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует действие или результат действия и состояние: *baignade, glissade, rigolade, fusillade*;

Суффикс **-aïson** от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует действие или результат действия: *comparaison, cueillaison, déclinaison, conjugaison*;

Суффикс **-ée** образует от причастия настоящего времени действие и результат действия: *né, arrivée*;

Суффикс **-is** от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует предмет или результат действия: *cliquetis, bâtisse, fouillis, hachis, logis*.

Суффикс **-ie образует** причастие глагола третьей группы и обозначает предмет или результат действия: *éclaircie, embellie, saisie, sortie*;

Суффикс **-erie** от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует предмет или результат действия: *boiterie, fâcherie, flânerie, rêverie, tuerie*;

Суффикс **-eur** от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует предмет или действующее лицо: *arroseur, bâtisseur, buveur, marqueur*;

Суффикс **-ataire** от глагольной основы первого лица настоящего времени единственного или множественного числа образует действующее лицо: *une protestataire, un signataire, un retardataire*.

У существительных, образованных путем субстантивации, обычно сохраняется род опущенного слова: *un travail écrit* → *un écrit*; *un animal quadrupède* → *un quadrupède*. Хотя, если *N* образовано путем прямой транспозиции (часто в словах со значением отвлеченных понятий,

образованных от прилагательных), приобретает форму мужского рода: например, *le bleu*, а также при субстантивации глаголов: *le toucher, un sauvequipent*.

В целом при использовании внутренних номинативных средств во французском языке чаще используется существующее слово в новом значении (изменение семаантики слова в связи с грамматической категорией, конверсия, переосмысление). Следовательно, во французском языке количество слов увеличивается гораздо меньше, хотя наблюдается расширение многозначности слова.

В связи со слабой морфологической оформленностью слова во французском языке грани между структурными типами слов (сложным и производным словом, словосочетанием и сложным словом) бывают размыты.

Субстантивация инфинитива. Инфинитив – наиболее отвлеченная по значению форма глагола. Он сочетает свойства глагола и имени, но глагольные признаки в нем преобладают, в связи с чем он представляет собой глагольную форму и входит в парадигму глагола [Гак 2000: 192].

Показателем близости существительного и инфинитива является наличие во французском языке огромного количества субстантивированных инфинитивов (*le devenir, le savoir-faire, le vivre, le boireet, le manger, le dire, l'avoir, l'etre*].

В субстантивированном инфинитиве преобладает глагольная семантика: он называет действие не в статике, а в динамике.

По разнообразию своих функций инфинитив может быть сопоставлен только с существительным. Он может относиться к глаголу (*oublier de faireqch*), прилагательному(*difficile à faire*), существительному(*la joie de vivre*); употребляться в первичных функциях *существительного*, что сближает его с именем) в качестве подлежащего и предикатива(*vouloir, c'est pouvoir*), дополнения (*Il a achevé de lire = sa lecture*), выступать в роли

сказуемого, обстоятельств, формировать отдельное предложение и зависимые комплексы, подобные придаточным предложениям [Гак 2000:194].

Как указывали Брюно Ф. в своем трактате «Мысль и язык» [Brunot1965:204] и Гак в книге «Теоритическая грамматика французского языка» [Гак 2000:199], с очень древних времен во французском языке любой инфинитив глагола мог образовывать имя существительное. Особенное распространение получает субстантивация под влиянием латинского языка. Так, дю Белле призывал в своем трактате «Защита и прославление французского языка» без боязни использовать инфинитивы вместо существительных: *l'aller, le chanter, le vivre, le mourir*. Еще в XVI веке подобные случаи были весьма распространены, существительные, образованные таким путем, могли употребляться не только во множественном числе, но и изменять семантику *des vivres* (продукты), *un dîner* (обед), т.е. не только процесс приема пищи, но и подаваемые блюда. К концу XVI века перестало произноситься конечное *-r* инфинитива, и это постепенно привело к ослабеванию данного процесса. Одной из причин Брюно считает невозможность различать на слух причастия прошедшего времени и инфинитивы глаголов I группы. Например, существительное *un téléphoner* (процесс, обозначающий пользование телефоном) большинство слушающих воспримут как (человека, которому дозваниваются) - *un téléphoné*. Постоянные случаи недопонимания привели к тому, что инфинитивы глаголов I и II групп, совпадающие фонетически с причастиями прошедшего времени, перестали употребляться в функции субстантивов, остались лишь существительные, образованные от глаголов III группы *l'être*(бытие).

В современном языке имеются два-три десятка существительных, восходящих к простому инфинитиву(*un sourire, un dîner, un être*), его сочетанию с предлогом (*affaire, déboire, pourboire*), с другим

глаголом(*savoir-faire, laisser-aller*). Некоторые субстантивированные инфинитивы фразеологически связаны в своих употреблениях(*le boire, le manger, l'aller, etc.*), и в современном языке субстантивированные инфинитивы редки, хотя и встречается (*le lancer des tracts* (разбрасывание листовок) [Гак 2000:199]. На современном этапе развития языка данные переходы не отмечены.

В настоящее время продуктивным источником образования отглагольных субстантиватов являются формы причастий прошедшего и настоящего времени, а также существительные, образованные путем отсечения окончания инфинитива и суффиксальный способ.

Некоторые русские ученые [Гак, Мовшович, Лопатникова] придерживаются мнения, отличного от мнения большинства французских лингвистов, утверждающих, что *-er, -ir* являются окончаниями инфинитива, т.к. входят в парадигму глагольных форм *gonfler, je gonfle, nous gonflons, ils gonflent*, а не суффиксами. Разделяя это мнение, будем считать появление существительных, образованных в результате отсечения *-er* или *-ir*, конверсией.

Причастие. Через прилагательные причастия могут подвергаться субстантивации: *préfabriqué*. «Субстантивация причастий часто идет через их предварительную адъективацию, но этот процесс нелегко проследить, так как исходная форма – причастия – в словарях не регистрируются» [Цыбова 2008:108].

Причастия настоящего времени дают наибольшее количество случаев образования отглагольных субстантиватов, причем большинство из них обозначают предметы: *imprimant* (печатающий) - *imprimant (m)*(принтер), *pénétrant* (проникающий) - *pénétrante (f)*(автомагистраль). Существительные, обозначающие лицо, также достаточно часто образуются от причастий настоящего времени: *agonisant* (находящийся в агонии) - *agonisant*

(*m*)(умирающий), *assistant*(оказывающий помощь) - *assistant (m)* (ассистент).

Реже образуются абстрактные понятия.

Подавляющее большинство причастий прошедшего времени, служащих основой для отглагольных субстантиватов, образуются от глаголов I группы и имеют соответственно окончания *-é [e]*.

Результаты исследований показали, что причастия прошедшего времени образуют в основном существительные, обозначающие лицо: *gâtée (f)* (избалованная), *transplanté (m)*(пациент), которому был пересажен орган или ткань). Намного реже образуются существительные, обозначающие предметы *précipité (m)*(осадок), *retombée (f)*(выпадения), а также существительные с абстрактным значением *présupposé (m)*(предпосылка).

Существительные, образованные от причастия прошедшего времени немногочисленны *amorti [m]*[амортизация удара].

Существительные, образованные путем отсечения окончания инфинитива. Этим способом образуются в основном абстрактные понятия: *dégraine* (клевета), *glisse (f)*(качество скольжения лыж). В меньшей степени представлены существительные, обозначающие лицо: *gonfle* (вульгарный человек), и предметы: *gratte* (гитара). Для этого способа характерно образование существительных женского рода, даже если они реально обозначают лиц обоего пола, а существительные мужского рода практически не образуются.

Итак, во французском языке отглагольные субстантиваты образуются от инфинитива исходного глагола, причастий настоящего и прошедшего времен и путем отсечения окончания инфинитива.

Выводы ко второй главе

Анализ показал, что для субстантивации глаголов в таджикском, русском и французском языках существуют различные возможности.

Различные формы причастия и глагольных основ таджикского языка в трех временных отношениях могут принимать грамматические категории

существительного и обозначать существительное, которых чаще можно определить в контексте, но и роль суффиксов немаловажна, так как большое количество отглагольных субстантиватов образованы суффиксальным способом. Способность переходить в категорию существительных у основы настоящего времени больше чем, у основы прошедшего времени.

Во французском языке отглагольные субстантиваты образуются от инфинитива исходного глагола, причастий настоящего и прошедшего времени, а также путем отсечения окончания инфинитива.

На современном этапе развития французского языка инфинитив не переходит в существительные, но причастия настоящего времени дают наибольшее количество отглагольных субстантиватов.

В русском языке субстантиваты чаще образуется при помощи суффиксов или же не только путем усечения основы инфинитива, но и употреблением причастий в значении субстантиватов.

Слова, перешедшие в разряд существительных во всех трех языках, получая дополнительные значения, меняют и свою синтаксическую парадигму.

Глава III. Сопоставительно-типологический анализ отглагольных субстантивов, образованных суффиксальным способом и по конверсии, в таджикском, русском и французском языках

3. 1. Сопоставительно-типологический анализ отглагольных субстантивов таджикского, русского и французском языков

Сопоставительный (контрастивный) метод в плане синхронного изучения предполагает сопоставление разноструктурных языков с целью выявления сходств и различий между ними.

Как отмечает В.Д. Аракин, задаче типологического исследования является «отыскание наиболее общих тождественных признаков», характеризующих данное явление [Аракин 2005: 58].

Сопоставительно-типологический метод отличается от синхронно-сопоставительного более широким спектром действия, так как он преследует более широкие цели: «выявление суммы сходных и различных черт, характеризующих их системы» [Аракин 2005: 59].

Как известно, очень трудно установить факторы, способствующие субстантивации. По П.А. Соболевой, это связано со значением глаголов [Соболева 1961:13].

Наибольшую способность к образованию существительных проявляют глаголы, означающие действия людей и предметов.

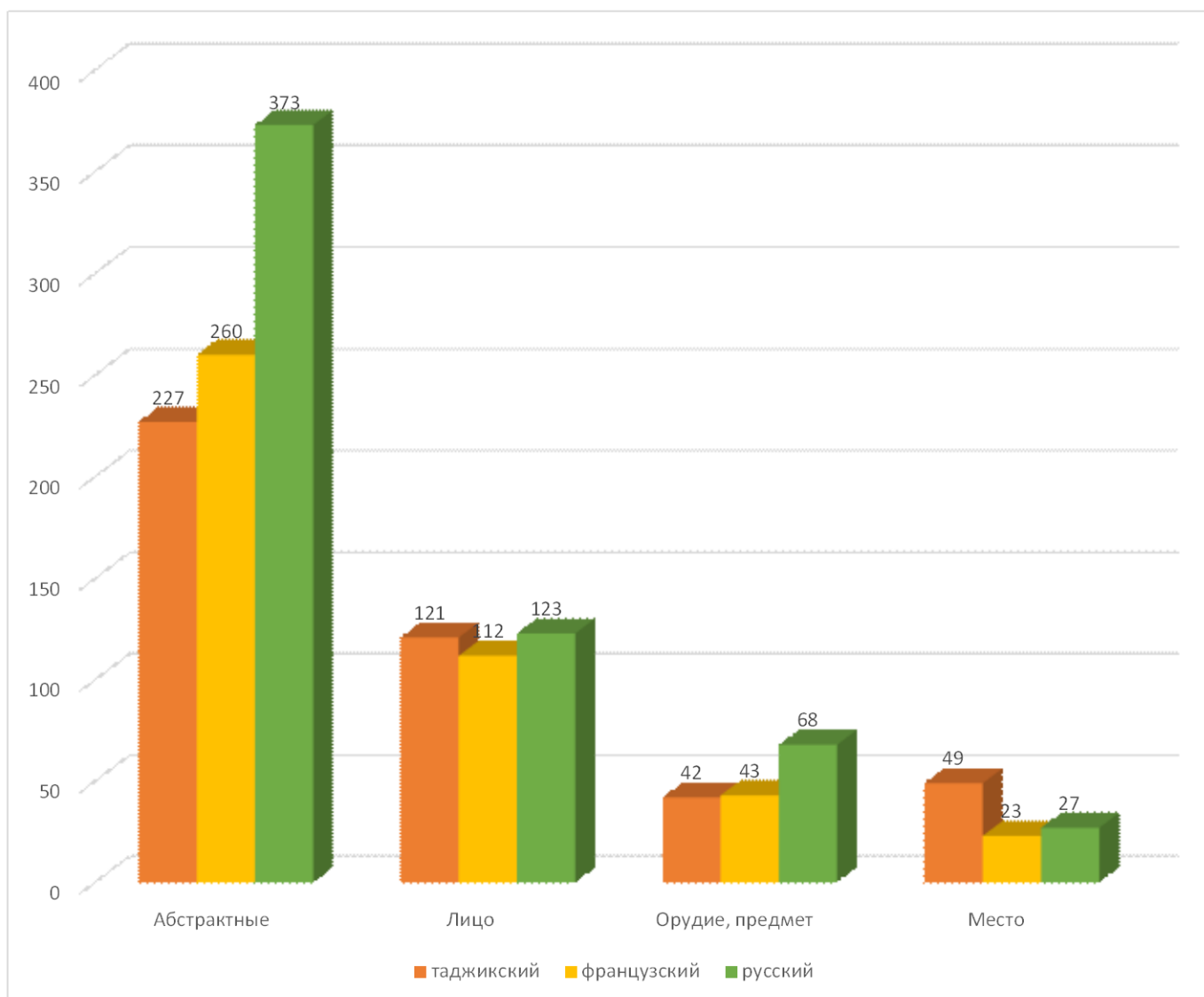
В данной работе методом сплошной выборки из Толкового словаря таджикского языка [Фарҳанги тафсирии забони тоҷики, 2008], нами было выявлено 439 лексических единиц, из Толкового словаря французского языка [LeRobert1994] – 438 единиц и из Толкового словаря русского языка, 2008] – 591 единица отглагольных субстантивов.

Анализ языкового материала позволил выделить следующие группы глаголов, от которых с помощью суффиксального и бессуффиксального способа производятся существительные в трех языках:

1. Глаголы состояния, действия и движения;
2. Глаголы, образующие наименования лиц и животных;
3. Глаголы, образующие предмет, орудие действия;
4. Глаголы, образующие место действия.

Во всех трех языках наиболее продуктивными оказались существительные, образованные от глаголов действия, состояния и движения.

Диаграмма № I. Показатель частотности отглагольных субстантиватов русского, таджикского и французского языков

Как видно из диаграммы № 1, в таджикском языке отглагольные субстантиваты составили 51,71% от общего количества лексем. Затем - со значением «лицо-производитель действия» – 27,57%, «место действия» – 11,17% и «орудие (предмет) действия» – 9,58%.

Во французском языке также продуктивным оказались лексемы, образованные от глаголов действия, состояния, движения, процентное соотношение которых составило 59,36%, на втором месте – отглагольные субстантиваты со значением «лицо-производитель действия» – 25,57%, «орудие (предмет) действия» – 9,82% и «место действия» – 5,26% соответственно.

В русском языке также как и во французском и таджикском языках наибольшее количество отглагольных субстантиватов было выявлено у единиц, образованные от глаголов движения, состояния и действия, процентное соотношение которых составило 63,12%, за ними - субстантиваты со значением «лицо-производитель действия» – 20,82%, орудие и предмет действия – 11,51% и место действия – 4,57%.

Таким образом, во всех трех языках имена существительные, образованные от глаголов, по частотности типологических групп практически совпадают. В отличие от французского и русского, в таджикском языке, отглагольные субстантиваты, обозначающие место действия, имеют больший процентный показатель.

Субстантиваты, образованные от глаголов как путем конверсии, так и суффиксальным способом, обозначают:

1. Отвлеченные значения: результат действия, название действия, состояние: *духтан* «шить» – *дузандагӣ* «шитье», *давидан* «бегать» - *дав* «бег», *харидан* «купить» – *харид* «покупки» (тадж); *отказать* – *отказ*, *реализовать* – *реализация*, *советовать* – *совет*, *совещание* (рус.), *aperçu* «увиденный, обнаруженный» - *aperçu[m]* «обзор, краткое изложение»;

coucher «укладывать» - *couche[f]* «слой, пласт», *accepter* (соглашаться) – *acceptation* (согласие) (франц.)

2. Лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом, выраженным глагольной основой с суффиксом или без, либо причастием: *фурӯшанда* «продающий» – *фурӯшанда* «продавец», *банд* – «связанный» + *a* – *банда* «раб», *бинанда* «видящий» - *бинанда* (зритель); *воз+чик* – *возчик*, *смотритель*; *заведующий*, *guider* «управлять» – *guide* «руководитель», *assiste* – ассистент.

3. Неодушевленный предмет (орудие, машина, устройство, приспособление); *бофта* – «связанный» – *бофта* «вид материи»; *pincer* «щипать» – *pince* «щипцы»; *рыхлитель*, *зрелка*.

4. Место действия: *aborder* «подойти» - *abord[m]* «подступ»; *aller* «идти» - *allée[f]* «аллея»; *arriver* «приходить» - *arrivée[f]* «место прибытия»; *гузар* «переходи» - *гузар* «перекресток», *баромад* – «вышедший» + *гох* «выход»; *купальня*, *читальня*.

Таблица №1. Сравнительный анализ частотности значений отглагольных субстантиватов таджикского, русского и французского языков

№	Значения отглагольных субстантиватов	Русский	Таджикский	Французский
1.	Отвлеченные значения	373	227	260
2.	Лицо-производитель действия	123	121	112
3.	Место действия	27	49	23
4.	Орудие-предмет действия	68	42	43
5.	Итого	591	439	438

Как видно из таблицы №1, основное количество отглагольных субстантиватов таджикского языка составили лексические единицы со значением действия, состояния и результата действия (51,71%). На втором месте оказались отглагольные субстантиваты со значением «лицо-

производитель действия» - 27,57 %, на третьем – со значением «место действия» - 11,17%. Наиболее малочисленными оказались отглагольные субстантиваты со значением «предмет (орудие) действия» - (9,57%).

Таким образом, во всех трех языках было выявлено преобладание отглагольных субстантиватов со значением действия, состояния и результата действия: во французском языке - 59,36%, в русском – 63,12%. В отличие от таджикского языка во французском и русском языках в большей степени представлены лексемы со значением «предмет (орудие) действия»: 11,51% и 9,82% соответственно. Продуктивность отглагольных субстантиватов лица примерно одинакова (25,57% - во французском языке, 27,57% - в таджикском и 20,82% - в русском). В таджикском языке в отличие от русского и французского языков наиболее продуктивным оказалась группа со значением места действия (11,17%, 4,57%, 5,26% соответственно).

Как было отмечено выше, в качестве словообразовательной базы отглагольных субстантиватов выступают глагольные основы и формы, которые относятся к основным группам действия, движения, коммуникации состояния. Рассмотрим, какие значения отглагольных существительных они производят.

1. Отглагольные субстантиваты, образованные от глаголов действия. В эту группу входят отглагольные субстантиваты, которые характеризуются следующими словообразовательными значениями:

- «название действия» *visiter*[посещать] - *visite*[f] посещение; посещать – посещение, даромадан – даромад;

- «объект действия»: *boire*[пить] – *unboire*[питьё], пить – питье, хурдан – хурок;

- «лицо по действию»: *combattant*[воюющий] – *uncombattant*[воин], заведующий [причастие] – заведующий [существительное], нависанда [пишущий] – нависанда [писатель].

1. Отглагольные субстантиваты, образованные от глаголов движения. Эту группу образуют отглагольные субстантиваты, которые характеризуются следующими словообразовательными значениями «название действия»: *danser*[танцевать] - *danse*[f][танец], *arrivé* [пришедший – *une arrivée* [приход], работать – работа, баромадан – баромад;
- «места действия»: *marcher*[ходить] – *unemarche*[шаг], учить – училище, гузаштан – гузар,
- «лицо по действию» *déplacer*[переселять] – *déplacé*, -e [m,f][вынужденный переселенец], управляющий, фурушанда [продающий] – фурушанда [продавец].

2. Отглагольные субстантиваты, образованные от глаголов состояния. В эту группу входят отглагольные существительные, для которых типично словообразовательное значение

- «состояния»: *compter* «считать, рассчитывать» - *uncompte* «счет, расчет»,
- «объект действия»: *avoir* «иметь, владеть» - *unavoir* «имущество»,
- «лицо по действию»: *séjournant* «пребывающий, живущий где-то» - *unséjournant* «курортник».

Таким образом, каждая лексико-семантическая группа производящих глаголов имеет словообразовательное значение названия того или иного действия, значение «лицо по действию». Глаголы действия и движения производят отглагольные субстантиваты со значением «место действия», со значением «орудие действия» - от глаголов действия и коммуникации.

3.2. Сопоставительно-типологический анализ отглагольных субстантиватов, образованных суффиксальным способом и по конверсии, в таджикском, русском и французском языках

Одним из основных способов словообразования, как в русском, так и в таджикском и французском языках, является суффиксальное словопроизводство, особенности развития которого традиционно интересовали лингвистов в разные временные промежутки. Анализ языковых памятников позволяет выявить определенные тенденции в развитии русской суффиксации, сделать выводы о функционировании и продуктивности различных суффиксальных морфем. Вопросы изучения суффиксального способа словообразования в истории языка рассмотрены в работе «Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века. Изменения в словообразовании и в формах существительного и прилагательного», в которой было предпринято исследование словообразовательной системы XIX века с опорой на знания о ее состоянии в разные исторические периоды. По мнению авторов книги, подобный опыт изучения истории образования новых единиц за относительно короткий промежуток времени (период существования языка) «представляет большие трудности, так как за это время не происходит значительных «материальных» изменений. Хотя происходят менее заметные, но значительные и весьма существенные изменения иного характера, которые можно заметить, лишь рассматривая словообразование как систему взаимообусловленных и взаимосвязанных строевых средств и моделей. С этих позиций необходимо исследование истории словообразования XXI века, прежде всего субстантивной суффиксации. В XX веке учеными неоднократно рассматривались вопросы суффиксального способа словообразования в русском языке, однако основные работы посвящены проблемам языка середины столетия.

Особую роль в образовании существительных играют суффиксы, роль которых определяется в процессе образования нового слова и классифицируются согласно этим критериям. Во время определения роли аффикса учитывается как его оморфемность, так и от какой части речи

образовано то или иное слово. После этого, проясняются их различия, так, например, некоторые суффиксы образуют слова только от существительного, другие же от прилагательного, а третьи - от глагола или же числительного. Необходимо отметить, что существуют суффиксы, образующие слова от разных частей речи, и это не может не оказать влияния на семантику нового слова. Суффиксы, образующие существительные во всех сопоставляемых языках, многочисленны и выполняют разную роль, каждый суффикс имеет свое особое место и значение (см. табл.№ 2).

Таблица № 2. Продуктивность суффиксов, образующих отглагольные субстантиваты с абстрактным значением

Русский язык		Таджикский язык		Французский язык	
-ние	217	-иш	58	-ation	83
-ка	41	-й	21	-age	40
-ация	10	-гй	23	-ement	60
-аж	5	-ор	6	-ail	7
-[e]ство	12	-а	17	-ure	17
-ок	8	Ø	91	-oir	32
-ба	10			-ade	8
Ø	35			Ø	38
Остальные	35		11		-

Как видно из таблицы, в русских лексемах с абстрактным значением (373 единицы от общего количества лексем) наиболее продуктивными суффиксами, образующими отглагольные субстантиваты, оказались следующие: *-ние* (217 лексем), *-ка* (41 лексема), *-ация* (10 лексем), *-аж* (5 лексем), *-[e]ство* (12 лексем), *-ок* (8 единиц), *-ба* (10 единиц), конверсионный, т.е. бессуффиксальный, способ также оказался весьма продуктивным (35 единиц).

Во французских лексемах наибольшее количество отглагольных субстантиватов с абстрактным значением образуют следующие суффиксы: *-age* (40 лексических единиц), *-ation* (83 лексических единиц), *-ade* (8 лексических единиц), *-ail* (7 лексических единиц), *-aïson* (7 лексических единиц), *-ure* (17 лексических единиц), *-ement* (60 лексических единиц) и 38 лексических единиц по способу конверсии.

В таджикских отглагольных субстантиватах с абстрактным значением (121 единица) большой производительностью отличались суффиксы *-иш* (58 единиц), *-ӣ* (21 единица), *-гӣ* (23 единицы), *-ор* (6 единиц), *-а* (17 лексем) и 88 лексем, образованных по способу конверсии.

Таблица № 3. Продуктивность суффиксов, образующих отглагольные субстантиваты со значением «лица-производитель действия»

Русский язык		Таджикский язык		Французский язык	
-ец	21	-гор	25	-eur	81
-тель	48	-ор	4	-ard	4
-щик	19	Ø	83	-taire	2
-ник	10			Ø	19
-ун	8	-			
-ок	6	-			
-атор	7				
-арь	4				
Ø	3				
Остальные	-		-		15
Итого	123		112		121

Анализ собранного материала показал, что в 123 лексических единицах русского языка со значением «лицо-производитель действия» наиболее продуктивными оказались следующие суффиксы: *-тель* (48 единиц), *-ец* (21 единица), *-щик* (19 лексем), *-ник* (10 лексем), *-ун* (8 единиц), *-ок* (6 единиц), -

атор (7 лексем), *-арь* (4 лексем). Конверсионный способ оказался не продуктивным - 3 лексические единицы.

Во французском языке было выявлено, что наибольшее количество отглагольных субстантиватов со значением лица образуют следующие суффиксы: *-eur* (81 лексема), *-ard* (4 лексем), *-taire* (2 лексем) и по способу конверсии - 19 лексем.

В таджикском языке в 121 лексеме со значением лица наибольшая производительность была обнаружена в отглагольных субстантиватах, образованных при помощи суффиксов *-гор* (25 лексем), *-ор* (4 лексем) и по способу конверсии – 88 единиц.

Таблица № 4. Продуктивность суффиксов, образующих существительные со значением «предмет-орудие действия»

Русский язык		Таджикский язык		Французский язык	
<i>-тель</i>	9	<i>-а</i>	16	<i>-oir</i>	12
<i>-ник</i>	9	<i>-ак</i>	4	<i>-oire</i>	10
<i>-атор</i>	5	<i>-ок</i>	4	<i>-ier</i>	5
<i>-лка</i>	8	Ø	16	<i>-iere</i>	2
<i>-ка</i>	13	-	-	<i>-eur</i>	8
Остальные	24	-	2	Ø	6

Как показал анализ языкового материала, в русских лексических единицах со значением «предмет (орудие) действия» (68 лексем от общего количества) были выявлены следующие суффиксы: *-тель* (9 лексем), *-ник* (9 лексем), *-щик* (2 лексем), *-чик* (3 лексем), *-ак* (3 лексем), *-ок* (4 лексем), *-атор* (5 лексем), *-лка* (8 лексем), *-ка* (13 лексем), *-ер* (4 лексем), *-ло* (4 лексем). Конверсионный способ оказался не продуктивным.

Во французском языке было выявлено, что наибольшее количество отглагольных субстантивов со значением «орудие (предмет) действия» образуются при помощи следующих суффиксов: *-oir* (12 единиц), *-oire* (10 единиц), *-ier* (5 лексем), *-iere* (2 лексем), *-eur* (8 единиц) и 6 отглагольных субстантиватов, образованных по способу конверсии.

В таджикском языке (121 лексема) со значением «предмет (орудие) действия» большая производительность наблюдалась в отглагольных субстантивах, образованных при помощи суффиксов *-а* (16 лексе), *-ак* (4 лексем), *-ок* (4 лексем) и 16 лексем, образованных по способу конверсии.

Таблица № 5. Продуктивность суффиксов, образующих существительные со значением «место действия»

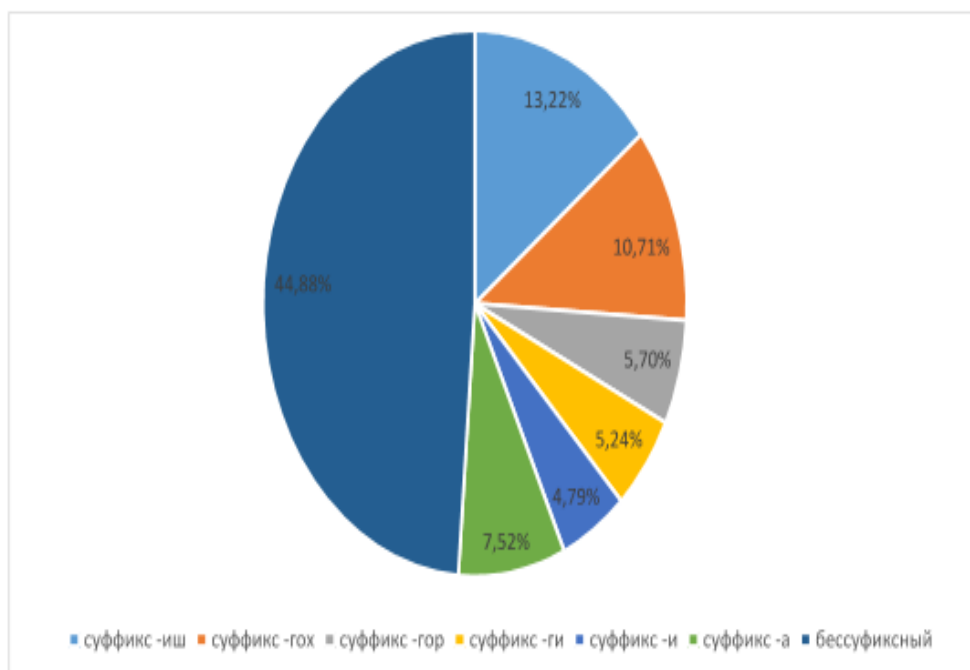
Русский язык		Таджикский язык		Французский язык	
<i>-льня</i>	7	<i>-зоҳ</i>	47	<i>-erie</i>	6
<i>-ище</i>	6	$\emptyset$	2	<i>-oir</i>	10
<i>-лка</i>	3			$\emptyset$	4
<i>-ье</i>	3				
остальные	7				

Как видно из данных таблицы № 5, наиболее продуктивными при образовании русских отглагольных субстантивов (27 лексем) со значением «место действия» оказались следующие суффиксы: *-льня* (7 лексем), *-ище* (5 лексем), *-лка* (3 лексем), *-ье* (3 лексем); конверсионный способ оказался малопродуктивным - 1 лексема.

Во французском языке наибольшее количество субстантивов со значением «место действия» образуют следующие суффиксы: *-erie* (6 лексем), *-oir* (10 лексем), 4 лексические единицы образованы по способу конверсии.

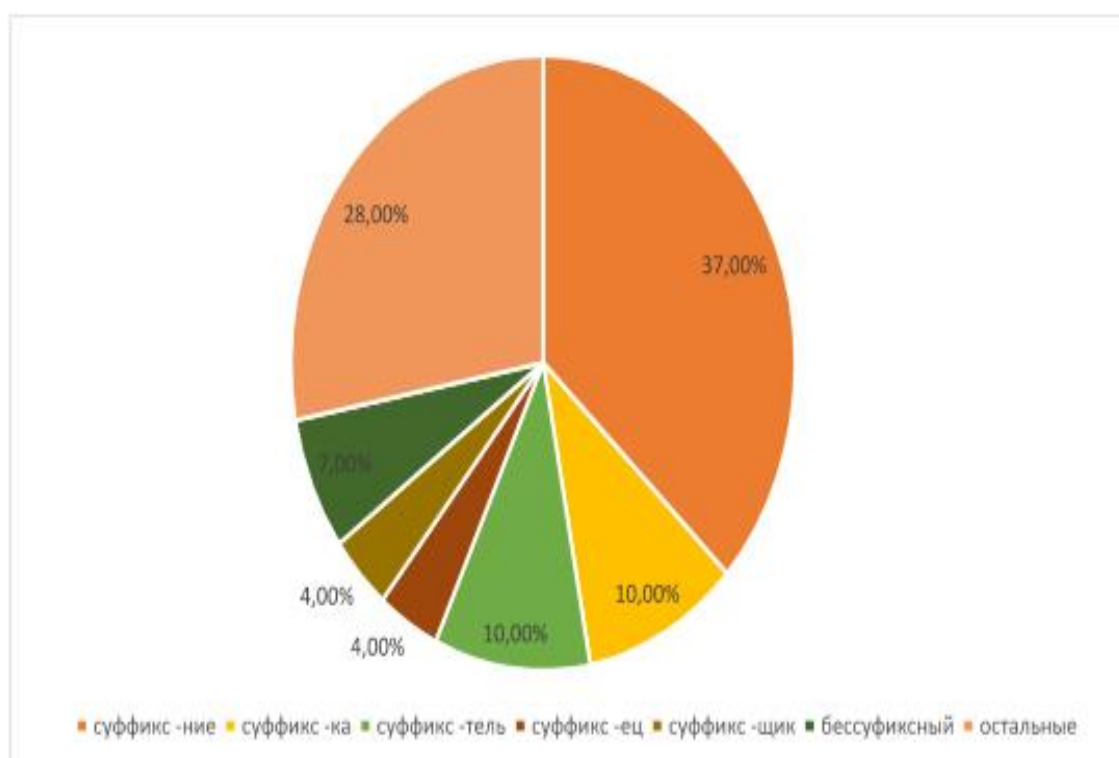
В таджикском языке при образовании отглагольных субстантивов (121 лексема) со значением «место действия» наибольшая производительность наблюдалась в суффиксах *-зоҳ* (47 лексем), 2 лексем образованы по способу конверсии.

Диаграмма № 2. Продуктивность суффиксов таджикского языка, образующих абстрактные субстантиваты

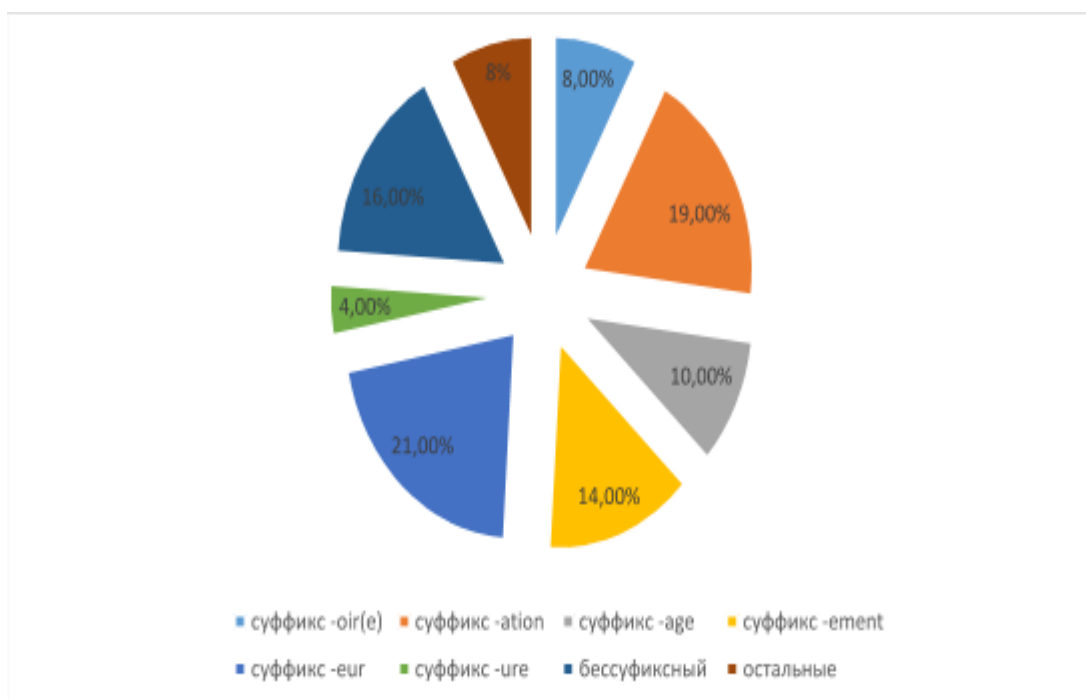
Как видно из диаграммы, к наиболее продуктивным суффиксам, образующим отглагольные субстантиваты в таджикском языке, относятся суффиксы *-иш* (58 лексических единиц), *-гоҳ* (47 единиц), *-гор* (25 лексем), *-гӣ* (23 лексем), *-ӣ* (21 лексема), *-а* (33 лексические единицы) от общего количества (439 единиц) и 197 лексем, образованных по способу конверсии.

Диаграмма №3. Процентный показатель частотности суффиксов в русском языке

Данные диаграммы № 3 свидетельствуют, что наиболее продуктивными в русском языке оказались суффиксы: *-ние* – 37% от общего числа лексем (217), *-тель* - 10% (57), *-ка* – 10% (54), *-щик* – 4% (21), *-ец* – 4% (21), бессуффиксальный способ – 7% (39), остальные – 28% (182).

Диаграмма № 4. Процентный показатель частотности суффиксов французского языка, образующих отглагольные субстантиваты

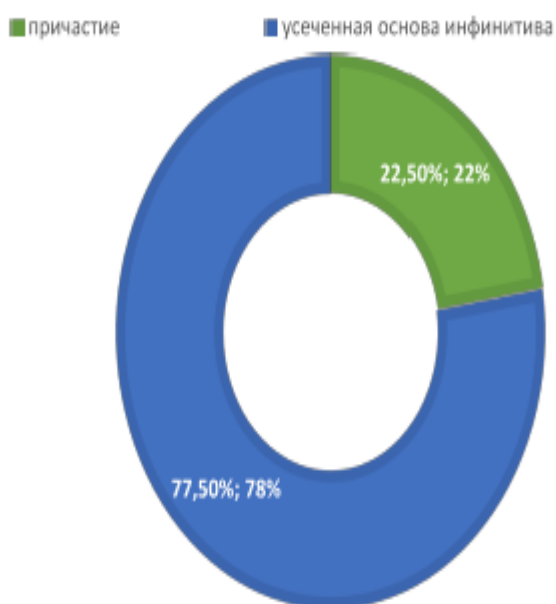
Образование субстантиватов в таджикском языке в отличие от русского и французского языков, имеет свои особенности: образование субстантиватов с помощью причастий будущего времени и вспомогательных глаголов *хаст* и *нест*; во французском и таджикском языках - активно участвуют причастия как прошедшего, так и настоящего времени. В русском языке отглагольные субстантиваты чаще образуются путем отсечения окончания инфинитива, реже - от причастий.

Анализ лексического материала показал, что в таджикском языке при конверсионном способе словообразования отглагольных субстантиватов наиболее продуктивными оказались причастия настоящего и прошедшего времени, основа настоящего и прошедшего времени глагола, в русском языке - усеченная инфинитивная основа и причастие настоящего времени, во

французском – причастие настоящего и прошедшего времени, усеченная основа инфинитива и сам инфинитив.

В процентном отношении субстантиваты можно представить следующим образом:

Диаграмма № 5. Процентный показатель отглагольных субстантиватов русского языка

В русском языке: от причастий настоящего времени – 22,5% от общего количества лексических единиц (9 лексем), от усеченной основы инфинитива 77,5% от общего количества лексических единиц (31 лексема).

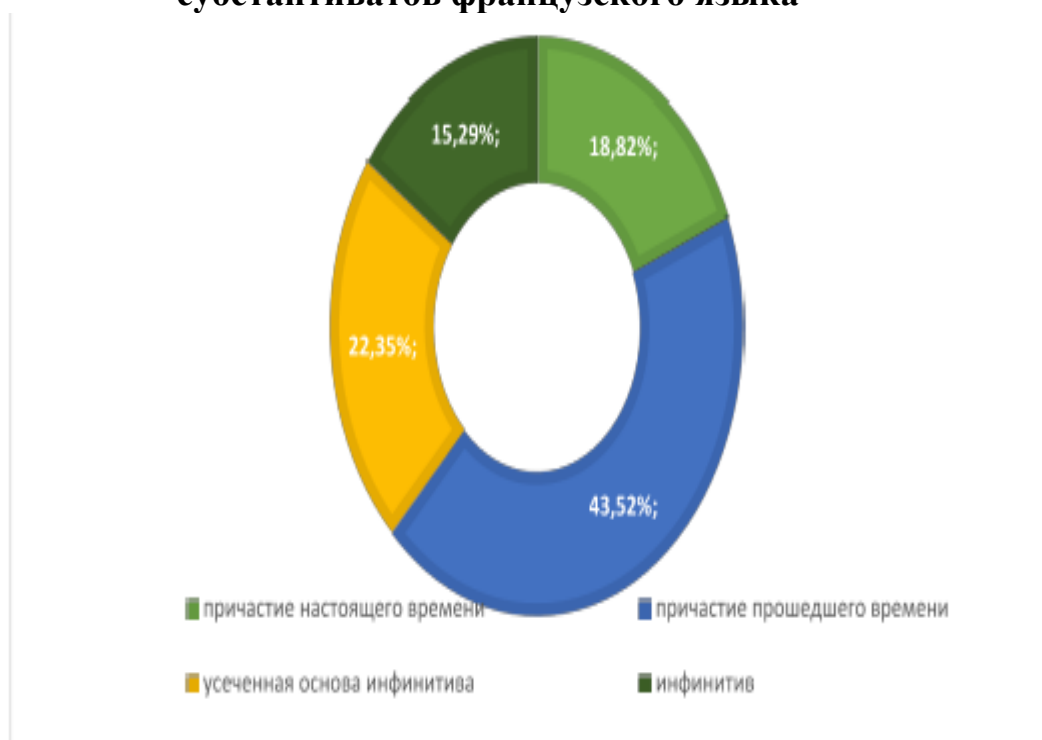
Диаграмма № 6. Процентный показатель отглагольных субстантиватов таджикского языка

В таджикском языке: от причастий настоящего времени - 37,86% от общего количества лексических единиц (78 лексем), от причастий прошедшего времени – 15,53% (32 лексем), от основы настоящего времени – 29,12% (60 лексем), от основы прошедшего времени – 17,47% (36 лексем).

Диаграмма № 7. Процентный показатель отглагольных субстантивов французского языка

Во французском языке: от причастий настоящего времени – 18,82% (16 лексем), от причастий прошедшего времени – 43,52% (37 лексем), от усеченной основы – 22,35% (19 лексем), от инфинитива – 15,29% (13 лексем).

В русском языке инфинитив не подвергается субстантивации, во французском же существует два-три десятка инфинитива, которые образуют отглагольные субстантиваты. Но на современном этапе этот вид непродуктивен и те, что существуют имеют глубокие корни.

В отличие от причастий субстантиваты с усеченной основой инфинитива в русском языке многочисленны, чем причастия, а вот в таджикском и французском языках субстантивированные причастия многочисленны.

В связи с тем, что усеченная основа инфинитива в таджикском языке совпадает с основой прошедшего времени, то разделить их не представляется возможным. Также не без интересным является то, что в таджикском языке в отличие от русского и французского языков, субстантивации подвергаются глагольная основа настоящего и прошедшего времени.

ВЫВОДЫ К ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Образование существительных путем присоединения суффиксов и конверсии глагольных форм занимают значительное место как в системе таджикского, русского так и в системе французского словообразования. Без их учета невозможно создание полной картины словопроизводства у существительных.

Большая часть отглагольных форм в русском языке образуются с помощью следующих суффиксов: *-ни[j]*, *-к[a]*, *-аци[j]*, *-ств[o]*, *-ни-е [-н-ье]*, *-ени-е*, *-аци-я [-яци-я]*, *-фикаци-я*, *-ств-о [-еств-о]*, *-ба*, *-ок*, а также путем отсечения окончания инфинитива, конверсии причастия.

Отглагольные субстантиваты в таджикском языке образуются путем присоединения к основе настоящего и прошедшего времени суффиксов *-or*, *-и*, *-а*, *-ги*, *-иш*, *-гор*, *-бони*, конверсии вспомогательных глаголов *нест*, *хаст* и причастных форм на *-анда/ -а*, от инфинитива с суффиксом *-и*.

Во французском языке отглагольные субстантиваты образуются при помощи суффиксов *-ade*, *-age*, *-ail*, *-aision*, *-ation*, *-ure*, *-ement*, *-eur*, *oir[e]*, а также от инфинитива исходного глагола, причастий настоящего и прошедшего времени и путем отсечения окончания инфинитива.

Все глагольные формы, перешедшие в разряд существительных, полностью принимают на себя парадигму имен существительных.

Отглагольные субстантиватов являются сложными образованиями по своей семантической структуре. Эти производные одновременно отражают семантические признаки исходного и результативного классов слов.

Во всех трех языках наиболее продуктивными оказались глаголы действия, движения, состояния.

Главными характеристиками словообразовательного типа в конверсионном словообразовании являются словообразовательное значение производных и лексическое значение производящих слов.

Преобладающим типом словообразовательных значений отглагольных субстантиватов в исследуемых языках является «название действия». В равной степени представлены словообразовательные значения «лицо по действию», «объект и место действия», значение «инструмент действия» оказалось малочисленным.

В русском языке, так же как и во французском и таджикском языках, наибольшее количество лексем, составили отглагольные субстантиваты, образованные от глаголов движения, состояния и действия - 64,31%, на втором месте - отглагольные субстантиваты со значением «лицо-производитель действия» – 21,21%, затем - «орудие и предмет действия» – 11,72% и «место действия» – 2,76%.

В таджикском языке было отмечено 51,7% отглагольных субстантивов от общего количества лексем. Затем лексические единицы со значением «лицо-производитель действия» – 27,56%, «место действия» – 11,16% и «орудие или предмет действия» – 9,58%.

Во французском языке также продуктивными оказались отглагольные субстантивы, образованные от глаголов действия, состояния, движения - 60,32%, затем - «лицо-производитель действия» – 24,59%, «орудие и предмет действия» – 9,98% и «место действия» – 5,104%.

Таким образом, было выяснено, что во всех трех языках совпадают отглагольные субстантивы, образованные от глаголов. Но в таджикском языке, в отличие от русского и французского языков, была отмечена наибольшая продуктивность отглагольных субстантивов, обозначающих «орудие и предмет действия».

Также анализ собранного материала показал, что многочисленную группу составляют отглагольные субстантивы, образованные суффиксальным способом. В силу флективного характера русского языка здесь наблюдается наибольшая продуктивность словообразовательных суффиксов.

Конверсионный способ более распространен в таджикском языке (около 45%), тогда как в русском языке этот способ составляет 7%, во французском - 16% от общего количества собранного материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наличие у большинства лексических единиц современного языка целого комплекса лексико-семантических вариантов представляет определенные трудности при исследовании их словообразовательного значения. Под словообразовательным значением понимается общая для целого ряда производных слов семантическая реляция их структурных компонентов, которая основана на корреляции данных производных и соответствующих производящих. Изучение словообразовательного значения позволяет выявить комплексный характер семантики мотивированных лексических единиц языка.

В первой главе рассматриваются методологические аспекты исследования субстантивации в таджикском, русском и французском языках, различные точки зрения ученых не только отечественной, но и зарубежных школ. Несмотря на многочисленные определения субстантивации, лингвисты едины во мнении о сущности данного языкового явления.

В работе отмечается, что во всех рассматриваемых языках в отличие от других путей (изменение семантики, заимствования) словообразование является наиболее продуктивным способом пополнения лексического состава языка. Проводится обзор различных взглядов русских (В. Г. Гак, Е. А. Кубрякова, А. И. Смирницкий и др.), таджикских (Ш. Рустамов, Ш. Мухаммадиев С. Сиёев) и французских (Ш. Балли, Д. Корбен, Л. Теньер и др.) лингвистов, рассматривавших вопрос перехода различных частей речи в разряд существительных. Выяснилось, что одно и то же языковое явление ученые разных стран называют по-разному: транспозиция, трансляция, конверсия, субстантивация.

В ходе исследования потребовалось разграничить понятия «субстантивация» и «конверсия», основное различие которых кроется во времени протекания словообразовательных процессов, между

диахроническими преобразованиями в слове (субстантивация) и единовременным синхронным актом создания нового слова (конверсия).

В диссертации используется понятие «субстантивации», т.е. переход одной части речи в другую без изменения основной формы исходного слова путем приобретения новых синтаксических функций и сочетаемости, а также путем присоединения суффиксов к основе глагола.

В Главе II «Структурно-семантические особенности отглагольных субстантиватов таджикского, русского и французского языков» рассматриваются отглагольные субстантиваты, представляющие собой особую семантическую категорию. Сюда входят слова, посредством которых понятие действия, заключенное в глаголе, может передаваться именем, то есть в «опредмеченном» виде.

В данной части работы рассмотрены структурно-семантические особенности отглагольных субстантиватов, образованных при помощи словообразовательных суффиксов, имеющих различные значения (лица, предмета, орудие действия, акт действия), а также - по способу конверсии. Отмечается, что отглагольные субстантиваты, отражая одно и то же оригинальное значение глагола, могут указывать на его отдельный характер или черту, обозначают деятеля, процесс и результат действия, место действия и орудие (предмет) действия т.д.

Рассмотрев структурно-семантические особенности данной категории существительных, мы пришли к следующим выводам:

- во всех трех рассматриваемых языках наблюдается переход в категорию имен глаголов, которые помимо своей основной функции также могут выступать и в роли существительных;
- в таджикском языке очень часто субстантивируются основа глагола, неопределенная форма глагола (инфинитив), причастие и деепричастие;
- в таджикском языке было выявлено небольшое количество полностью субстантивированных глаголов;

- во всех трех языках большую роль играют суффиксы, так как большинство отглагольных субстантиватов образуются суффиксальным способом;

- в русском языке наблюдается немало случаев параллельного синонимического образования отглагольных субстантиватов, обозначающих конкретный производственный процесс и употребляющихся чаще в терминологической лексике;

- в русском языке, также как и в таджикском и французском, образуются слова, имеющие подчас различные значения или оттенки значений, отражающие исторический процесс словообразования и формирования новых смысловых значений слов;

- важной чертой французского словообразования является наличие во многих словообразовательных гнездах четырех форм основ, образовавшихся в результате внутренней фонетической эволюции французского языка и заимствований из латыни.

В третьей главе проведен сопоставительно-типологический анализ отглагольных субстантиватов таджикского, русского и французского языков, образованных суффиксальным способом и по конверсии. Методом сплошной выборки из различных словарей было выявлено 1468 единиц отглагольных субстантиватов: 591 единица русских лексем, 439 единиц таджикских и 438 лексем французского языка, которые были распределены на 4 типологические группы:

1. Абстрактные отглагольные субстантиваты, т.е. слова, называющие отвлеченные понятия, свойства, качества, действия и состояния.

2. Отглагольные субстантиваты со значением «лицо-производитель действия».

3. Отглагольные субстантиваты со значением «предмет и орудие действия».

4. Отглагольные субстантиваты со значением «место действия».

Анализ лексического материала позволил выявить преобладание абстрактных субстантивов, называющих отвлеченные понятия, действия и состояния (51,71% в таджикском языке, 63,12% в русском и 59,36% во французском языке). Большая представленность отглагольных субстантивов со значением «предмет и орудие действия» наблюдалась во французском и русском языках - 11,51% и 9,82% соответственно. Продуктивность отглагольных субстантивов со значением «лицо-производитель действия» оказалась почти одинаковой: 25,57% - во французском, 27,57% - в таджикском и 20,82% - в русском языках. В таджикском языке по сравнению с русским и французским наиболее продуктивными оказались отглагольные субстантиваты со значением «место действия» - 11,17%; 4,57% и 5,26% соответственно.

Таким образом, во всех трех языках наблюдалась почти одинаковая частотность имен существительных, образованных от глаголов, с той лишь разницей, что в таджикском языке по сравнению с французским и русским, больший процентный показатель был обнаружен у отглагольных субстантиватов со значением «место действия».

В данной части исследования также рассматривается продуктивность суффиксов, образующих различные отглагольные субстантиваты в русском, таджикском и французском языках, динамика роста которых приведена в таблицах и диаграммах.

Не подлежит сомнению тот факт, что именно сравнение различных языков, в частности, таджикского, русского и французского, может привести к плодотворным результатам, и будет способствовать дальнейшей разработке сопоставительного словообразования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абдуллоев Р. К вопросу о словообразовании глаголов движения в таджикском языке [Текст] / Р. К. Абдуллоев. // Вестник Ленинградского университета. Серия: история, язык, литература. Вып. 2. 1974, № 8, с. 137-139.
2. Амонова Ф. Именное аффиксальное словообразование в современном таджикском языке [В сопоставление с персидским] [Текст] / Ф. Амонова. АКД. - Душанбе, 1979. - 115 с.
3. Амосова Н.Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка [Текст] / Н.Н. Амосова. - М., 1956.
4. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков [Текст]: Учеб. пособие. / В. Д. Аракин. – Изд. 3. - М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 232 с.
5. Арзуманов С. Д., Сангинов А. Таджикский язык [Текст] / С. Д. Арзуманов, А. Сангинов. – Душанбе: Маориф, 1988, 416 с.
6. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М., Советская энциклопедия, 1966.
7. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения [Текст] /В. В. Бабайцева // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. - М, 1988. - С.5.
8. Бахор, Малик –уш-шуаро. Стилистика (Сабкшиноси) [Текст]/ М. Бахор. –Душанбе: Бухоро,2012. – 569 с.
9. Бардина Т.К. Проблема лексико-грамматической переходности частей речи в современном русском языке [Текст]: Дис. канд. филол. наук / Т. К. Бардина. — Волгоград, 2003. - 194 с.
10. Барзилович А.М. Субстантивация прилагательных в русском языке [Текст]: Автореф. дис. . канд. филол. наук / А. М. Барзилович. — Киев, 1952. — 27 с.

- 11.Бахор, Малик –уш-шуаро. Стилистика (Сабкшиноси) [Текст]/ М. Бахор. –Душанбе: Бухоро,2012. – 569 с.
- 12.Барзилович А. М. Субстантивация прилагательных в русском и украинском языках [Текст] / А. М. Барзилович // Филологический сборник. — 1954. — № 6. С. 263-273.
- 13.Бахор, Малик –уш-шуаро. Стилистика (Сабкшиноси) [Текст]/ М. Бахор. –Душанбе: Бухоро,2012. – 569 с.
- 14.Барзилович А. М. Пути образования существительных прилагательного склонения в русском языке [Текст] / А. М. Барзилович // Вестник Киевского ун-та. Киев, 1961. — № 3. -С. 63-70.
- 15.Бахор, Малик –уш-шуаро. Стилистика (Сабкшиноси) [Текст]/ М. Бахор. –Душанбе: Бухоро,2012. – 569 с.
- 16.Барзилович А. М. Типы субстантивированных прилагательных в русском языке [Текст] / А. М. Барзилович // Вестник Киевского ун-та. Киев, 1962. - № 5. - С. 62-67.
- 17.Богданов С.И., Смирнов Ю.Б. Переходность в системе частей речи. Субстантивация [Текст]: Учеб. Пособие / С. И. Богданов. - СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2004. -58 с.
- 18.Большой русско-французский словарь [Текст] / Л. В. Щерба, М. И. Матусевич, С. А. Никитина и др. – 5-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – XIV, 560 с.
- 19.Бортэ Л.В. Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке [Текст] / Л. В. Бортэ. - Кишинёв, 1977. - 108 с.
- 20.Бурлак С.А. Сравнительно-историческое языкознание [Текст]: Учебник для студ. высш. учеб. заведений / С.А.Бурлак, С.А.Старостин. — М.: Издательский центр «Академия», 2005. — 432 с.
- 21.Бахор, Малик –уш-шуаро. Стилистика (Сабкшиноси) [Текст]/ М. Бахор. –Душанбе: Бухоро,2012. – 569 с.

- 22.Бахор, Малик –уш-шуаро. Стилистика (Сабкшиноси) [Текст]/ М. Бахор. –Душанбе: Бухоро,2012. – 569 с.
- 23.Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф. И. Буслаев. - М.: Наука, 1959. - 233 с.
- 24.Бахор, Малик –уш-шуаро. Стилистика (Сабкшиноси) [Текст]/ М. Бахор. –Душанбе: Бухоро,2012. – 569 с.
- 25.Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис [Текст] / Ф. И. Буслаев. — М.: Изд. Бр. Салаевых, 1875. 382 с.
- 26.Бахор, Малик –уш-шуаро. Стилистика (Сабкшиноси) [Текст]/ М. Бахор. –Душанбе: Бухоро,2012. – 569 с.
27. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка [Текст] / Ф. И. Буслаев. - М.: Наука, 1959.-233 с.
- 28.Бахор, Малик –уш-шуаро. Стилистика (Сабкшиноси) [Текст]/ М. Бахор. –Душанбе: Бухоро,2012. – 569 с.
- 29.Виноградов В.А. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] / В. А. Виноградов. -М.: Сов. Энциклопедия, 1990.- 685 с.
- 30.Виноградов В.В. Исследования по исторической грамматике и лексикологии [Текст] / В. В. Виноградов. М, 1990. - 238 с.
- 31.Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) [Текст] / В. В. Виноградов. — М.: Русский язык, 4-е изд., 2001. — 720 с.
- 32.Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русского технического терминологии [Текст] / Г. О. Винокур. - М.: 1999.
- 33.Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка [Текст] / И. В. Высоцкая: Дис. . д-ра филол. наук. — Москва, 2006. 452 с.
- 34.Гайнутдинова А. Ф. Частеречная транспозиция [субстантивация] в татарском языке в сопоставлении с русским языком: автореф. дис. канд. филол. наук [Текст] / А. Ф. Гайнутдинова. - Казань, 2011. – 28с.

35. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст] / В.Г. Гак. - М.: Добросвет, 2000. - 832 с.
36. Гак В.Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. - М., 1998. - 763 с.
37. Гак В. Г. Французская орфография [Текст] / В. Г. Гак. – 2-е изд. – М.: Добросвет, 2005. – 281 с.
38. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В. Г. Гак. - Учеб.пособие. – Л.: Просвещение, 1976. – 286 с.
39. Гируцкий А. А. Введение в языкознание [Текст]: Учеб. пособие / А.А. Гируцкий. - 2-ое изд., стер. - Мн.: «ТетраСистемс», 2003. - 288 с.
40. Голами, Х. Русский и персидский языки: культурное и языковое взаимодействие и взаимовлияние [Текст] / Хосейн Голами, Хамидреза Даду// Pazuhash-eZabanha-yeKhareji, - No. 47, Special Issue, Russian, Winter 2009, pp. 79-92.
41. Грамматикаи забони ҳозираи адабии тоҷик. Чилди 1. Фонетика ва морфология. [Текст] Зери таҳрири Ғаффоров Р. ва Рустамов Ш.- Душанбе: Дониш 1985, 358 с.
42. Греч Н. Практическая русская грамматика [Текст] / Н. Греч. — СПб. 1834. — 526 с.
43. Давлатов О. Омограф шудани исм бо феъл [Текст] // Мактаби советӣ. 1981, №11, с.15-18.
44. Давлатов О. Омоморфемаи – о [Текст] // Мактаби советӣ. 1984. № 8, с.18- 20.
45. Давлатов О. Омографҳои лексикӣ [Текст] // Мактаби советӣ. 1985, №3, с. 23-27.
46. Давлатова М. Сермаҳои феълҳои сода дар «Зайнулахбор» - Гардези. [Текст] // Мальмуи илми. Баъзе масъалаҳои забоншиносии тоҷик. – Душанбе: Ирфон, 1964, с. 139-146.

47. Давлатова М. Глагольная лексика и глагольное словообразование в «Зайнулахбор» Гардези [Текст]. // Серия. Проблемы таджикской лингвистики. Душанбе – 1967. стр 125-136
48. Додихудоев Р.Х., Герсенберг Л.Г. Таърихи забони тољикӣ [Текст] / Р. Х. Додихудоев. – Душанбе: Маориф, 1988, 216 с.
49. Джаматов С. С. Структурно-семантический анализ ирригационной терминологии таджикского и английского языков в сопоставительном плане: дис.канд. филол.наук [Текст] / С. С. Джаматов. - Душанбе, 2006. - 140 с.
50. Джамшедов П. Проблемы глагольной типологии (время и вид) [Текст] / П. Джамшедов. - Душанбе: Дониш, 1984,- 158с.
51. Джураев Г. Система диалектной лексики таджикского языка:/на материале южных говоров/: Автореф. дис. д-ра филол. наук [Текст] / Г. Джураев. - Душанбе, 1992. – 30с.
52. Доконова О.М. Субстантивация прилагательных и причастий в древнерусском языке [Текст]: Автореф. дис. . канд. филол.наук / О. М. Доконова, 1953. —23 с.
53. Доконова О.М. Синонимия субстантивированных прилагательных и однокоренных суффиксальных существительных [Текст] / О. М. Доконова // Ученые записки МОПИ. -Том 148. Вып. 10. - М.: Русский язык, 1964. - С. 89-96.
54. Дьячук И.В. Проблема транспозиции на уровне частей речи [Текст] // Развитие частей речи в истории русского языка: Межвуз. сб. науч. тр. — Рига: Изд-во ЛатвГУ, 1988. С. 42-46.
55. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц : [В 2 т.] [Текст] / Т. Ф. Ефремова. — М.: Рус. яз., 2000. — 1346 с.

56. Жлуктенко Ю.А. Конверсия в современном английском языке как морфология-синтаксический способ словообразования [Текст] / Ю. А. Жлуктенко. – Вопросы языкознания. – М., 1958, стр. 55.
57. Забони адабии ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Лексикология. Фонетика и морфология [Текст]. Китоби дарси барои факултаҳои филологии мактабҳои оли. – Душанбе: Маориф, 1973. – 464 с.
58. Загоруйко А.Я. Конверсия- морфолого-синтаксический способ словообразования [Текст] / А. Я. Загоруйко. АКД. – М. 1961, 19 стр.
59. Земская Е.А. О семантике и синтаксических свойствах субстантивированных прилагательных в современном русском языке [Текст] // Историко-филологические исследования. М.: Наука, 1967. - 213 с.
60. Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование [Текст] / Е. А. Земская. — М.: Просвещение, 1973. — 304 с.
61. Зехнӣ Т. Аз таърихи лексикаи забони адабии тоҷик [Текст] / Т. Зехни. – Душанбе: Дониш, 1987, 236 с.
62. Зехнӣ Т. Санъати сухан [Текст] / Т. Зехни. – Душанбе: Ирфон, 1978, 328 с.
63. Зикрияев Ф.К. Структурно-семантические особенности таджикского паратаксиста [Текст] / Ф. К. Зикрияев. – Душанбе: Ирфоп, 1986. – 192 с.
64. Зикриёев Ф. Лексикаи маросимии шеваи шимоли забони тоҷикӣ [Текст] // Сухани сабз. – Душанбе: Дониш, 2004. – с. 66-75.
65. Зуева, Р.С. Окказиональное слово в контексте художественного целого [Текст] // Индивидуальность автора и контекст. Сб. науч. тр. М., 1992.
66. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка [Текст] / И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М.: Высш. шк., 1983, 285 с.
67. Ивянская-Гессен И.С. Вопросы конверсии в связи с особенностями образования числовых форм существительных в английском языке

- [Текст]: Автореф. ... канд. филол. наук /И.С. Ивянская-Гессен.- МД 962.- 15 с.
- 68.Исмоилов Ш. Баъзе хусусиятҳои лексикаи феъл дар шеваҳои Қаротегин [Текст]. //Маҷмӯаи илмӣ. Ҷ.91. Серияи филологӣ. – Душанбе: ИДПД, 1974, с. 155- 165.
69. Исмоилов И. Зарф дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Текст]. – Душанбе: Ирфон, 1971, 87 с.
- 70.Исмаилова Д. Б. Структурно-семантическая характеристика отглагольных существительных, образованных способом конверсии во французском и татарском языках [Текст]: Дис..канд. филол. наук/ Д. Б. Исмаилова – Казань. 2007 – 231 с.
- 71.Касимов О. Суффиксальное словообразование имен существительных в «Шахнаме» А. Фирдавси [Текст]: Дис. кан. фил. наук. –Душанбе, 1988. – 188 с.
- 72.Касимов О. Суффиксальное словообразование имен существительных в «Шахнаме» А. Фирдавси [Текст]: Автореф. дис. кан. фил. наук. –М., 1988. – 23 с.
- 73.Карпухина Н.К. Лексико-грамматический разряд имен лица в современном английском языке [Текст]: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Л., 1974.-23 с.
- 74.Катагощина Н.А. Как образуются слова во французском языке [Текст] / Н. А. Катагощина. — М.: КомКнига, 2005. 110 с.
- 75.Кизюкевич А.А. Безаффиксная транспозиция личных субстантивов [на материале русского и польского языков] [Текст] //Вопросы словообразования и номинативной деривации в славянских языках: М-лы Ш респ. конф. [5-6 окт. 1989 г.]. - Гродно, 1990. - С. 168.
- 76.Ким О.М. Транспозиция: на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке [Текст] / О. М. Ким. — Ташкент: Фан; 1978. 228 с.

77. Ким О.М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке [Текст]: Автореф. дис. д-ра филол. наук. Ташкент, 1978. - 44 с.
78. Ким О.М. К типологии транспозиционных процессов [Текст] / О. М. Ким // Науч. тр. Ташкентского гос. ун-та. — Т. 698. — Ташкент: Фан, 1982. — С. 3-8.
79. Ким О.М. Транспозиция на уровне лексико-грамматических разрядов [Текст] // Науч. тр. Ташкентского гос. ун-та. — Вып. 629.: Вопросы теории и истории языка. — Ташкент: Фан, 1984. — С. 2-6.
80. Ким О.М. Типы транспозиции на уровне морфологических категорий / О. М. Ким // Структура и функционирование единиц русского языка [Текст]: Сб. науч. тр. — Ташкент: Фан, 1986. С. 5-9.
81. Ким О.М. Типы омогрупп и омопар на уровне частей речи [Текст] / О. М. Ким // Науч. тр. Ташкентского гос. ун-та. Т. 629. - Ташкент: Фан, 1987. - С. 10-15.
82. Ким О.М. Грамматическая семантика и асимметрия в грамматике // Вопросы грамматической асимметрии [Текст] / О. М. Ким: Сб. науч. тр. — Ташкент: Фан, 1989. -С.3-8.
83. Ким О.М: Субстантивация и метасубстантивация в языке [Текст] // Функционирование языкового знака в тексте: Сб. науч. тр. Ташкент: Фан, 1992. - С. 3-7.
84. Клейменова Н. М. Роль конверсии как способа словообразования в современном французском языке [на материале неологизмов] [Текст]: Автореф. ... канд. филол. наук / Н.М. Клейменова.- М., 2003
85. Қосимова Н. М. Таърихи забони адабии тоҷик [асрҳои IX-X] [Текст] / Н. М. Қосимова. - Душанбе, 2003. – 490 с.
86. Қосимова Н. М. Истилоҳоти қадимаи тоҷикӣ [Текст] / Н. М. Қосимова. – Душанбе, 2007, 171 с.

87. Крысин, Л.П. Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике [Текст] / Л. П. Крысин. – М.: Языки славянской культуры. 2004. - 888 с.
88. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование [Текст] / Е. С. Кубрякова // Языковая номинация. Виды наименований. - М., 1977.
89. Кубрякова Е.С. Что такое словообразование? [Текст] / Е. С. Кубрякова. — М.: Наука, 1965. — 77 с.
90. Кубрякова Е.С. Деривация, транспозиция, конверсия [Текст] // Вопросы языкознания. - 1974. № 5. - С. 37-49.
91. Лингвистический энциклопедический словарь [Текст] // Под ред. В. Ярцевой. — М.: Сов. энциклопедия, 1990.-385 с.
92. Липкин С.Д. Явления субстантивации прилагательных и причастий в языке советской художественной литературы [Текст]: Дис. . канд. филол. наук. -Самарканд, 1949-219 с.
93. Липкин С.Д. Явления субстантивации прилагательных и причастий в языке советской художественной литературы [Текст]: Автореф: дис. . канд. филол. наук. — Самарканд, 1949. — 25 с.
94. Липкин С.Д. Особенности субстантивированных прилагательных и причастий в современном русском литературном языке [Текст] // Труды Узбек, гос. ун-та. Самарканд: СамГУ, 1956. - № 62. - С. 45-59.
95. Ломоносов М. В. Российская грамматика Михайло Ломоносова [Текст] // Полное собрание сочинений. Т. 7. - М.-Л.: АН СССР, 1952 - 996 с.
96. Лопатин, В.В. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке [Текст] // Русский язык: Грамматические исследования. М., 1967.
97. Лукин М.Ф. Морфология современного русского языка [Текст] / М.Ф. Лукин.- М.: Просвещение, 1973.- 232 с.
98. Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке [Текст] / М. Ф. Лукин. - Донецк: Изд-во ДГПИ, 1973. - 101 с.

99. Лукин М.Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке [Текст] // М. Ф. Лукин. - ВЯ, 1988. № 4. - С. 43-52.
100. Лукин М.Ф. О подлинной и ложной субстантивации прилагательных и причастий в современном русском литературном языке [Текст] / М. Ф. Лукин // Филологические науки. -1969.-№6. -С. 109-114.
101. Марков В.М. К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке [I] [Текст] / В. М. Марков // Учен. Зап. Казанского ун-та. Т. 117. — Кн. 2. - Вып. 1. -Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1957. - С. 113-117.
102. Марков В.М. К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке [II] [Текст] /В. М. Марков // Памяти В.А. Богородицкого. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1961.-С. 94-109.
103. Марков В.М. О семантическом способе словообразования в русском языке [Текст] / В. М. Марков. - Ижевск: Изд-во Удмурт. ГУ, 1981. - 32 с.
104. Мачидов Ҳ. Забони адабии муосири тоҷик. Ҷ. 1. Луғатшиносӣ [Текст] / Х. Мачидов. – Душанбе: 2007. – 242 с.
105. Маъсумӣ Н. Асарҳои мунтахаб. Ҷилди II. Забоншиносӣ [Текст] / Н. Маъсуми. –Душанбе: Ирфон, 1980, 296 с.
106. Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка [Текст] / О. Д. Мешков. - М.: Наука, 1976. - 312 с.
107. Мешков О.Д., Бердыева Г.Р. Сопоставление субстантивных композитов в английском и туркменском языках [Текст] // Методологические проблемы сопоставительного исследования разносистемных языков. Ашхабад: Гилем, 1991. - С. 47-55.
108. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке [Текст]: Учеб. пособие для студентов. / В. Н. Мигирин. — Бельцы: Изд-во пед. инс-та, 1971. -199 с.

109. Мухиддинова Т. Х. Семантико-структурный анализ наименований лиц по профессии в таджикском и английском языках [Текст]: Дис. канд. филол. наук. Душанбе, 2012. -187 с.
110. Мухамадиев Ш. Субстантивация в таджикском литературном языке [Текст]. Автореф. канд. дисс., 2009 – 24с.
111. Надыршина С. Ш. Сопоставительное исследование словообразовательных рядов отглагольных наименований лица в русском и таджикском языках [Текст]: Дис. канд. филол. наук. Душанбе, 1999. -165с.
112. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование [Текст] / В. Н. Немченко — М.: Высшая школа, 1984. 255 с.
113. Ниёзмухаммадов Б. Забоншиносии тоҷик. Асарҳои мунтахаб [Текст] /Б. Ниёзмухаммадов. –Душанбе: Дониш, 1970, 387 с.
114. Никитевич В.М. Образующая структура суффиксальных существительных и субстантивных причастий как фактор эволюции языка [Текст] / В. М. Никитевич // Материалы Всесоюзной конференции по общему языкознанию. Основные проблемы эволюции языка. Ч. 2. — Самарканд: Фан, 1966. — С. 56-61.
115. Низинская В. А. Словообразовательная структура существительных адъективного типа склонения в русской деловой письменности XV–XVII вв [Текст]. Автореф. дисс... канд. филол. наук. Ташкент, 1978. С. 10;
116. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка [Текст] / Д. Н. Овсянико-Куликовский. - СПб., 1912. С. 188.
117. Овчинникова Г. В. Сопоставительный анализ признаков слов во французском, итальянском и русском языках[Текст] / Г. В. Овчинникова. - Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого, 1999. - 250 с.

118. Ожегов С. И. Толковой словарь русского языка: ок. 57000 слов [Текст] / - 14-е изд., стереотип. – М.: Оникс, 2008. - 736 с.
119. Осимова Б. А. Лахчайи Хучанд (Лексика ва фразеология) [Текст] / Б. А. Осимова. – Хучанд, 2000, 56 с.
120. Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки [Текст] – М.: Наука, 1981, - 544 с.
121. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки [Текст]. – М.: Наука, 1982, - 544 с.
122. Пейсиков Л. С. Очерки по словообразованию персидского языка [Текст] / Л. С. Пейсиков. – М.:Изд-во МГУ. 1975 – 200 с.
123. Пейсиков Л.С. Транспозиция как способ словообразования в иранских языках [Текст] / Л. С. Пейсиков // Сборник. Иранская филология. - филология. Л., 1964. стр 85-94.
124. Пейсиков Л.С. Сложнопроизводные слова-сращения в персидском языке [Текст]. //Сборник. Иранская филология.-Ташкент, 1966. стр 118-131.
125. Перльмуттер Л. Б. Переход прилагательных в существительные [Текст] // Русский язык в школе. 1948. № 1. С. 12–20;
126. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении [Текст] / А. М, Пешковский, 7 изд. М.П. Наука, 1956-512 с.
127. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике [Текст] / А.А. Потебня. - Т. 3. М., 1958. С. 45–46.
128. Подгаецкая И.М. Переход прилагательных и причастий в существительные в истории русского литературного языка [XVIII- XX в.в.] [Текст]: Автореф. дис. . канд. филол. наук, 1950. — 24 с.
129. Подгаецкая И.М. Субстантивированные прилагательные и причастия в специальной сфере [Текст] // Уч.зап. Южно-Сахалинского пед. ин-та. Т.1. - 1957— С. 291-336.

130. Протченко И.Ф. О субстантивированных прилагательных и причастиях со значением лица [Текст] // Русский язык в школе. — 1958.- №4. — С. 7-11.
131. Протченко И.Ф. О субстантиватах и новообразованиях, создаваемых по их типу [Текст] // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. — М.: Наука, 1971.-С. 230-235.
132. Протченко И.Ф. Прилагательные-субстантиваты в роли названии лиц [Текст] // Памяти акад. В.В.Виноградова. -М.: Наука, 1971. С. 184-190.
133. Раевская О.В. О субстантивации прилагательного во французском языке [Текст] // Вестник Моск. ун-та. № 4. - М., 1994 - С. 19-23.
134. Ройзензон Л.И: К типологии субстантивированных прилагательных и причастий в русском языке [Текст] // Исследования по русскому языку. Труды Самарканд, ун-та; Вып. 118. — Самарканд: УзГУ, 1962. - С. 121-139.
135. Расторгуева В.С., Каримова А. А. Система таджикского глагола [Текст] / В. С. Расторгуева, А. А. Каримова. —М.: Наука, 1964, 292с.
136. Расторгуева В.С. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров [Текст] / В. С. Расторгуева. —М: Наука, 1964, 188 стр.
137. Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык[Текст] / В. С. Расторгуева. —М. 1966. - 265 стр.
138. Расторгуева, В.С. Этимологический словарь иранских языков [Текст]: в 3т. / В.С Расторгуева, Д.И. Эдельман - М. : т. 1: а-ā, 2000; т. 2: b-d, 2003; т. 3: f-h, 2007.
139. Розенфельд А.З. Глагол [Текст] //Очерки по грамматике таджикского языка. Вып. 4. – Сталинабад, 1954.
140. Русская грамматика [Текст]: в 2-х т. — Т. 1. — М.: Наука, 1982. — 783 с.

141. Рустамов Ш. Таснифоти ҳиссаҳои нутқ ва мавқеи исм [Текст] /Ш. Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1972, 90 с.
142. Рустамов Ш. Ба исм гузаштани сифат [Текст] / Ш. Рустамов. //Мақтаби советӣ. 1970, №3, с. 25-27.
143. Рустамов Ш. Ба исм гузаштани феъл [Текст] / Ш. Рустамов // Маориф ва маданият. - 1970, 29 сентябр, с. 4.
144. Рустамов Ш. Исм [Текст] / Ш. Рустамов. –Душанбе: Дониш, 1981, 218 с.
145. Рустамов Ш. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик[Текст] / Ш. Рустамов. –Душанбе: Дониш, 1972, 78 с.
146. Сабельникова В.С. Роль конверсии как словообразовательного процесса в пополнении словарного состава современного английского языка [на материале неологизмов 40-70 гг] [Текст]: Автореф. ... канд. филол. наук / В.С. Сабельникова.- М., 1979.
147. Саймиддинов Д. Форсии бостон (овошиносӣ, грамматика, овонавишт, катибаҳои мехӣ ва воҷанома) [Текст] / Д. Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2007, 112 с.
148. Саймиддинов Д. Лексикаи забони форсии миёна [Текст]. Рисола барои дарёфти унвони доктори илмҳои филологӣ. - Душанбе, 1998. – 402 с.
149. Сайфуллаев Х. Г. Сопоставительный типологический анализвопросительных местоимений таджикского и немецкого языков [Текст]: автореф. дис.кандидата филол. наук. Душанбе, 1981. - 23 с.
150. Сайфуллаев Х. Г. Сопоставительный типологический анализвопросительных местоимений таджикского и немецкого языков [Текст]: дис.кандидата филол. наук. - Душанбе, 1981. - 223 с.
151. Сангинова Р. Истилоҳоти соҳаи боғдорӣ дар лаҳҷаи Конибодом [Текст] / Р. Сангинов //Суханвар (маҷмуаи илмӣ). – Душанбе, 2005, с.98-105.

152. Сангинова Р. Номи ҳайвонот ва парандаҳо дар лаҳҷаи Конибодом [Текст] // Паёми ДМТ (маҷаллаи илмӣ). - №4(52). – Душанбе: Сино, 2009, с. 74-76.
153. Сиёев Б. Аз таърихи чамъбандии исмҳо дар забони тоҷикӣ [Текст] //М/и. Афкори маонӣ. –Душанбе: Дониш, 1967. с. 28-36
154. Сиёев Б. Очерк доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик [Текст] / Б. Сиёев. –Душанбе: Дониш, 1968, 165 с.
155. Сиёев Б. Таърихи чонишинҳои забони тоҷикӣ [Текст] / Б. Сиёев. –Душанбе: Дониш, 1972. 217с.
156. Смирницкий А.И. Так называемая конверсия и чередования звуков в английском языке [Текст] / А. И. Смирницкий. –М.: Иностранный язык в школе, 1953, стр. 24-54.
157. Смирницкий А.И. По поводу конверсии в английском языке [Текст] // Иностранный язык в школе. 1953. - №3*. - С. 12-24.
158. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове [Текст] // Вопросы грамматического строя. М.: АН СССР, 1955. - С. 11-53.
159. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка [Текст] / А. И. Смирницкий. — М.: Наука, 1956. 260 с.
160. Смирнова Е В. Окказиональные субстантиваты: структура, семантика, функционирование [Текст]: Автореф. дис. . канд. филол. наук. Тюмень, 2007 -22с.
161. Смирнова Е.В. Окказиональные субстантиваты: структура, семантика, функционирование [Текст]: Дис. . канд. филол. наук. Тюмень, - 2007. - 150 с.
162. Смольянинова М.И. Глагольные категории в структуре субстантивированных причастий [Текст] // Вопросы грамматики русского языка / Отв. ред. И.П. Святогор. Тула: Изд-во Тул.ун-та, 1974. - С. 36-48.

163. Современный русский язык [Текст]: Учебник / Под редакцией Н.С. Валгиной. - 6-е изд., перераб. и доп. - Москва: Логос, 2002. 528 с.
164. Соколова Г.Г. Транспозиция прилагательных и существительных [Текст] / Г. Г. Соколова. - М.: Высшая школа, 1973. — 235 с.
165. Сравнительно-историческое языкознание. Методические указания к лекционным и семинарским занятиям для студентов специальности «Теоретическая и прикладная лингвистика» [Текст] / сост.М. А. Андросова. Ульяновск: УлГТУ, 2009. - 87 с.
166. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка [Текст] / М. Д. Степанова. - М., 1953. - 373 с.
167. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка [Текст] / М. Д. Степанова. -М.: КомКнига, 2007. 378 с.
168. Сулаймон У. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ [Текст] / У. Сулаймон. – Душанбе, 2006, 67 с.
169. Сулаймонов С. Очерки мухтасари сарф (морфология)-и забони арабӣ [Текст] / С. Сулаймонов. – Душанбе: Ирфон, 2005, - 119 с.
170. Таджиев Д. Т. Причастие в современном таджикском литературном языке [Текст] / Д. Т. Таджиев. – Сталинобод, 1954, с.128.
171. Уолш, И.А. Субстантивация прилагательных и сходные с ней способы именного словообразования [на материале английского языка XX в.] : дис. . канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / И.А. Уолш. Ленинград, 1980. -211 с.
172. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ: иборат аз 2 ҷилд. – Ҷ. 1.-Зери таҳрири Сайфиддин Назарзода: Душанбе – 2008 – 950с.
173. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ: иборат аз 2 ҷилд. – Ҷ. 2.-Зери таҳрири Сайфиддин Назарзода: Душанбе – 2008 – 950с.
174. Французско-русский словарь: 51 000 слов. -10-е изд-е., испр. / К.А. Ганшина. - М.: Рус.яз., 1987. - 972 с.

175. Французско-русский словарь активного типа /В. Г. Гак, Ж. Триомф, Г. Г. Соколова и др.; под редакцией В. Г. Гак, Ж. Триомф. – 3-е изд. – М.: Рус. Яз., 2000. – 1056 с.
176. Фысина У.Н. Субстантиваты в русском языке [стилистический и семантический аспекты]: Дис. канд. филол. наук [Текст] У. Н. Фысина. - Москва, 2007. - 196 с.
177. Фысина У.Н. Субстантиваты в русском языке [стилистический и семантический аспекты]: Автореф. дис. . канд. филол. наук [Текст] / У. Н. Фысина. - Москва, 2007. -22 с.
178. Ҳалимов С. Калимасозии исм дар забони адабии тоҷик/Аз руи забони «Гулистон»-и Саъди [Текст] //Масъалаҳои забон ва адабиёт. – Душанбе, 1975. Қисми ½. с. 283-307.
179. Ҳалимов С. Таърихи забони адабии тоҷик (асри XI- XII) [Текст] / Ҳалимов С. – Душанбе: ДДМТ, 2002. -95 с.
180. Ханпира, Э. Оказиональные элементы речи [Текст] // Стилистические исследования. - М., 1972.
181. Хачирова Е.М. Субстантивация глаголов и имен прилагательных в карачаево-балкарском языке: Дис. . канд. филол. наук [Текст] / Е. М. Хачирова. - Карачаевск, 2003 -164 с.
182. Хоркашев С. Пасвандҳое, ки исми маънӣ месозанд [Текст] // Ахбори АИ ҶТ, шӯъбаи илмҳои ҷамъиятшиносӣ. – Душанбе: Дониш, 2009. – с. 249-255.
183. Хоркашев С. Р. Калимасозии исм бо пасвандҳо [аз рӯи маводи шеваи ҷануби шарқии забони тоҷикӣ] [Текст] / С. Р. Хоркашев. – Душанбе: Ирфон, 2010 – 144 с.
184. Хоркашев С. Р. Суффиксальное словообразование существительных в юго-восточных говорах таджикского языка Дис. канд. филол. наук [Текст] / С.Р. Хоркашев. - Душанбе, 1996 – 176 с.

185. Хоркашев С. Истилохоти калимасозӣ [Текст] / С. Р. Хоркашев. – Душанбе: Дониш, 2010.
186. Шанский Н.М. Тихонов А.Н. Современный русский язык. -Том 2. - Словообразование. Морфология. [Текст] / Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов. - М.,1959. – 270 с.
187. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка [Текст] / А. А. Шахматов. -Л., 1941. С. 455.
188. Шведова Н. Ю. и др. Русская грамматика в двух томах [Текст] – М.: АН СССР, 1982.
189. Шигуров В.В. Переходные явления в области частей речи в синхронном освещении: учеб. пособие [Текст] /В. В. Шигуров. - Саранск: Изд-во Саран, ун-та, 1988. -87 с.
190. Шоев Э. Сифатшавии баъзе исмҳо [Текст]. //Маориф ва маданият. 1980, 28 январ.
191. Шоев Э. Омофермаи - й. [Текст] // Мактаби советӣ, 1980. №5. с. 20-22.
192. Чурилова Н.Н. Субстантивация имен прилагательных в современном русском литературном языке // Вопросы теории и методики изучения русского языка [Текст]. - Саратов: Коммунист, 1959. — С. 62-81.
193. Цыбова И. А. Словообразование в современном французском языке: учеб. пособие [Текст] / И. А. Цыбова. – М.: Высш. шк., 2008. – 128 с.
194. Цыбова И.А. Французская лексикология = Lexicologiefrançaise [Текст]. -Изд. 2, испр. и доп. - М.: КД Либроком, 2011. - 223 с.
195. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л. В. Щерба. - М., 2007.-259 с.

196. Эдельман, Д.И. Иранские и славянские языки. Исторические отношения [Текст] / Д. И. Эдельман. - М.: Восточная литература РАН, 2002. - 230 с.
197. Ярцева В.Н. Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействия [Текст] / В. Н. Ярцева. - Москва 1969. - 200 стр.
198. Яцкевич А.Г. О субстантивной транспозиции русских прилагательных в речи. Научные доклады высшей школы [Текст] // Филологические науки. — М.: Высшая школа, 1977. № 4. - С. 101-106.
199. Bally Ch. Linguistique générale, linguistique française [Текст] / Ch. Bally. - Paris, 1950.-440 p.
200. Brunot F. La pensée et la langue [Текст] / F. Brunot.- Paris, 1965.
201. Brunot F. Précis de grammaire historique de la langue française [Текст] / F. Brunot. - Paris, 1899.- 689 p.
202. Brunot F. La pensée et la langue [Текст] / F. Brunot. - Paris, 1954. - 982 p.
203. Corbin D. Morphologie dérivationnelle et structuration du lexique [Текст] / D. Corbin.- Tübingen, 1987. - tome premier. - 511 p.
204. Damourette J., Pichon E. Des mots à la pensée [Текст]. - Paris, 1911-1927. - tome premier. - 674 p.
205. Darmesteter A. Cours de grammaire historique de la langue française [Текст] / Darmesteter. - Paris, 1897. - 169 p.
206. Darmesteter A. De la création actuelle de mots nouveaux dans la langue française [Текст] / A. Darmesteter. - Paris, 1877. - 300 p.
207. Darmesteter A. La vie des mots étudiée dans leurs significations [Текст] / A. Darmesteter. - Paris, 1887.-212 p.
208. Darmesteter A. Formation des mots et la vie des mots [Текст] / A. Darmesteter. - P. - 1895. - 201p.

209. Darmesteter A. Cours de grammaire historique de la langue française [Текст]. - Paris, 1897. - 169 p.
210. Dauzat A. Grammaire raisonnée de la langue française [Текст]. - Lyon, 1947.-480 p.
211. Dauzat A. La vie du langage [Текст]. - Paris., 1922. -303 p.
212. Dauzat A. La langue française d'aujourd'hui. [Текст] - Paris, 1926. -275 p.
213. Dauzat A. Etudes de linguistique française [Текст]. - Paris, 1946. -350 p.
214. Dubois J. Etudes sur la dérivation suffixale en français moderne et contemporain [Текст]. - Paris 1962. - 118 p.
215. Dubois J. Grammaire structurale [Текст]. - Paris, 1965. - 191 p.
216. Dubois J. Grammaire structurale du français. La phrase et les transformations [Текст]. - Paris, 1969. - 187 p.
217. Dubois J. La nouvelle grammaire du français [Текст]. - Paris, 1973. - 266 p.
218. Guilbert L. La créativité lexicale [Текст]. - Paris, 1975. - 283 p.
219. Grévisse M. Le bon usage [Текст]. - Paris, 1955. - 1047 p.
220. Grévisse M. Le bon usage. Treizième édition par Goosse A [Текст]. - Paris, 1993.-1762 p.
221. Le Robert pour tous. Dictionnaire de la langue française [Текст].- Paris.: Dictionnaires Le Robert, 1994.- 1280 c.
222. Lombard A. Les constructions nominales dans le français moderne [Текст]. - Upplala et Stokholm, 1930 - 260 p.
223. Marchand, H. The Categories and Types of Present Day English word-formation. Ed. 2. [Текст] - Munchen, 1969. 156 p.
224. Martin-Berthet F., Lehmann A. Introduction à la lexicologie sémantique et morphologique [Текст]. - Paris 2000. - 198 p.
225. Mortrueux M.-F. La lexicologie entre la langue et le discours [Текст]. - Paris 1997. - 191 p.

226. Nyrop K.H. Grammaire historique de la langue française. Tome 3 [Текст]. - Paris, 1936.-479 p.
227. Pennanen, E. Conversion and Zero-Derivation in English // Acta Universitatis [Текст] - Ser, A. Tampere. 1971. -Vol. 40. - 76 p.
228. Pichon E. Structure générale du français d'aujourd'hui [Текст] - Paris, 1935.-231 p.
229. Pichon E. L'enrichissement lexical dans le français d'aujourd'hui [Текст]. - Paris, 1942. - 77 p.
230. Secheyaye A. Linguistique théorique [Текст]. - Paris, 1908. - 267 p.
231. Secheyaye A. Structure logique de la phrase [Текст]. - Paris, 1926. - 237 p.
232. Tesnière L. Elément de syntaxe structurale [Текст] / L. Tesniè.- P., 3e éd.,1976.

ПРИЛОЖЕНИЕ №1.

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВАТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Действие или состояние:

положение,	понимание,	сияние, удивление,
колебание, молчание,	пережитое, усилие,	получение,
возражение,	сражение,	взыскание,
расписание,	возвращение,	страдание, следствие,
давление, внимание,	бегство, направление,	бдение,
течение,	признание,	освобождение,
существование,	завихрение,	разрушение,
снижение,	сообщение,	завоевание,
приближение,	молчание,	нагромождение,
погружение, звание,	планирование,	изучение,
сверкание, усердие,	сочувствие,	прикосновение,
ожидание,	утешение, биение,	ожидание,
разъяснение,	решение, движение,	испытание,
оборудование,	распоряжение,	присутствие,
освящение,	исцеление,	спасение, волнение,
распоряжение,	представление,	поражение,
опоздание, название,	мерцание,	покорение,
неимение, испытание,	сокращение,	назначение,
донесение,	изгнание, сомнение,	продвижение,
обольщение,	присутствие,	утешение, смирение,
показание, ругание,	управление,	следование,
крепление,	сотрясение, послание,	наступление,
отправление,	прикосновение,	отступление,
восстание,	отсутствие,	рисование, молчание,
выражение,	воспоминание,	наказывание,

формирование,	сокращение,	отравление,
доигрывание, пение,	дополнение,	ябедничание,
горение, хождение,	выступление,	явление, ягнение,
ношение, ослабление,	присоединение,	ясновидение,
нападение, спасение,	применение,	видение, лазание,
вращение, принятие,	подписание,	сжигание,
развитие, отплытие,	согласование,	постижение,
прибытие, доверие,	соглашение,	почитание, обожание,
содействие,	исправление,	изъятие, изыскание,
соответствие,	выполнение,	коверканье,
отсутствие,	предоставление,	расспрашивание,
восклицание,	признание,	осведомление,
прикосновение,	обжалование,	разрушение, падение,
погружение,	засорение,	опорочивание,
подтягивание,	авансирование,	формование,
явление, управление,	состязание,	отчаяние, поедание,
срыгивание,	опосредование,	опаивание,
ползание,	опосредствование,	опахивание,
предоставление,	опошление,	опаливание,
изучение, проверка,	опошливание,	отпаивание,
исключение,	опоясывание,	переедание,
обращение,	оппонирование,	выкармливание,
прекращение,	оправдание,	докармливание,
содержание,	бланширование,	питание, опьянение,
ограничение,	блеяние,	закливание,
расширение,	блокирование,	обвинение,
использование,	стрекотанье,	отставание,
распределение,	дзекание, испускание,	выпивание,
измерение,	опускание,	выбивание, заедание,

сенокосение,	штукатурка,	кустарство,
качание,	маркировка, вклейка,	вмешательство,
покачивание,	заливка, браковка,	ручательство,
запекание, варение,	поддержка, вспышка,	ругательство,
хранение,	затяжка, попытка,	разбирательство,
накопление,	отрыжка, выписка,	укрыватьство,
окончание, собрание,	передача, уступка,	толчок, сводки,
заседание, угощение,	ссылка, поправка,	принадлежности,
скручивание,	остановка,	прыжок, пружина,
изложение,	реализация,	дремота, зевота,
представление,	деградация,	рвота, ломота,
прошение,	стилизация,	хрипота, пахота,
снаряжение,	эвакуация,	борьба, стрельба,
излучение,	симуляция,	ходьба, косьба,
зажигание,	идеализация,	пальба, дружба,
разжигание, посадка,	фальсификация,	служба, женитьба,
тряска, доставка,	военизация, агитация,	пастьба, добыча,
резка, стрижка,	теплофикация,	раздача, выдача,
задержка, браковка,	калькуляция, массаж,	отдача, проигрыш,
рубка, варка,	инструктаж, монтаж,	наигрыш, розыгрыш,
стыковка, расклейка,	тренаж,	выкидыш, нападки,
сверловка,	хронометраж,	поминки, догонялки,
распиловка, явка,	дубляж,	прятки, кивок,
заготовка, готовка,	доказательство,	толчок, бросок,
ковка, отсрочка,	баловство, воровство,	звонок, глоток,
вытяжка, выжимка,	притворство,	щелчок,
придирка, выпивка,	производство,	придирчивость,
вышивка, поджарка,	превосходство,	распитие, напиток,
запеканка, заправка,	бродяжничество,	запой, вареники,

сенокос,	косьба,	гуденье,	спанье,	полет, выпад, отлет,
защита,	призыв,	шитье, бритье, житье,		езда, поезд, расстрел,
вдох, раздумье, бег,		отказ, сбор, поиск,		распад, нагрев,
гул, вылет, разгром,		вход, выход, засос,		обжиг, промыв,
выбор, встреча,		отпуск, упрек, отход,		подклад, завал.

Лицо – производитель действия:

обидчик,	соглашатель, деятель,	носильщик,
летчик, обходчик,	грабитель,	рисовальщик,
резчик, разносчик,	расхититель,	обжигательщик,
перебежчик,	создатель,	курильщик,
обыватель,	воспитатель,	болельщик,
смотритель, искатель,	искатель, поедатель,	плакальщик,
созидатель,	предатель, податель,	гранильщик,
отправитель,	утешитель,	погонщик,
получатель,	измеритель,	плательщик,
заготовитель,	основатель, сеятель,	пильщик,
нарушитель,	разрушитель,	распиловщик,
спаситель,	водитель, писатель,	перекупщик,
наниматель,	заклинатель,	бурильщик,
завоеватель,	притеснитель,	строгальщик, ловец,
победитель,	обвинитель,	боец, льстец, чтец,
последователь,	воспитатель,	лжец, продавец,
свидетель, учитель,	просветитель,	пловец, гребец,
мучитель, хранитель,	искатель, губитель,	певец, борец,
преподаватель,	кладовщик,	страдалец, скиталец,
читатель, слушатель,	обманщик,	владелец, кормилец,
мечтатель, житель,	проверщик,	жилец, владелец,
обжигатель,	регулировщик,	беглец, ясновидец,
обладатель,	прицепщик,	творец, кормилец,

страдалец, гонец,	рационализатор,	претендент,
работник, наследник,	комментатор,	выскачка, лакомка,
заступник, шутник,	инспектор, обидчица,	заснайка, недоучка,
клеветник, ученик,	заведующий, столяр,	тараторка, бродяга,
труженик, заступник,	привидение,	работяга, трудяга,
участник,	служащий,	деляга, коваль,
путешественник,	подчиненный,	кобзарь, едок,
врун, прыгун, лгун,	врунья, репетитор,	выкормыш,
шалун, опекун,	танцор, дирижёр,	откормыш, ткач,
грызун, скакун,	режиссер, гравёр,	плакальщица,
драчун, игрок, ездок,	дублер, контролер,	обвиняемый, гуляка,
ходок, седок, стрелок,	паникер, ревизор,	кутила, возчик,
знаток, пекарь,	инструктор, редактор,	ведущий,
лекарь, писарь,	эмигрант, оккупант,	трудящийся,
пахарь, экзаменатор,	консультант,	управляющий,
реставратор,	симулянт, ассистент,	завсегдатай, убитый.
организатор,	конкурент, оппонент,	
агитатор,	рецензент,	

Место действия:

наковальня,	обиталище, парилка,	изолятор, загон,
купальня, спальня,	раздевалка, курилка,	удилище, прядильня,
читальня, училище,	зимовье, гнездовье,	отстойник, мельница,
хранилище,	кочевье,	зимовник, гранильня,
вместилище, жилище,	опочивальня, бойня,	садок, кочегарка.

Неодушевленный предмет [орудие, машина, устройство, приспособление]:

рыхлитель,	истребитель,	распылитель,
предохранитель,	двигатель,	глушитель,

нагреватель,	резак, черпак, лежак,	терка, отвертка,
проигрыватель,	скребок, каток,	крышка, покрывка,
опрокидыватель,	движок, манок,	колотушка,
окучник, разменник,	вибратор,	хлопушка, ловушка,
отстойник,	конденсатор,	кормушка,
подъемник, паяльник,	резонатор,	побрякушка, планер,
умывальник,	вентилятор,	транспортёр, стартер,
кипятильник,	ретранслятор,	компостер, точило,
холодильник,	молотилка, сеялка,	покрывало,
будильник,	точилка, зажигалка,	поддувало, плавки,
буксировщик,	мигалка, коптилка,	подтяжки, носилки,
бомбардировщик,	веялка, грелка,	прыгалки, ползунки.
перехватчик,	загородка, жатка,	
передатчик, счетчик,	заколка, подпорка,	

ПРИЛОЖЕНИЕ №2. ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВАТЫ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Действие или состояние:

рафтани,	баёт, бурд, дид, дод,	девор], кишт, кишта,
пушидани,	ёфт, зист, рафт,	куфтаги, локзани,
ресандаги,	сохт, тохт, гуфт, печ,	молидани, мурдани,
бофандаги, куштор,	суз, тавн, тоб, хез,	нависандаги,
гуфтор, кушоиш,	шитоб, ист, бахш,	навиштани,
биниш, гуфтани,	бар, омад, оянда,	навозиш, навоз,
дидани, ситоиш,	раванда, пайванд,	намояндаги,
фармоиш, ангезиш,	андохтани,	нишаста[ги],
арзиш, нишаст,	афзудаги, бастаги [и	нишаст, нолиш,
шишт, шумор,	рох], боистани,	нушидани, хурдани,
шумора, шумориш,	боранда, борандаги,	ошомидани, оварда,
чуш, чушиш, давон,	бориш, бофандаги,	омезгори, омезиш,
таркиш, баста,	бофтани, бурандаги,	омехтаги,
андоз, андоза,	бурд, гармоиш,	омузандаги,
афтиш, афтодаги,	гирифтани,	офаринандаги,
афсурданиги,	гудохтани, гузориш,	офариниш, писанд,
бахшиш, бозхонд,	даргиранда [оташ],	вобастаги,
болиш, руиш,	зебиш, дидани	суруда[хои шоир],
бошиш, гаравиш,	[такдир], додани,	сухтаги[хои чуб],
гувориш, гудозиш,	зада, истодагари,	сухтани [бемори и
гузариш, гузашт,	канда [чукури,	сузишвори], чакиш,
густариш, гелиш,	кандани, кардани,	чунбиш, чуяндаги,
давиш, дав, дамиш,	кафида [чойхои	шикаста [_хат],
вазиш, дихиш,	таркиш	шунид, бастани,
душиш, ёзиш,	пайдокардаи замин],	сухтор, падидор,
заниш, зан, баст,	кафидаги[хои	шукуфа, реза, буса,

нола, ханда, созиш,	шумор, шумора,	ғелиш, тохт, дам,
созандаги, супориш,	шумориш, андоз,	даргузашт,
талаб, тавон,	ангез, ангеца,	дарёбандаги,
тавоиш, рониш,	ангезиш, андеша,	дарёфт, фахмиш,
ресандаги, рафтор,	андохт, афрузиш,	дузандаги, духт,
рандагари, тафтиш,	афтиш, баргардон,	душиш, ёра, каш,
тоб , тобиш, тоз,	баргашт, бардор,	ковиш, кор,
фармуд, фиреб,	бардошт, баровард,	коргари, куфт,
фишор,	бархурд, бахш, бози,	кушиш, лағз-
фурушандаги,	боф, варз, газ, гашт,	лағзиш, ларз-
харид, хез,	гудоз, гудозиш,	ларзиш, ларза, мол-
хиромиш, хуфт,	гузорд, густара,	молиш, мондаги,
хурд, чанг, чуш,	густариш, гуиш,	намо, нигор, ниход,
шикан, шикоф,	ғарош, харош,	нишон, нолиш,

Лицо:

нависанда,	фирори, супоранда,	бинанда, бозанда,
хонанда, банда,	супоришдиханда,	бошанда, газанда,
тавонгар, чуянда,	нигорандагон,	гарданда, гириянда,
гуянда, кобанда,	шарманда, баранда,	гумошта, гурезанда-
ояндагон,	даванда,	гуреза, диханда,
гузаштагон,	фурушанда,	супоранда, донанда,
дузанда, шунидор,	ичрокунанда,	доранда, ёбанда,
омузгор, офаридгор,	намоянда, бофанда,	ёридиханда, зоянда,
ронанда,	харидор, парастор,	кашанда, коранда,
истифодабарнда,	шунидор, зан,	кушанда, кушта,
мурда, зинда,	даванда, гўянда,	кўшанда, лесанда,
гуянда, раванда,	афтода,	навозишгар,
шунаванда,	бароваранда,	навозанда,
донишомуз, шуянда,	бароварда,	нигоранда,
донишчу, сароянда,	бастагон, бахшида,	нишинанда,

ноланда, оваранда,
омезгор-омезанда,
омузанда,
парастанда,
параста, парварида,
паронда, побаста,
хохишгар-
хошишманд,
хазанда, хоянда,
чинанда, чаханда,

шунаванда,
хизматгор,
мададгор, ситамгор,
гунахгор, талабгор,
фурушгор, хостгор,
созанда, созишгар,
супоришгар,
талабанда, тавнгар,
рубанда, ресанда,
рафтагор, рандагор,

фиребгар,
фурушгор, хоханда,
хуранда, чахана,
чуё, анбоз, афтода,
варзгар, гудозгар,
дидбон, даргузашта,
ёр, кана, ковишгар,
коргар,
лесак,нолагар.

Место действия:

даромадгох,
гузаргох, фурудгох,
вуруд, баромадгох,
истгох, гурезгох,
нишастгох, зодгох,
фуромадгох, ангор,
бошгох, варзишгох,
гузар, чавлогах,
курбонгох, катлгох,
кароргох,
икоматгох,

шикоргох,
тамошогох, сайргох,
саёхатгох, рамзгох,
базмгох, паногох,
машваратгох,
коргох, интихобгох,
идгох, зиёратгох,
дарсгох, омузишгох,
резишгох,
ситоишгох,
намоишгох,

гардишгох,
парастишгох,
буришгох,
бошишгох,
донишгох, дидгох,
дор, киштзор,
киштгох, лагзишгох,
мон, нишемонгох,
нишонгох.

Неодушевленный предмет:

тароша,
пушок, бандак,
бароварда, бофта,
бурда, вомонда,
гардон, кашида,
кӯбида, кӯфта,

тофта, бастани,
мола, куба, овеза,
галтак, бандак,
чинак, хурок,
пушок, сузук, сипор,
сипар, чарх, чарха,
чах, бароз, бол, боф,

бофта, бурд, гудоза,
гуфт, гелак, гелон,
доро, дида, каш,
навард, навор, нуш.

ПРИЛОЖЕНИЕ №3.

ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУБСТАНТИВЫ ФРАНЦУЗСКОГО

Действие или состояние:

arrosage, accrochage,	propagation, location,	falsification,
depannage,	negation, verification,	simplification,
adoucissage,	radiation, renunciation,	edification, aberration,
arrachage, brunissage.	observation, cessation,	ablactation, ablation,
balayage, reglage,	limitation, reparation,	abnegation,
brunissage, vannage,	indexation, accusation,	abomination, abrasion,
epluchage, sciage,	appreciation,	abrogation,
balayage, pourissage,	collaboration,	abbreviation,
bachotage, mesurage,	variation, organization,	abstraction,
codage, caviardage,	modification,	accentuation,
dressage, noyautage,	improvisation,	acceptation,
pilotage, renplissage,	ratification,	acclamation,
vernissage, abattage,	denunciation,	acclimatation=acclimat
abordage, accolage,	application,	ement,
accommodage,	rectification,	accommodation,
aconage, accostage,	declaration,	accreditation, agitation,
accrochage, badinage,	invalidation, agitation,	constatation, datation,
badigeonage,	constatation,	minaturation,
blanchissage,	constitution, datation,	modernization,
vernissage, caviardage,	minaturisation,	resilliation,
depannage,	modernization,	stabilization,
degrossissage,	resilliation,	verification, radiation,
babillage=babilement,	stabilization,	renunciation,
codage, atterissage,	federalization,	observation, cessation,
desorganisation,	congolisation,	limitation,
adoration, approbation,	satellisation,	denunciation,

application,	ouverture, fermeture,	aboitement,
declaration,	fourmiture, garniture,	aveuglement,
socialization,	pourriture, dictature,	abaissement,
edification,	accrochement,	abandonnement,
augmentation,	avertissement,	abatement,
celebration,	arrachement,	abonnissement,
acceleration,	blanchissement,	aboutement,
delegation,	reglement,	abochement,
manipulation,	brunissement,	abonnement,
extermination,	eclaboussement,	abregement,
evaporation, tentation,	noircissement,	abroutissement,
indexation,	pourrissement,	abrutissement,
ambrassade, lissade,	tratement,	absorbemant,
ridolade, accolade,	amenagement,	abutement,
embrassade, noyade,	changement,	accablement,
fusillade, bainade,	consentement,	accaparement,
trouvaille, fiancialles,	renseignement,	accommodement,
semailles, sonnaille,	agradissement,	accompangement,
epouvantail, evantail,	amoncement,	accordement=accordage,
tenaille, siglaison,	craquement,	e, accomplissement,
conparaison,	developement,	accouplement,
cuillaison, declinaison,	engourdissement,	accorcissement,
demangeaison,	eturniement,	accoutrement,
livraison, salaison,	groupement,	accouchement,
gelure, mouture,	picotement,	accoudement,
ossature, brulure,	remerciement,	baillement,
dorure, gagure, allure,	renouvellement,	grossement, garnison,
fletrissure, moisissure	vieillissement,	pâmoison, finition,
meurtrissure, rayure,	begaiement, payement,	récession, connexion,

chamaillerie, issue, fin,	batisse, jaunise,	présupposé, dégraîne,
duree, validite,	eclaircie, embellie,	glisse, cri, interprete,
contenu, demande,	saisie, acquis, sursis,	recherché, essai,
refus, produit, renvoi,	battue, revue, vue,	eprouve, arrachis.
entrée, sortie, traite,	mordu, floculant,	
octroi, delai, abrit,	dessicant, couplé,	

Лицо-производитель действия:

Parleur,	Adorateur,	enseignant,
Batisseur, Chanteur,	Propagateur, Locateur,	applicateur,
Coiffeuse, Dormeur,	Negateur,	Démonstratrice,
Fumeuse, menteur,	Approbateur,	.Applicateur,
Agrandisseur,	Accrocheur,	Excavatrice, Glisseur,
Couveuse, Demarreur,	Depanneur, vanneur,	Dormeur, Simulateur,
Friteuse, Planeur,	travailleur, dineur,	Accelerateur,
Suceur, Bailleur,	marcheur, marqueur,	Bruniseur,
Chasseuse,	affineur, arroseur,	Reconciliateur,
Demandeur,	predicateur,	Consommateur,
Enchanteresse,	multiplicateur,	Educateur, Spoliatuer,
Docteur, Partageuse,	negateur,	Regenerateur, Simulateur,
Bachoteur, Piocheur,	collaborateur,	ur, Improvisateur,
Grognard, Braillard,	organisateur,	Degustateur,
Trainard, Vantard,	modificateur,	Desorganisateur,
Protestataire,	appreciateur,	Dictateur, Informateur,
Signataire,	renonciliateur,	Tentateur, Essayeur,
Reterdataire,	consommateur,	Demandeur,
Programmateur,	educateur, spoliateur,	Commentateur,
Animateur,	simulateur,	Destructeur,
Verificateure,	improvisateur,	Exterminateur,
	falsificateur,	Affineur, agresseur,

Militant,	Puorsuivant,	etudiant,	écoutant,	gonfle,	etudiant,
executant-exutuer,		mutant,	séjournant,	couvreur,	aggresse,
Employe,	Delege,	branché[e],	enseignéfe,	aigri,	deplace, masse,
Ennemi,	Eleve,	gâtée,	transplanté,	cohabitant,	naissant.

Орудие-предмет действия:

Arrosoir,		rotissoire,	machoire,	simulateur,	edificateur,
laminoir,	timoir,	nageoire,	bouidoire,	amplificateur,	
racloir,	coupoir,	patinoire,	brunissoire,	arracheur,	arracheuse,
affinoir,	tiroir, miroir,	Plafonnier,	heritier,	vanneuse,	couvreuse,
arrosoir,	laminoir,	roulier,	balancier,	azurant,	dopant,
frottoir,	arrachoir,	levier,	Cafetière,	imprimante,	
Baignoire,	balancoire,	glissiere,		pénétrante,	précipité,
bouilloire,	ecumoire,	augmentateur,		retombée	

Местодействия:

Fumoir,		Boiterie,	Abord,	Allee,	Fondoir,	Rotissoire,
Buanderie,	Amarrage,	Arrivee,	Perchoir,		Rotisserie,	Fonderie,
Tracasserie,	Facherie,	Juchoir,	Abrevoir,		Baignoire,	Dortoir,
		Promenoir,	Semoir,		Abattoir,	Abri, coupee.